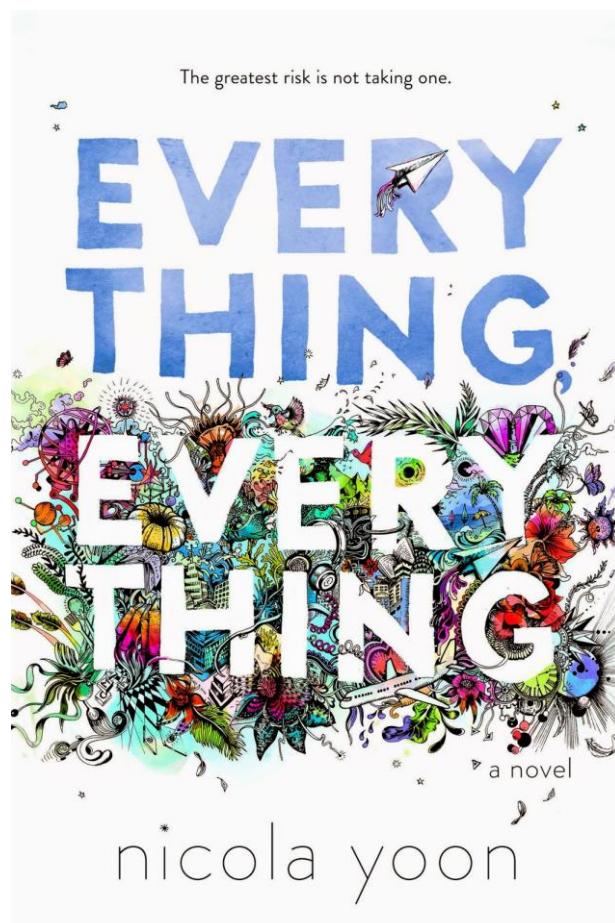

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Никола Юн Всё на свете

Оригинальное название: Nicola Yoon «Everything, Everything», 2015

Никола Юн «Всё на свете», 2015

Перевод: Оля Медведь

Русификация картинок: Ника Дорианская

Переведено специально для группы:

<https://vk.com/youngadultfiction>

Любое копирование без ссылки

на переводчика ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Аннотация

Моя болезнь редка, мало, кто знает о подобном недуге. Одним словом, у меня аллергия на мир. Я не покидаю дом уже семнадцать лет. Единственные, кого я когда-либо видела, это моя мама и медсестра Карла.

Но однажды к соседнему дому подъезжает грузовик. Я выглядываю в окно и вижу его. Он высокий, стройный и одет во все черное - черная футболка, черные джинсы, черные кроссовки и черная вязаная шапочка, которая полностью скрывает его волосы. Он ловит мой любопытный взгляд и внимательно смотрит на меня. Я смотрю на него в ответ. Его зовут Олли.

Может, будущее нам и неизвестно, но кое-что предсказывать мы можем. Например, я точно влюблусь в Олли. И это почти наверняка будет катастрофой.

Вот мой секрет, он очень прост:
зорко одно лишь сердце.
Самого главного глазами не увидишь.
- Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

БЕЛАЯ КОМНАТА

Я прочитала книг поболее вас. И неважно, сколько прочитали вы. Я прочитала больше. Поверьте мне. У меня было время для этого.

В моей белой комнате у белых стен на блестящих белых полках корешки книг представляют собой только один цвет. Все книги новехонькие, в твердой обложке - никаких потрепанных мягких обложек. Они прибывают ко мне извне, продезинфицированные и запаянные в пластиковую обертку. Мне бы хотелось увидеть, как аппарат это делает. Я представляю, как каждая книга продвигается по белой ленте конвейера к прямоугольным белым станциям, на которых белые автоматические манипуляторы счищают пыль, орошают и разными способами стерилизуют ее, пока наконец она не считается достаточно чистой, чтобы отправиться ко мне. Когда новая книга приезжает, первое, что я делаю, это снимаю обертку - этот процесс включает в себя ножницы и более одного сломанного ногтя. Вторая задача - написать свое имя на передней стороне обложки.

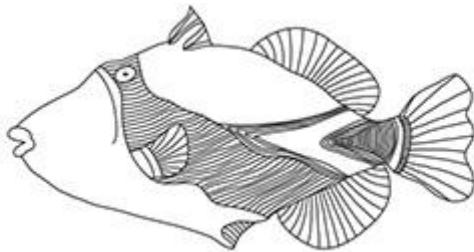
СОБСТВЕННОСТЬ Мадлен Уиттиер

Я не знаю, зачем так делаю. Здесь нет никого, кроме моей мамы, которая никогда не читает, и моей медсестры Карлы, которой некогда читать, потому что все свое время она следит за моим дыханием. Посетители у меня бывают редко, поэтому книги одолжить некому. Некому напоминать, что забытая книга на его или ее полке принадлежит мне.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ НАШЕДШЕМУ (Отметьте подходящие варианты):

На эту часть времени уходит больше всего, и я меняю ее с каждой книгой. Иногда вознаграждения замысловаты:

- Пикник со мной (Мадлен) в полном пыльцы поле с маком, лилиями и нескончаемыми лунными маргаритками под ясным синим солнечным небом.
- Часепитие со мной (Мадлен) в маяке посреди Атлантического океана во время шторма.
- Дайвинг со мной (Мадлен) в кратере Молокини, чтобы выследить национальную рыбу Гавайи - углахвостого спинорога.

Иногда вознаграждения не такие замысловатые:

- Посещение со мной (Мадлен) магазина подержанных книг.
- Прогулка со мной (Мадлен) по кварталу, а потом обратно.
- Короткий разговор со мной (Мадлен)

Иногда вознаграждением является просто:

- Я (Мадлен).

ТКИН

Моя болезнь настолько же редка, насколько известна. Это форма тяжёлого комбинированного иммунодефицита, но вы знаете ее, как "синдром мальчика в пузыре".

Одним словом, у меня аллергия на мир. Все что угодно может стать основной причиной приступа болезни. Например, химические вещества в средстве для чистки столов, которого я только что коснулась. Чьи-то духи. Экзотическая специя в еде, которую я только съела. Это может быть что-то одно, или все вместе, или ничего из этого, или что-то совершенно другое. Никто не знает причин, но все знают последствия. По словам моей мамы, я практически умерла в детстве. И поэтому я остаюсь в группе риска тяжелого комбинированного иммунодефицита. Я не выхожу из дома, никогда не выходила из дома.

ЕЖЕДНЕВНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЗДОРОВЬЯ

Мадлен Уиттер

ИМЯ ПАЦИЕНТА

2 мая

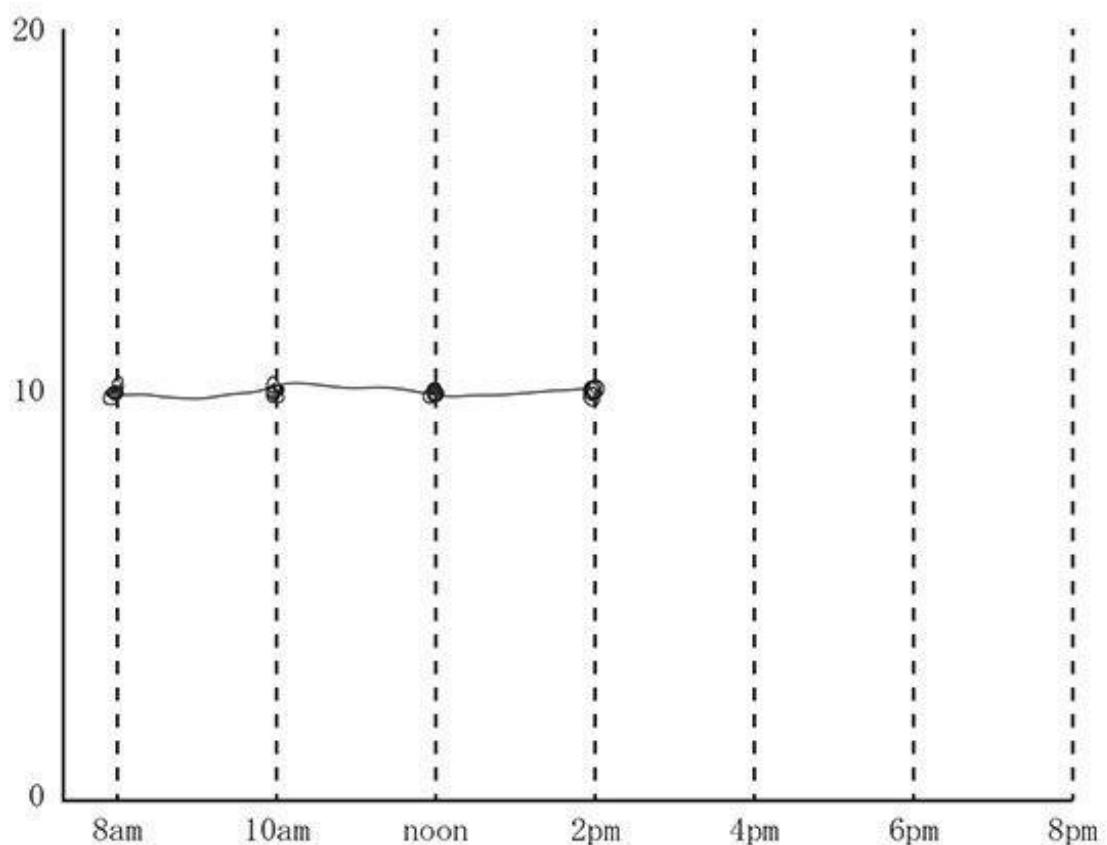
ДАТА

Полин Уиттер

МЕДСЕСТРА

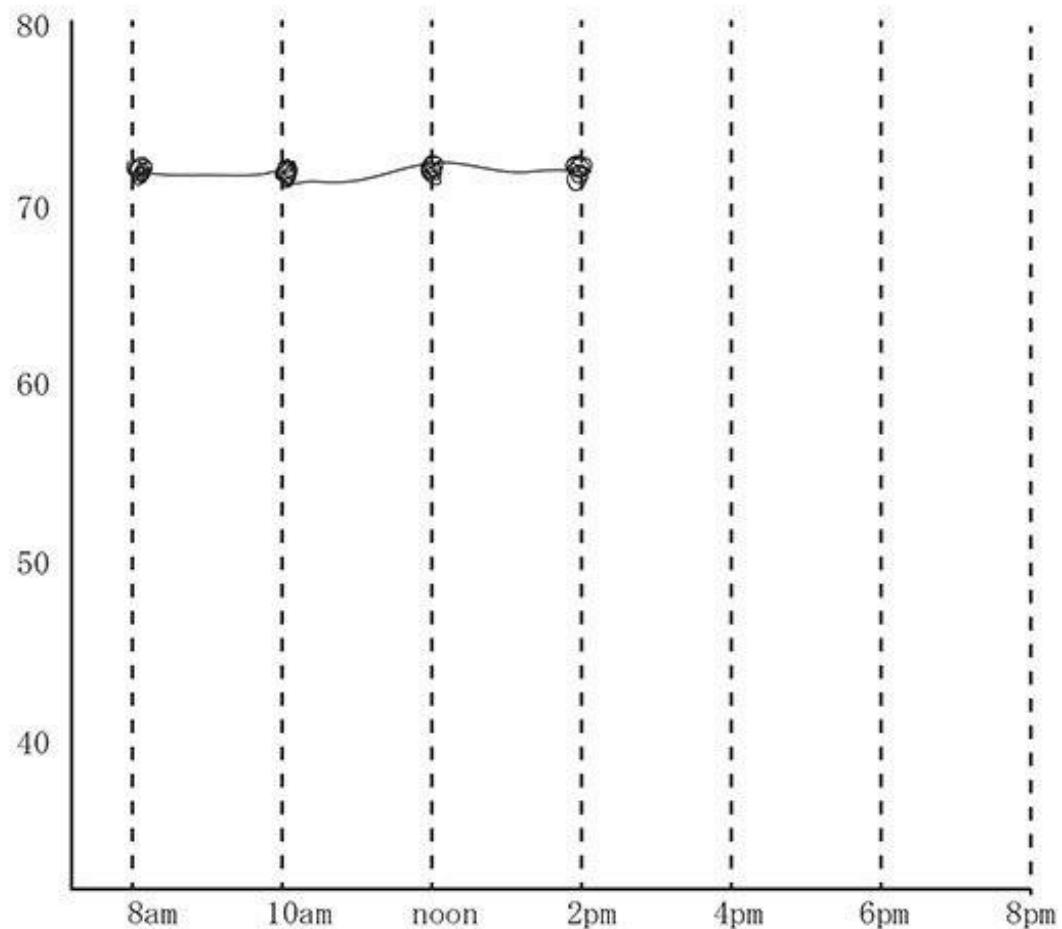
0002921

КОЛИЧЕСТВО ВДОХОВ В МИНУТУ

0002921

ТЕМПЕРАТУРА В КОМНАТЕ

0002921

Состояние воздухоочистительной установки

8am	OK
9am	OK
10am	OK
11am	OK
12pm	OK
1pm	OK
2pm	OK
3pm	
4pm	
5pm	
6pm	
7pm	
8pm	

0002921

ЖЕЛАНИЕ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

- Вечер кино, Почетная Угадайка или книжный клуб? - спрашивает моя мама, накачивая манжетку для измерения кровяного давления на моей руке. Она не упоминает свое любимое развлечение после ужина - Фонетический Скрэбл. Я поднимаю голову и вижу, что ее глаза уже смеются надо мной.

- Скрэбл, - говорю я.

Она перестает надувать манжетку. Обычно Карла, моя медсестра, работающая полный день, измеряет мое давление и заполняет ежедневный журнал здоровья, но мама дала ей выходной. Сегодня мой день рождения, и мы всегда проводим день вместе, только вдвоем.

Она надевает стетоскоп, чтобы послушать мое сердцебиение. Улыбка на ее лице исчезает, сменяется более серьезным выражением, как у доктора. Именно такое выражение лица чаще всего видят ее пациенты - слегка отстраненное, профессиональное и озадаченное. Интересно, считают ли они его успокаивающим?

Я под влиянием минуты быстро целую ее в лоб, чтобы напомнить, что это я, ее любимый пациент, ее дочь.

Она открывает глаза, улыбается и нежно гладит меня по щеке. Думаю, если вы рождаетесь с болезнью, которая требует постоянного внимания, то хорошо, когда ваша мама - доктор.

Через несколько секунд она смотрит на меня с выражением лица "я доктор и боюсь, у меня есть для вас плохие новости".

- Сегодня у тебя знаменательный день. Почему бы нам не сыграть в то, в чем у тебя есть реальный шанс выиграть? Например, в Почетную Угадайку?

Так как в обычную Угадайку нельзя играть вдвоем, мы изобрели свою собственную Почетную Угадайку. Один рисует, а второй имеет честь угадать. Если угадываешь правильно, то первый набирает очки.

Я прищурилась.

- Мы играем в Скрэбл, и в этот раз я выиграю, - говорю я уверенно, хоть шансов выиграть у меня нет. За все годы, что мы играем в Фонетический Скрэбл, я никогда ее не побеждала. В последний раз я была близка к победе. Но потом она полностью сокрушила меня на финальном слове

- Хорошо. - Она качает головой с поддельной жалостью. - Все, что ты захочешь. Она прикрывает сверкающие от смеха глаза и слушает через стетоскоп.

Оставшуюся часть утра мы печем традиционный именинnyй пирог из ванильного бисквита с ванильным кремом-глазурью. После того, как пирог застывает, я наношу непомерно тонкий слой глазури, достаточный, чтобы покрыть бисквит. Мы обе больше любим пирог, чем глазурь. Для украшения я рисую от края до края восемнадцать глазированных маргариток с белыми лепестками и белыми сердцевинами. По бокам вырисовываю белые занавески.

- Идеально. - Мама заглядывает через мое плечо, как только я заканчиваю. - Прямо как ты.

Я оборачиваюсь к ней. Она улыбается мне широкой гордой улыбкой, но глаза ее сияют от слез.

- Ты. Невыносима, - говорю я и размазываю по ее носу солидную порцию глазури, из-за чего она только смеется и еще больше плачет. Обычно она не настолько эмоциональна, но мой день рождения всегда заставляет ее чувствовать себя одновременно и сентиментальной, и веселой. А если она сентиментальна и весела, то и я тоже такая.

- Я знаю, - говорит она, беспомощно вскидывая руки в воздух. - Я совершенно жалкая.

Она притягивает меня в объятия и сжимает. Глазурь попадает на мои волосы.

Мой день рождения является одним днем в году, когда мы обе острее осознаем мою болезнь. Все дело в осознании хода времени. Еще один год болезни и никакой надежды на выздоровление. Еще один год без всяких подростковых штучек - ученических прав, первого поцелая, выпускного, первого жестокого разочарования, первого мелкого ДТП. Еще один год того, что моя мама только работает и заботится обо мне. В каждый любой другой день эти упущения легче игнорировать.

Этот год посложнее предыдущего. Может потому, что мне теперь восемнадцать. Технически я являюсь взрослым человеком. Я должна бы уехать из дома, поступить в университет. Моя мама должна бы с ужасом ждать родительской депрессии. Но из-за ТКИН я никуда не поеду.

Позже, после ужина, она дарит мне красивый набор акварельных карандашей, о которых я мечтала несколько месяцев. Мы идем в гостиную и присаживаемся, скрестив ноги, у кофейного столика. Это часть ритуала на мой день рождения: она зажигает единственную свечку посреди торта. Я закрываю глаза и загадываю желание. Задеваю свечку.

- Что ты загадала? - спрашивает он, как только я открываю глаза.

По правде говоря, у меня есть только одно желание - волшебное лечение, которое позволит мне бегать снаружи, как дикое животное, но я не загадываю его, потому что это невозможно. Это будто желать, чтобы русалки, драконы и единороги были настоящими. Вместо этого я загадала что-то правдоподобнее лечения. То, из-за чего мы будем грустить меньше.

- Мир во всем мире, - говорю я.

Съев три куска пирога, мы начинаем играть в Скрэбл. Я не выигрываю. Даже не приближаюсь вплотную к победе.

Она берет все свои девять букв и выкладывает П О К А Л И П С И рядом с С. ПОКАЛИПСИС.

- Что это? - спрашиваю я.

- Апокалипсис, - говорит она, глаза ее сверкают весельем.

- Нет, мам. Ни за что. Я не могу позволить тебе это сделать.

- Да, - это все, что она говорит.

- Мам, тебе нужна еще одна буква А. Ни за что.

- Покалипсис, - произносит она, для эффекта показывая на все буквы. - Определенно работает.

Я качаю головой.

- П О К А Л И П С И С, - настаивает она, медленно проговаривая слово.

- Ох, Господи, ты непреклонна, - говорю я, вскидывая руки в воздух. - Хорошо, хорошо. Разрешаю.

- Даааа. - Она выбрасывает вверх кулак, улыбается мне и записывает свой теперь непреодолимый счет. - Ты никогда не понимала эту игру, - говорит она. - Это игра убеждения.

Я отрезаю себе еще кусочек пирога.

- Это было не убеждение, - говорю я. - Это было шулерство.

- Мы с тобой одинаковы, - говорит она, и мы обе смеемся.

- Можешь побить меня завтра в Почетной Угадайке, - предлагает она.

После моего проигрыша мы идем к дивану и смотрим наш любимый фильм - "Молодой Франкенштейн". Просмотр этого фильма - еще одна часть нашего ритуала на день рождения. Я кладу голову на ее колени, она гладит мои волосы, и мы одновременно смеемся над теми же самыми штуками, над которыми смеялись годами. В целом, неплохой способ провести восемнадцатый день рождения.

ОДНО И ТО ЖЕ

На следующее утро я сижу на своем белом диванчике и читаю, когда входит Карла.

- Feliz cumpleaños - С днем рождения, - кричит она.

Я опускаю книгу.

- Gracias - Спасибо.

- Как прошел день рождения? - Она начинает распаковывать свою медицинскую сумку.

- Мы повеселились.

- Ванильный пирог и ванильная глазурь? - спрашивает она.

- Конечно.

- "Молодой Франкенштейн"?

- Ага.

- И ты проиграла в этой игре? - спрашивает она.

- Мы очень предсказуемые, да?

- Не обращай на меня внимания, - говорит она, посмеиваясь. - Мне просто завидно, что вы с мамой милые.

Она поднимает мой вчерашний журнал здоровья, быстро просматривает измерения моей мамы и добавляет новый листок на планшет.

- Все эти дни Роза даже не потрудилась уделить мне время.

Роза - семнадцатилетняя дочь Карлы. По словам Карлы, они были очень близки, пока верх не взяли гормоны и мальчишки. Я не могу представить, чтобы такое произошло со мной и моей мамой.

Карла присаживается рядом со мной на диван, и я вытягиваю руку, чтобы измерить давление. Ее взгляд падает на мою книгу.

- Снова "Цветы для Элджернона"¹? - спрашивает она. - Разве ты не плачешь каждый раз, как читаешь эту книгу?

- Однажды я не буду плакать, - говорю я. - Мне хочется убедиться, что в тот день я буду читать именно ее.

Она закатывает глаза и берет мою руку.

Это, своего рода, легкомысленный ответ, но потом я задаюсь вопросом, правда ли это.

Может, я надеюсь, что однажды, в какой-то день все изменится.

¹ Цветы для Элджернона - научно-фантастический рассказ Дэниела Киза («мягкая» научная фантастика)

ЖИЗНЬ КОРОТКА™

Рецензия от Мадлен

«ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА» ДЭНИЕЛ КИЗ

Внимание, спойлер: Элджернон это мышь. Мышь умирает.

ВТОРЖЕНИЕ ИНОПЛАНЕТЯН, ЧАСТЬ 2

Я раздумываю над той частью, в которой Чарли понимает, что судьба мышки может быть его собственной, когда слышу громкий громыхающий звук снаружи. Мои мысли сразу устремляются к космическому пространству. Я представляю себе огромный космический корабль, зависший в небе над нами.

Дом трястется, а книги на полках раскачиваются. К громыханию присоединяется монотонный звуковой сигнал, и я понимаю, что это. Грузовик. Может, просто кто-то заблудился, говорю я себе, чтобы предотвратить разочарование. Может, свернули не туда по дороге в какое-то другое место.

Но потом мотор глушат. Двери открываются и закрываются. Проходит какое-то время, еще какое-то, и раздается женский голос:

- Добро пожаловать в наш новый дом!

Карла в течение нескольких секунд не сводит с меня глаз. Я знаю, о чем она думает.

Это снова происходит.

ДНЕВНИК МАДЛЕН

5 Августа

СЕМЬЯ ИЗ СОСЕДНЕГО ДОМА
УЕХАЛА. МАЛЬЧИК ПЛАКАЛ.
Он спрятался в саду и ел
грязь, пока его мама не
нашла его. Но она не кри-
чала на него за то, что он
ел грязь, как обычно это
происходило. Теперь
снаружи так тихо.

Прошлой ночью мне при-
снился сон, что они

НА САМОМ ДЕЛЕ НЕ
УЕХАЛИ. ИХ ПОХИТИЛИ
ИНОПЛАНЕТЯНЕ. МЕНЯ
ОНИ НЕ ЗАБРАЛИ, ПОТОМУ
ЧТО Я БОЛЕЮ, А ИМ
НУЖНЫ ТОЛЬКО ЗДОРО-
ВЫЕ ЛЮДИ. ОНИ ЗАБРА-
ЛИ МАМУ И КАРЛУ, А ТАК
ЖЕ СОСЕДЕЙ, И Я ОСТА-
ЛАСЬ СОВСЕМ ОДНА.

Я ПРОСНУЛАСЬ В
СЛЕЗАХ, И КО МНЕ
ПРИШЛА МАМА И ОСТА-
ЛАСЬ СО МНОЙ. Я НЕ
РАССКАЗАЛА, О ЧЕМ БЫЛ
СОН, ПОТОМУ ЧТО ИЗ-ЗА
ЭТОГО ОНА БЫ РАССТРО-
ИЛАСЬ. Но я РАССКАЗА-
ЛА КАРЛЕ, И КАРЛА МЕНЯ
ОБНЯЛА...

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

- Карла, - говорю я, - все будет не так, как в прошлый раз.
Мне же больше не восемь лет.

- Я хочу, чтобы ты мне пообещала... - начинает она, но я уже стою у окна, откидывая в сторону занавески.

Я не подготовлена к яркому калифорнийскому солнцу. Я не подготовлена к его виду - такому высокому, ярко горящему и белому посреди чистого белого неба. Я ослеплена. Но затем белая дымка начинает рассеиваться. Все окружено ореолом.

Я вижу грузовик и кружащий вокруг него силуэт женщины в возрасте - мама. Вижу мужчину в возрасте у задней части грузовика - папа. Вижу девочку, которая, возможно, помладше меня - дочь.

А затем я вижу его. Он высокий, стройный и одет во все черное - черная футболка, черные джинсы, черные кроссовки и черная вязаная шапочка, которая полностью скрывает его волосы. Кожа его светлая со слабым медовым загаром, а черты лица угловатые. Он спрыгивает с высокого сидения в задней части грузовика и скользит по подъездной дорожке, двигаясь так, будто гравитация влияет на него не как на нас. Он останавливается, склоняет голову вбок и смотрит на новый дом, как на головоломку.

Через несколько секунд он начинает слегка подпрыгивать на сводах стоп. Вдруг он срывается с места и буквально взбегает на шесть футов по фасаду дома. Хватается за подоконник и раскачивается на нем секунду-другую, а затем припадает к земле.

- Отлично, Олли, - говорит его мама.

- Разве я не говорил тебе прекратить так делать? - ворчит его отец.

Он игнорирует их обоих и остается сидеть на корточках.

Я прижимаю ладонь к стеклу, задыхаясь так, будто сама только что совершила этот сумасшедший трюк. Перевожу взгляд с него на стену, потом на подоконник, а потом снова на него. Он больше не сидит у земли. Он смотрит на меня. Наши взгляды встречаются. Я задаюсь вопросом, что он видит в моем окне - странную девочку во всем белом с широко распахнутыми глазами. Он улыбается мне, и его лицо больше не решительное, не суровое. Я пытаюсь улыбнуться в ответ, но из-за волнения выходит только хмурый взгляд.

МОЙ БЕЛЫЙ ШАР

Той ночью мне снится сон, что дом дышит вместе со мной. Я выдыхаю, и стены сжимаются, будто проколотый шар, который, сдуваясь, сминает меня. Я вдыхаю, и стены расширяются. Еще один вздох, и моя жизнь наконец-таки взорвется.

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА СОСЕДЯМИ

Расписание ЕГО мамы:

- 6.35 - Выходит на крыльце с дымящейся чашкой чего-то горячего. Кофе?
- 6.36 - Пристально смотрит на пустую парковку по ту сторону дороги и попивает напиток. Чай?
- 7.00 - Заходит в дом.
- 7.15 - Снова оказывается на крыльце. Целует на прощание мужа. Наблюдает, как уезжает его машина.
- 9.30 - Занимается садоводством. Ищет, находит и выбрасывает окурки от сигарет.
- 13.00 - Уезжает на машине. Дела?
- 17.00 - Призывает Кару и Олли приступить к работе по дому, "пока папа не приехал домой".

Расписание Кары (сестры):

- 10.00 - Выбегает на улицу, одетая в черные ботинки и пушистый коричневый халат.
- 10.01 - Проверяет сообщения на сотовом. Она получает много сообщений.
- 10.06 - Выкуривает три сигареты в саду между нашими двумя домами.
- 10.20 - Рोет ямку носком ботинка и закапывает окурки.
- 10.25 - 17.00 - Пишет или разговаривает по телефону.
- 17.25 - Убирается.

Расписание ЕГО отца:

- 7.15 - Уезжает на работу.
- 18.00 - Приезжает домой с работы.
- 18.20 - Сидит на крыльце с напитком №1.
- 18.30 - Возвращается в дом на ужин.
- 19.00 - Снова на крыльце с напитком №2.
- 19.25 - Напиток №3.
- 19.45 - Начинает кричать на семью.
- 22.35 - Крики утихают.

Расписание Олли:

Не поддается прогнозированию.

Я - ШПИОН

Его семья зовет его Олли. Точнее, его сестра и мама зовут его Олли. Его отец называет его Оливером. За ним я наблюдаю больше всего. Его спальня расположена на втором этаже, практически прямо напротив моей, а занавески почти всегда открыты.

Иногда он спит до полудня. Иногда выходит из комнаты до того, как просыпаюсь я, чтобы начать свою слежку. Хотя чаще всего он просыпается в девять утра, выбирается из спальни и как человек-паук по наружной обшивке карабкается на крышу. Он остается там почти на час, а потом, свешивая сначала ноги, ныряет в комнату. И неважно, сколько я пытаюсь, но рассмотреть, что он делает там наверху, мне не удается.

В его комнате пусто, есть только кровать и комод. Несколько коробок после переезда остаются не распакованными и свалены в кучу у входа в комнату. Украшений никаких нет, не считая единственного постера из фильма под названием «Прыжки по Лондону». Я отыскала его, и он о паркуре - это почти что уличная гимнастика. В нем объясняется, как он может вытворять все эти сумасшедшие трюки. Чем больше я смотрю, тем больше мне хочется знать.

ЛГУНЬЯ

Я только села за ужин. Мама кладет салфетку на мои колени и наполняет водой сначала мой стакан, а потом стакан Карлы. Пятничные ужины очень знаменательны в моем доме. Карла даже задерживается, чтобы поесть с нами, а не со своей семьей.

Все на Пятничном Ужине связано с Францией. Салфетки являются собой белую ткань с вышитыми лилиями по краям. Столовые приборы - витиеватый французский антиквариат. У нас даже солонка и перечница в форме Эйфелевой башни. Конечно, с меню следует быть аккуратнее из-за моей аллергии, но мама всегда готовит свой вариант кассуле - это французское стью из цыпленка, колбасы, утки и белых бобов. Это блюдо было любимым у моего папы до его смерти. Тот вариант, который мама готовит для меня, содержит только белые бобы, приготовленные в курином бульоне.

- Мадлен, - говорит мама. - Мистер Ватерман говорит, что ты задерживаешь домашнее задание по архитектуре. Все в порядке, малышка?

Я удивляюсь ее вопросу. Я знаю, что задерживаю, но так как до этого такого не было, я и не знала, что она следила за этим.

- Задание очень сложное? - Она хмурится и наливает кассуле в мою тарелку. - Хочешь, я найду тебе нового репетитора?

- Да, нет и нет, - отвечаю я на каждый вопрос. - Все в порядке. Завтра все сдам, обещаю. Я просто потеряла счет времени.

Она кивает и начинает нарезать и намазывать маслом кусочки твердого французского хлеба для меня. Я знаю, что она хочет спросить что-то еще. Я даже знаю, что именно она хочет спросить, но боится ответа.

- Это из-за новых соседей?

Карла проницательно смотрит на меня. Я никогда не лгала маме. Причин на это не было, да и я даже не знаю, как это делать. Но что-то подсказывает мне, что нужно сделать.

- Я просто много читала. Ты знаешь, как может меня увлечь хорошая книга. - Голос у меня настолько успокаивающий, насколько это возможно. Не хочу, чтобы она беспокоилась. Она и без этого достаточно обо мне беспокоится.

Так как по-французски "лгунья"?

- Ты не голодна? - спрашивает через несколько минут мама и прижимает тыльную сторону ладони к моему лбу.

- Жара нет. - Она недолго задерживает руку на лбу.

Я уже как раз собираюсь уверить ее, как звонит дверной звонок. Это происходит так нечасто, что я не знаю, что и думать.

Звонок звонит снова.

Мама наполовину привстает со стула.

Карла встает полностью.

Звонок звонит в третий раз. Я безо всяких на то причин улыбаюсь.

- Хотите, чтобы я открыла, мадам? - спрашивает Карла.

Мама отмахивается.

- Оставайся здесь, - говорит она мне.

Карла передвигается и встает за моей спиной, слегка придавливая меня за плечи. Я знаю, что должна остаться здесь. Знаю, что от меня этого ждут. Несомненно, и я жду, но почему-то сегодня не могу. Мне нужно знать, кто это, даже если это просто сбившийся с пути путешественник.

Карла дотрагивается до моего предплечья.

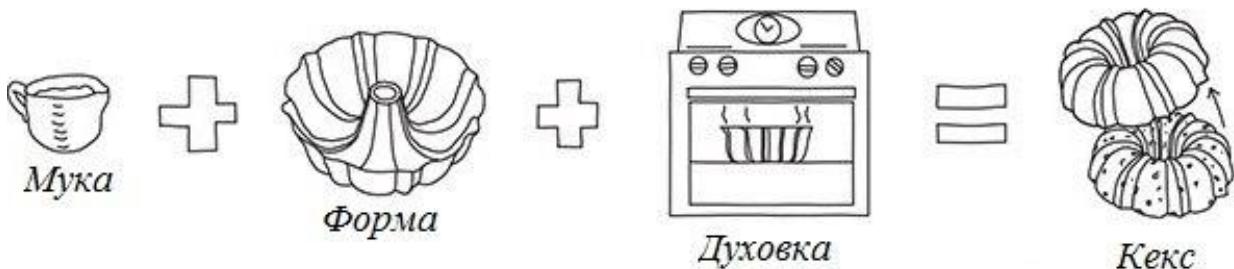
- Твоя мама сказала оставаться здесь.

- Но почему? Она просто слишком осторожничает. Кроме того, она не позволит никому миновать тамбур.

Она уступает, и я устремляюсь по коридору, преследуемая Карлой.

Тамбур это небольшая герметичная комната, прилегающая к входной двери. Она непроницаема для воздуха, поэтому никакой потенциальный вредный фактор не просочится в дом, когда открыта входная дверь. Я прижимаюсь к ней ухом. Сначала из-за воздушных фильтров я не слышу ничего, но затем слышу голос.

- Моя мама прислала вам Бундт². - Голос глубокий, спокойный и определенно удивленный. Мой мозг обрабатывает слово "Бундт", пытаясь представить себе, на что это похоже, как вдруг до меня доходит, кто стоит у двери. Олли.

- Дело в том, что мамины Бундты не очень вкусные. Они ужасные. Совершенно несъедобные, почти несокрушимые. Но это между нами.

Еще один голос, который принадлежит девочке. Его сестра?

- При каждом переезде она заставляет нас нести кекс соседям.

- Ох. Что ж. Вот это сюрприз, да? Очень мило. Пожалуйста, поблагодарите ее за меня.

Нет никакого шанса, что этот кекс Бундт прошел соответствующую требованиям проверку, и я чувствую, что мама пытается придумать, как сказать им, не раскрывая правды обо мне, что она не может взять кекс.

- Извините, но я не могу его принять.

Напряженная тишина.

- Так вы хотите, чтобы мы отнесли его обратно? - спрашивает недоверчиво Олли.

- Ну, это грубо, - говорит Кара. Похоже, она злится и уступает, словно прогнозировала разочарование.

- Мне так жаль, - снова говорит мама. - Это сложно. Мне правда очень жаль, потому что это так мило с вашей стороны. Пожалуйста, поблагодарите маму за меня.

- Ваша дочь дома? - спрашивает очень громко Олли прежде, чем она может закрыть дверь. - Мы надеемся, что она сможет показать нам местные достопримечательности.

Мое сердце ускоряется, и я могу чувствовать, как оно пульсирует по моим ребрам. Он только что спросил про меня? Никто из незнакомцев не забегал ко мне прежде. Если не считать маму, Карлу и моих репетиторов, то мир едва знает, что я существую. Я имею в виду, я существую в сети. Там у меня есть друзья и рецензии книг на Тамблере, но это не то же самое, что быть настоящим человеком, к которому могут приходить странные парни с кексами Бундт.

- Извини, но она не может. Добро пожаловать в наш район, и еще раз спасибо.

Входная дверь закрывается, и я, отступив, жду маму. Она должна остаться в тамбуле, пока фильтры не очистят внешний воздух. Через минуту она заходит в дом. Сначала она меня не замечает. Просто стоит спокойно, закрыв глаза и слегка опустив голову.

- Извини, - говорит она, не поднимая голову.

² Кекс бундт или «bundt cake» - популярный в США круглый сладкий кекс с резными краями и пустым отверстием в центре, который традиционно подают на десерт к кофе или чаю. Это хлебобулочное изделие обязательно выпекается в специальной форме с круглым отверстием, которую так и называют буднт (по-английски «bundt pan»)

- Я в порядке, мам. Не беспокойся.

И в тысячный раз я снова понимаю, насколько тяжела для нее моя болезнь. Я знаю только один мир, но до меня у нее были мой брат и мой папа. Она путешествовала и играла в футбол. У нее была нормальная жизнь, которая не включала в себя затворничество в пузыре ежедневно в течение четырнадцати часов с большой дочкой-подростком.

Я держу ее и позволяю ей держать меня еще несколько минут. Ей тяжелее принять это разочарование, чем мне.

- Я загляжу перед тобой вину, - говорит она.

- Тебе нечего заглаживать.

- Я люблю тебя, милая.

Мы отходим обратно в столовую и быстро доедаем ужин - большей частью, молча. Карла уходит, и мама спрашивает, хочу ли я обыграть ее в Почетной Угадайке, но я прошу перенести это на другое время. Настроения у меня для этого нет.

Вместо этого, я направляюсь наверх, мысленно представляя, какой же на вкус кекс Бундт.

ОТВЕРЖЕНИЕ

Вернувшись в комнату, я сразу иду к окну. Его отец вернулся с работы домой, и что-то не так, потому что он злой и с каждой секундой становится все злее. Он отбирает у Кары кекс и с силой швыряет его в Олли, но Олли слишком быстрый, слишком грациозный. Он уворачивается, и кекс падает на землю.

Удивительно, что Бундт кажется невредимым, но тарелка осколками рассыпается по подъездной дорожке. Из-за этого его отец становится еще злее.

- Уберите это. Уберите прямо сейчас. - Он врываются в дом. Мама следует за ним. Кара качает головой и что-то говорит Олли, который ссуетливается. Олли стоит и несколько минут смотрит на кекс. Затем исчезает в доме и возвращается с веником и совком. Он не торопится и дольше чем нужно сметает разбитую тарелку.

Когда дело сделано, он забирается на крышу, забрав с собой Бундт, и проходит еще один час прежде, чем он возвращается в свою комнату.

Я прячусь как обычно за занавеской, и внезапно мне не хочется прятаться. Включаю свет и возвращаюсь к окну. Я даже не думаю о том, чтобы глубоко вдохнуть. Это не поможет. Распахиваю занавеску и вижу, что он уже стоит у окна, глядя прямо на меня. Он не улыбается. Он не машет. Вместо этого, он тянет руку вверх и запахивает штору.

ПЕРЕЖИВАНИЕ

- Как долго ты собираешься слоняться по дому? - спрашивает Карла. - Ты ведешь себя так всю эту неделю.

- Я не слоняюсь, - говорю я, пусть даже немного слоняюсь. Олли отверг меня, и из-за этого я чувствую себя маленькой девочкой. Это напомнило мне, почему я ранее перестала обращать внимание на мир.

Но вернуться к обычному режиму сложно, когда слышишь все звуки внешнего мира. Я замечаю то, на что прежде очень мало обращала внимания. Я слышу, как ветер будоражит деревья. Я слышу, как птицы сплетничают по утрам. Вижу прямоугольники солнечного света, которые проскальзывают сквозь мои занавески и путешествуют по моей комнате целый день. По ним можно отмечать время. Как бы я не старалась отгородиться от мира, кажется, что он намеревается войти в мою жизнь.

- Ты уже несколько дней читаешь те же пять страниц этой книги. - Она кивает головой на мой экземпляр "Повелителя мух".

- Ну, эта книга ужасна.

- Я думала, что это классика.

- Она ужасна. Большинство парней отвратительны, и они говорят только об охоте и убийстве свиней. Никогда в жизни мне не хотелось так бекона.

Она смеется, но ее смех в лучшем случае безразличный. Она присаживается на диван возле меня и кладет мои ноги к себе на колени.

- Расскажи мне, - говорит она.

Я откладываю книгу и закрываю глаза.

- Я просто хочу, чтобы они уехали, - признаюсь я. - Раньше было легче.

- Что было легче?

- Не знаю. Легче быть собой. Болеть.

Она сжимает мою ногу.

- А теперь послушай меня. Ты самый сильный, самый храбрый человек, которого я когда-либо знала. И лучше тебе в это поверить.

- Карла, не стоит...

- Тихо, послушай меня. Я думала об этом. Я видела, как эта новизна давит на тебя, но я знаю, что ты будешь в порядке.

- Я не так уверена в этом.

- Это нормально. Я могу быть уверена за нас обоих. Мы вместе проводили время в этом доме в течение пятнадцати лет, поэтому я знаю, о чем говорю. Когда я начала с тобой работать, то подумала, что это только вопрос времени, когда же тебя захватит депрессия. И в какое-то лето ты подошла к этому очень близко, но обошлось. Ты встаешь каждый день и учишься чему-то новому. Каждый день ты находишь чему порадоваться. Каждый день ты улыбаешься мне. Ты беспокоишься за свою маму больше, чем за саму себя.

Не думаю, что Карла хоть когда-то сходу говорила так много слов.

- Моя дочь Роза, - продолжает она, но затем замолкает. Откладывается назад и закрывает глаза во власти какой-то эмоции, которую я не могу истолковать. - Моя Роза могла бы кое-чему у тебя научиться. У нее есть все, что я могла бы ей дать, но она думает, что у нее нет ничего.

Я улыбаюсь. Карла жалуется на свою дочь, но я могу сказать, что она ее балует, как может.

Она открывает глаза и то, что ее беспокоило, исчезает.

- Видишь, ты снова улыбаешься. - Она похлопывает меня по ноге. - Жизнь тяжела, милая. Каждый сам находит путь.

ЖИЗНЬ КОРОТКА™

Рецензия от Мадлен

«ПОВЕЛИТЕЛЬ МУХ» УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ

Внимание, спойлер: Парни - дикари.

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Проходят два дня, и я перестаю хандрить. Мне становится легче игнорировать соседей, как вдруг я слышу жужжание, доносящееся снаружи. Я сижу на диване, погрузившись в чтение "Повелителя мух". К счастью, я близка к развязке. Ральф на берегу ждет жестокой смерти. Мне так хочется, чтобы книга закончилась, и я могла почитать что-то еще, что-то более счастливое, что игнорирую звук. Проходит несколько минут, и снова раздается жужжание, в этот раз громче. Я откладываю книгу и прислушиваюсь. Третье, четвертое и пятое жужжания раздаются один за другим. Что-то ударяет по моему окну. Град? Встаю и оказываюсь у окна прежде, чем могу передумать. Откидываю в сторону занавески.

Окно в комнату Олли широко распахнуто, шторы подняты, свет в комнате выключен. Неразрушимый Бундт стоит на подоконнике, уставившись на меня глазами навыкате. Кекс тряется, а потом наклоняется вперед, будто рассчитывая расстояние до земли. Затем он отклоняется назад и снова тряется. Я пытаюсь рассмотреть в темноте комнаты Олли, как вдруг Бундт спрыгивает с подоконника и устремляется к земле.

Я ахаю. Кекс только что совершил самоубийство? Вытягиваю шею, чтобы посмотреть, что с ним стало, но в темноте ничего не видно.

В этот момент кекс освещается прожектором. Невероятно, но он цел и невредим. Из чего приготовлена эта штука? Возможно даже к лучшему, что мы не попытались его съесть.

Свет выключается, и я поднимаю голову как раз вовремя, чтобы уловить, как рука Олли в черном одеянии и фонарик устремляются обратно в окно. Я стою несколько минут, наблюдая и ожидая, что он вернется, но его нет.

ВТОРАЯ НОЧЬ

Только я устраиваюсь на кровати, как снова доносится жужжание. Я намерена его игнорировать, что и делаю. Чего бы он не хотел, я не могу это сделать. Проще не знать.

В эту ночь и в следующую я не подхожу к окну.

ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

Я больше не могу терпеть и выглядываю за край занавески.

Бундт все еще стоит на подоконнике, пластиры и бинты скрывают половину его тела. Олли нигде нет.

ПЯТАЯ НОЧЬ

Бундт стоит на столе возле окна. Около него бокал мартини, наполненный зеленой жидкостью, пачка сигарет и пузырек с таблетками, на котором приклеен ярлык со скальпом и скрещенными костями. Еще одна попытка самоубийства?

Олли все еще нет.

ШЕСТАЯ НОЧЬ

Бундт лежит на белой простыне. Перевернутая вверх ногами пластиковая бутылка прикреплена к тому, что похоже на вешалку, которая висит над кексом. От бутылки к Бундту, будто капельница, тянется веревка. Появляется Олли, одетый в белую кофту и стетоскоп. Он хмуро смотрит на Бундта и прослушивает его сердцебиение. Мне хочется смеяться, но я не позволяю себе. Олли поднимает голову и мрачно ею качает. Я закрываю занавески, подавляя улыбку, и ухожу.

СЕДЬМАЯ НОЧЬ

Я уговариваю себя не смотреть, но, как только раздается первое жужжение, оказываюсь у окна. Олли одет в черный халат, вокруг его шеи висит слишком большой серебряный крест. Он совершаet соборование над Бундтом.

Наконец я не выдерживаю. Я смеюсь, снова и снова. Он поднимает голову и улыбается мне в ответ. Достает из кармана черный маркер и пишет на окне:

ПРОСТИ МАМУ
GENERICUSER033@GMAIL.COM

ПЕРВЫЙ ОКНТАКТ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ

От: Мадлен Ф.Уиттер

Кому: genericuser033@gmail.com

Тема: Привет

Отправлено: 4 июня, 20:03

Привет. Думаю, стоит начать со знакомства? Меня зовут Мадлен Уиттер, но ты и сам можешь это знать из адреса моей электронной почты. Как зовут тебя?

- Мадлен Уиттер

Р.С. Тебе не стоит ни за что извиняться.

Р.С.С. Из чего приготовлен Бундт?

От: заурядныйпользователь033

Кому: Мадлен Ф.Уиттер <madeline.whittier@gmail.com>

Тема: RE: Привет

Отправлено: 4 июня, 20:07

ты ужасный шпион мадлен уиттер если до сих пор не выяснила как меня зовут. мы с сестрой пытались встретиться с тобой на прошлой неделе, но твоя мама не позволила. я и правда не знаю из чего приготовлен бундт. из камней?

От: Мадлен Ф.Уиттер

Кому: genericuser033@gmail.com

Тема: RE: RE: Привет

Отправлено: 4 июня, 20:11

Привет,

Рецепт кекса Бундт

3 чашки универсальной цементной смеси

1 1/4 чашки мелкозернистых опилок

1 чашка гравия (различных размеров для дополнительного интереса)

1/2 чайной ложки соли

1 чашка клея Элмера

2 брикета несоленого сливочного масла

3 чайных ложки растворителя для краски

4 больших яйца (комнатной температуры)

ИНСТРУКЦИЯ:

Предварительно прогрейте духовку до 350 градусов

Смажьте форму для кекса

Приготовление кекса:

1. В средней миске смешайте цементную смесь, соль и гравий.

2. В большой миске смешайте масло, клей Элмера, растворитель для краски и яйца. Не следует перемешивать слишком долго.
3. Постепенно, маленькими порциями, всыпайте сухие ингредиенты в среднюю миску.
4. Ложкой выложите тесто в форму для кекса.
5. Выпекайте, пока зубочистка, вставленная в кекс, не перестанет выходить.

Приготовление глазури:

1. Смешайте опилки и достаточное количество воды, чтобы сформировать густую и, тем не менее, жидкую глазурь.
2. Поставьте форму с кексом на кусок парафинированной бумаги (для легкой очистки).
3. Смажьте кекс глазурью и оставьте застыть перед подачей.

(Количество порций - 0)

- Мадлен Уиттер
P.S. И я не шпион!

ПЕРВЫЙ ОКНТАКТ, ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Среда, 20:15.

Олли: я собирался тебе ответить, но увидел что ты не в сети. твой рецепт меня насмешил. разве за всю историю шпионства был хоть один шпион который признался бы что он шпион? я так не думаю. меня зовут олли и приятно с тобой познакомиться.

Олли: что означает "ф"?

Мадлен: Фурукава. Моя мама - американка японского происхождения в третьем поколении. Я наполовину японка.

Олли: а на вторую половину?

Мадлен: Афроамериканка.

Олли: у тебя есть прозвище мадлен фурукава уиттер или я должен называть тебя мадлен фурукава уиттер?

Мадлен: У меня нет прозвища. Все называют меня Мадлен. Иногда мама называет меня "дорогая" или "милая". Это считается?

Олли: нет конечно это не считается. никто не зовет тебя эм или мэдди или мэд или мэдди-сумасшедшая-мэд? я выберу для тебя какое-нибудь.

Олли: мы станем друзьями

Четверг, 20:19

Мадлен: Так как мы станем друзьями, у меня есть вопросы: Откуда ты? Почему ты все время носишь шапочку? Твоя голова странной формы? Почему ты носишь только черное? Вопрос по существу: Ты знаешь, что одежда бывает и других цветов? Могу дать тебе советы, если надо. Что ты делаешь на крыше? Какая у тебя татуировка на правой руке?

Олли: вот ответы: мы отовсюду, но большей частью с восточного побережья. я побрил голову перед переездом (большая ошибка). да. я чертовски секусален в черном. да. не надо, спасибо. ничего. штрих-код

Мадлен: Что ты имеешь против заглавных букв и правил пунктуации?

Олли: а кто сказал что я против

Мадлен: Мне нужно идти. Извини!

Пятница, 20:34

Олли: так за что ты наказана?

Мадлен: Я не наказана. Почему ты думаешь, что я наказана?

Олли: ну что-то заставило тебя в спешке отключиться вчера вечером. думаю это твоя мама. поверь мне я знаю все о наказаниях. и ты никогда не выходишь из дома. я не видел тебя на улице с тех пор как мы сюда переехали

Мадлен: Извини. Я не знаю, что сказать. Я не наказана, но не могу выходить из дома.

Олли: очень загадочно. ты привидение? именно так я подумал в тот день когда мы переехали и я увидел тебя у окна. не хватало еще чтобы симпатичная девушка по соседству не была живой

Мадлен: Сначала я была шпионкой, а теперь я привидение!

Олли: не привидение? тогда принцесса из сказки. только которая? золушка? ты превратишься в тыкву если выйдешь из дома?

Олли: или рапунцель? у тебя очень длинные волосы. просто спусти их вниз и я заберусь по ним и спасу тебя

Мадлен: Это всегда казалось мне неосуществимым и болезненным, ты так не думаешь?

Олли: да. так значит не золушка и не рапунцель. тогда белоснежка. твоя злая мачеха заколдовала тебя чтобы ты не могла выходить из дома и мир никогда не узнает какая ты светлая

Мадлен: В сказке все не так. Ты знаешь, что в оригинальной версии не было злой мачехи, а была злая мама? Можешь в это поверить? К тому же, там не было гномов. Интересно, не правда ли?

Олли: определенно нет

Мадлен: Я не принцесса.

Мадлен: И меня не нужно спасать.

Олли: хорошо. а я не принц

Мадлен: Ты думаешь, я симпатичная?

Олли: касательно сказочной принцессы-привидения-шпионки? Определенно

Суббота, 20:01

Олли: как так выходит что ты не заходишь в сеть до 8?

Мадлен: Обычно до этого времени я не одна.

Олли: кто-то сидит с тобой весь день?

Мадлен: Мы можем, пожалуйста, не говорить об этом?

Олли: все чудесатее и чудесатее мадлен уиттер

Воскресенье, 20:22

Олли: давай поиграем. быстро пять любимых вещей. книга слово цвет недостаток человек

Олли: ну же ну же. печатай быстрее женщина. не думай просто печатай

Мадлен: Цыц! Маленький принц. Подкаблучник. Аквамариновый. У меня нет недостатков. Моя мама.

Олли: у всех есть недостатки

Мадлен: Но не у меня. А что? Сколько недостатков у тебя?

Олли: достаточно чтобы выбрать один любимый

Мадлен: Хорошо, твоя очередь.

Олли: список тот же?

Мадлен: Да.

Олли: повелитель мух, макабрический, черный, краду столовое серебро, моя сестра

Мадлен: Ого. Повелитель мух? Не думаю, что мы можем быть друзьями. Эта книга ужасна.

Олли: а что в ней такого ужасного?

Мадлен: Да все!

Олли: она тебе просто не нравится, потому что это правда

Мадлен: Что правда? Что предоставленные сами себе, мы поубиваем друг друга?

Олли: да

Мадлен: Ты правда в это веришь?

Олли: да

Мадлен: Ну а я нет. Точно нет.

Мадлен: Ты правда крадешь столовое серебро?

Олли: ты бы видела мою коллекцию ложек

Понедельник, 20:07

Олли: что ты такого сделала что тебя так наказали?

Мадлен: Я не наказана и не хочу об этом разговаривать.

Олли: это из-за парня?

Олли: ты залетела? у тебя есть парень?

Мадлен: Ох, Господи, ты сумасшедший! Я не беременна, и у меня нет парня! Ты за кого меня принимаешь?

Олли: за девушку-загадку

Мадлен: Ты весь день думал, что я беременна?

Мадлен: Думал?

Олли: это всплывало в моей голове разок или два или раз пятнадцать

Мадлен: Невероятно

Олли: а ты не хочешь знать есть ли у меня девушка?

Мадлен: Нет.

Вторник, 20:18

Мадлен: Привет.

Олли: привет

Мадлен: Я не знала, выйдешь ли ты сегодня в сеть. Ты в порядке?

Олли: да

Мадлен: Что случилось? Почему он так злился?

Олли: я не знаю о чем ты говоришь

Мадлен: Твой отец, Олли. Почему он так злился?

Олли: у тебя есть свои секреты. у меня есть свои

Мадлен: Хорошо.

Олли: хорошо

Среда, 03:31

Олли: не можешь заснуть?

Мадлен: Да.

Олли: я тоже. быстро пять любимых вещей. фильм еда часть тела урок

Мадлен: Их только четыре. Кроме того, для этого слишком поздно. Я не могу думать.

Олли: жду

Мадлен: Гордость и предубеждение - версия Би-Би-Си, тост, руки, архитектура.

Олли: господи. есть ли на свете девушка которая не любит мистера дарси?

Мадлен: Все девушки любят мистера Дарси?

Олли: ты шутишь? даже моя сестра любит дарси а она никого не любит

Мадлен: Она должна любить кого-то. Уверена, тебя она любит.

Олли: что такого хорошего в дарси?

Мадлен: Это же не серьезный вопрос.

Олли: он сноб

Мадлен: Но он преодолевает снобизм в себе и, наконец, понимает, что личность имеет большее значение, чем сословие! Он мужчина, открытый для изучения жизненных уроков! К тому же, он такой роскошный, статный, таинственный, задумчивый и поэтичный. Я упомянула, что он роскошный? И он запредельно любит Элизабет.

Олли: ого

Мадлен: Да.

Олли: моя очередь?

Мадлен: Приступай.

Олли: Годзилла, тост, математика. стой, любимая часть тела на тебе или на ком-то другом?

Мадлен: Не знаю! Это твой список.

Олли: ох да. хорошо, я остановлюсь на глазах

Мадлен: Какого цвета твои глаза?

Олли: синие

Мадлен: Поточнее, пожалуйста.

Олли: господи. девчонки. синие как океан

Мадлен: Атлантический или Тихий?

Олли: атлантический. какого цвета твои?

Мадлен: Шоколадно-коричневые.

Олли: точнее пожалуйста

Мадлен: На 75% коричневые как темный шоколад с маслом какао.

Олли: хе-хе. мило.

Мадлен: И все равно было только четыре любимых вещи. Нужно еще одну.

Олли: предоставлю это тебе

Мадлен: Поэтическая форма.

Олли: предполагается что у меня есть любимая форма

Мадлен: Ты же не неуч.

Олли: лимерик³.

Мадлен: Ты неуч. Притворюсь, что ты этого не говорил.

Олли: а что не так с хорошим лимериком?

Мадлен: Понятие "хороший лимерик" внутренне противоречиво.

Олли: а твоя любимая форма?

Мадлен: Хокку.

Олли: хокку отвратительны. они просто менее смешные, чем лимерики

Мадлен: Ты понизил себя в звании с неучи на еретика.

Олли: отмечено

Мадлен: Хорошо. Я должна спать.

Олли: хорошо я тоже

Четверг, 20:00

Мадлен: Я бы не догадалась, что математика у тебя любимый урок.

Олли: почему?

Мадлен: Не знаю. Ты карабкаешься по зданиям и перепрыгиваешь через предметы. Большинство людей в ладах либо со своим телом, либо с умом, но не оба варианта.

Олли: это хороший способ сказать что ты думаешь я глупый?

Мадлен: Нет! Я имею в виду, что... Я не знаю, что я имею в виду.

³ Лимерик — форма короткого стихотворения, появившегося в Великобритании, основанного на обыгрывании бессмыслицы

Олли: ты имеешь в виду что я слишком сексуален чтобы быть с этим в ладах. все в порядке. не одна ты так думаешь

Мадлен: ...

Олли: просто как во всем нужна практика. два года назад в школе я состоял в математическом кружке чтобы ты знала. есть вопросы по теории вероятностей и математической статистике? тогда я твой помощник

Мадлен: Нет!

Олли: да!

Мадлен: Ты такой сексуальный.

Олли: чувствую неискренность

Мадлен: Нет!

Олли: да!

Мадлен: :) Так ты будешь в математическом кружке в Сан-Фернандо Вэлли Хай?

Олли: возможно нет

Олли: отец заставил меня бросить. он хотел чтобы я занимался чем-то более мужским. например футболом

Мадлен: Ты играешь в футбол?

Олли: нет. он заставил меня бросить кружок, но не смог запугать тренера чтобы меня взяли посреди сезона. наконец он оставил эту идею

Мадлен: Что если он снова поднимет этот вопрос?

Олли: сейчас меня немного сложнее запугать чем два года назад

Олли: теперь я более заносчивый. да и стал побольше

Мадлен: Ты не кажешься заносчивым.

Олли: ты не так уж хорошо меня знаешь

Пятница, 03:03

Мадлен: Ты снова не спиши.

Олли: да

Мадлен: Я знаю, что ты не хочешь об этом говорить.

Олли: и все же

Мадлен: Я видела, что сегодня случилось. Твоя мама в порядке?

Олли: она в порядке. это не в первый и не в последний раз

Мадлен: Ох, Олли.

Олли: пожалуйста только не охоллий мне

Олли: расскажи мне что-нибудь, что угодно. расскажи что-нибудь смешное

Мадлен: Хорошо. Почему мальчик удивился, когда обнаружил, что из его ушей растет сельдерей?

Олли: почему?

Мадлен: Потому что он сажал кукурузу!

Мадлен: Эй?

Олли: ох господи. эта шутка не такая хорошая

Мадлен: Но ты же улыбнулся.

Олли: да улыбнулся

Олли: спасибо

Мадлен: В любое время.

Суббота, 20:01

Олли: думаю мы с тобой не увидимся до тех пор пока не начнется школа

Мадлен: Я не хожу в школу.

Олли: ты имеешь в виду что не ходишь в Сан-Фернандо Вэлли Хай? а куда ходишь?

Мадлен: Я имею в виду, я не хожу в обычную школу. Я обучаюсь интерактивно.

Олли: почему?

Мадлен: Я правда не могу об этом говорить.

Олли: ну же. ну скажи мне уже

Мадлен: Я хочу, чтобы мы были друзьями. Я не хочу, чтобы ты меня жалел.

Олли: просто скажи мне. мы все равно будем друзьями

Мадлен: Я больна.

Олли: насколько больна?

Мадлен: Очень больна. Так больна, что не могу выходить из дома.

Олли: господи

Олли: ты умираешь?

Мадлен: Не прямо сейчас, нет.

Олли: скоро?

Мадлен: Если выйду из дома, то да.

Олли: понял

Олли: мы все еще друзья. мне тебя не жаль

Мадлен: Спасибо.

Олли: как у тебя проходит обучение?

Мадлен: Все уроки ведутся по Скайпу. У меня есть домашняя работа, контрольные и оценки. Многие обучаются на дому.

Олли: ого. круто

Олли: ты когда-нибудь замечала как много победителей международных конкурсов обучаются на дому?

Мадлен: Никогда этого не замечала.

Олли: в том-то и дело

Олли: как бы мне хотелось встретиться

Мадлен: Мне тоже

Мадлен: Хорошо, мне нужно идти.

Олли: тогда иди

Олли: ты все еще здесь?

Мадлен: Да.

Олли: подойди к окну

Мадлен: Сейчас? Я же одета в ночнушку.

Олли: накинь халат. подойди к окну чтобы я мог тебя видеть

Мадлен: Хорошо, сейчас буду. Спокойной ночи, Олли.

Олли: спокойной ночи мэдди

МОРОЖЕННОЕ ДЛЯ КОСМОНВТА

- Мистер Ватерман в пути, - говорит, стоя в дверном проеме, Карла. Я, наконец, нанесла последние штрихи на свою модель урока архитектуры. Пришлось прервать на полуслове две ночные беседы с Олли, чтобы закончить. Мне не хочется, чтобы мама снова беспокоилась. Заданием было спроектировать торговый/обеденный центр без крыши в моем любимом стиле. Я выбрала ар деко, потому что здания выглядят так, будто летают, хоть и стоят на земле.

Центральной частью комплекса является покрытая травой зона со столиками, заполненная чересчур большими, чудного размера стульями, украшенными яркими зигзагообразными рисунками. Я уже "посадила" миниатюрные пластмассовые пальмы и теперь стратегически расставляю миниатюрных пластмассовых людей, которые держат в руках миниатюрные пластмассовые сумки для покупок, чтобы подарить модели "расцвет жизни", как сказал бы мистер Ватерман.

За два года обучения я встречала мистера Ватермана лично всего два раза. Обычно все мое обучение, включая архитектуру, проходит по Скайпу. На этой неделе мама сделала особое исключение. Думаю, она все еще сожалеет, что так поступила с Карой и Олли во время их визита пару недель назад. Я сказала ей, что не о чем сожалеть, но она настояла. Посетитель у нас это вам не просто так, потому что они должны согласиться на проверку общих сведений медицинского характера и на тщательный медицинский осмотр. Они также должны пройти дезинфекцию, что включает в себя принятие высокоскоростной воздушной ванны в течение часа. Прийти и увидеть меня - очень сложно.

Мистер Ватерман суетится и выглядит радостным, и в то же время обеспокоенным, как Санта Клаус в Рождественскую ночь перед большой поездкой. Ему холодно из-за дезинфекции, поэтому он потирает руки и дует на них, чтобы согреться.

- Мадлен, - произносит он радостно, хлопнув руками. Он самый любимый из моих репетиторов. Он никогда не смотрит на меня с жалостью и любит архитектуру так же, как ее люблю я. Если бы я кем и была, когда стала бы старше, то это архитектором.

- Привет, мистер Ватерман. - Я неловко улыбаюсь, не понимая, как находиться рядом с кем-то, кто не Карла и не моя мама.

- Так что у нас здесь? - спрашивает он, его серые глаза сверкают. Я устанавливаю последних двух покупателей возле магазина игрушек и отступаю.

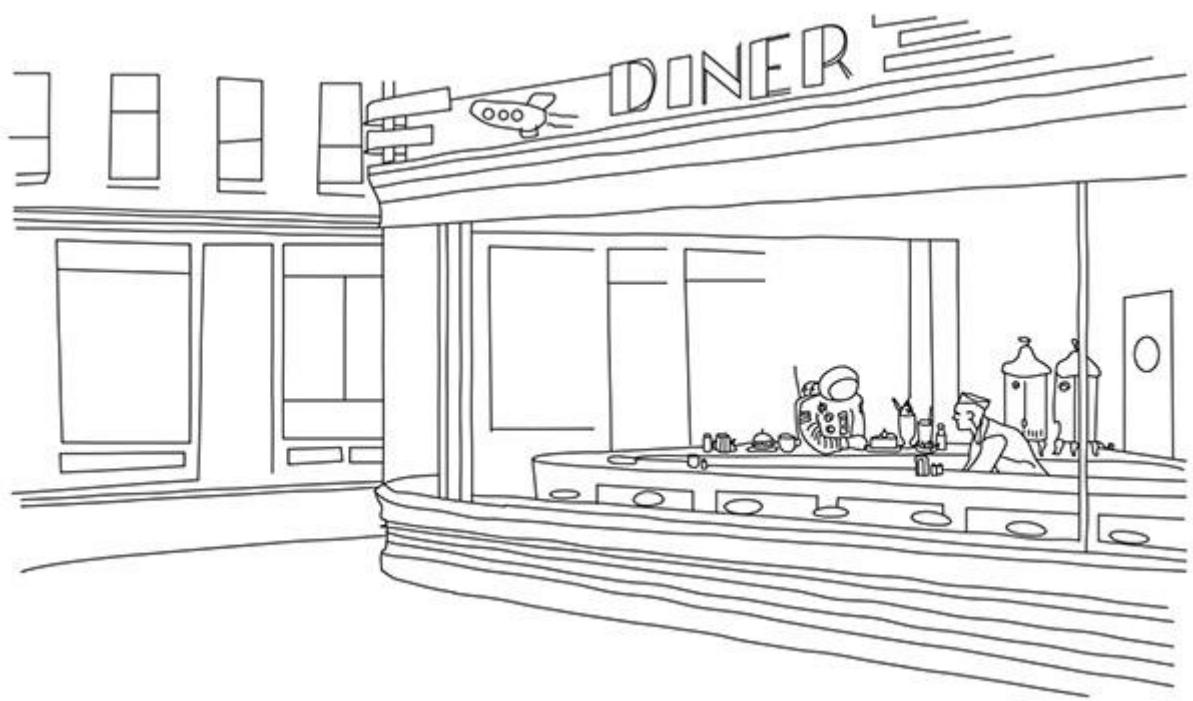
Он обходит модель, иногда лучезарно улыбаясь, иногда хмурясь, но все время издавая странные кудахчущие звуки.

- Ну, дорогая, ты превзошла себя. Это восхитительно! - Он выпрямляется и собирается уже похлопать меня по плечу, но потом осознает. Никаких прикосновений. Он слегка качает головой и наклоняется, чтобы рассмотреть получше.

- Да, да, просто превосходно. Только нам стоит обсудить некоторые вещи. Но, сначала! Где же прячется наш космонавт?

Всякий раз, как я делаю новую модель, то изготавливаю фигурку космонавта из глины и прячу его в модели. В этот раз он полностью экипирован - герметичный шлем и громоздкий кислородный баллон - и сидит в кафе за столом, заставленном едой. Я смастерила миниатюрный банановый сплит с мороженым, стопку черничных блинов, омлет, тост с маслом и мармеладом, бекон, клубничный коктейль (клубничный, шоколадный и ванильный), чизбургеры и картофель фри. Мне хотелось сделать картофель фри в виде спиралек, но время вышло, и пришлось смириться с обычной картошкой.

- Вот он! - восклицает мистер Ватерман. Он какое-то время кудахчет над макетом, а затем поворачивается ко мне. Его оживленные глаза немного менее оживленные, чем обычно. - Потрясающе, моя дорогая. Но как он съест всю эту вкуснейшую еду, если на нем шлем?

Я смотрю на космонавта. Мне и в голову не приходило, что он захочет кушать.

BCE NA СВЕТЕ - РИСК

Карла улыбается мне так, будто знает то, чего не знаю я. Она такая весь день, когда думает, что я не смотрю. А еще она напевает "Take a Chance on Me" группы ABBA, ее любимой группы во все времена. И она совершенно не попадает по нотам. Стоит спросить у Олли, есть ли вероятность того, что она промахнется с каждой нотой. Разве она не должна чисто случайно попасть хоть в одну ноту?

Сейчас 12:30, и у меня есть полчаса на ланч до того, как объявитя в сети мой репетитор. Есть мне не хочется. В последнее время мне, в основном, совсем не хочется есть. Очевидно, мое тело может функционировать только на службе мгновенных сообщений (IM).

Карла не смотрит, поэтому я щелкаю по почтовому ящику. Тринадцать сообщений от Олли с прошлой ночи. Все отправлены около трех часов утра, и, как обычно, он не пишет тему. Я немного посмеиваюсь и качаю головой.

Мне хочется их прочитать, я умираю как хочу их прочитать, но мне стоит быть осторожной, потому что Карла в комнате. Я оглядываюсь и вижу, что она пристально смотрит на меня, приподняв брови. Она что-то знает?

- Что такого интересного в этом ноутбуке? - спрашивает она. Господи. Она определенно знает.

Я придвигаю стул поближе к столу и кладу сандвич на ноутбук.

- Ничего. - Откусываю сандвич. Сегодня День Индейки.

- Ну как же ничего. Ты же из-за чего-то там смеешься. - Она придвигается ко мне, улыбаясь. Ее карие глаза морщатся в уголках, а улыбка достигает краев ее лица.

- Это видео с котом, - произношу я сквозь наполненный индейкой рот. Тьфу, этого говорить не следовало. Карла живет видео с котами. Она думает, они - единственное, чем полезен интернет.

Она подходит ко мне, встает за моей спиной и тянется к ноутбуку.

Я откидываю сандвич и крепко прижимаю к груди ноутбук. Лгунья из меня никакая, и я выпаливаю первое, что приходит в голову.

- Это видео ты не захочешь смотреть, Карла. Оно плохое. Кот умирает.

Мы несколько секунд шокировано пялимся друг на друга. Я шокирована, потому что я идиотка, и не могу поверить, что я это сказала. Карла шокирована, потому что я идиотка, и она не может поверить, что я это сказала. Ее рот прикольно, как в мультике, приоткрывается, а большие круглые глаза становятся даже больше и круглее. Она наклоняется, хлопает себя ладонями по коленям и смеется так, как я никогда прежде не слышала. Кто хлопает по коленям, пока смеется?

- И ты хочешь сказать мне, что единственное, что пришло тебе в голову, это видео с мертвыми котами? - Она снова смеется.

- Так ты знаешь.

- Ну, если до этого я не знала, то теперь точно знаю.

Она еще смеется, снова хлопая себя по коленям.

- Ох, ты бы видела свое лицо.

- Не *так* уж смешно, - ворчу я, злясь, что сдала себя.

- Ты забываешь, что у меня дома такая же ты. Я всегда знаю, когда Роза что-то задумала. Кроме того, вы, мисс Штучка, не так уж хороши в укрывании. Я вижу, что ты проверяешь свою почту и высматриваешь его в окне.

Я кладу ноутбук обратно на стол.

- Так ты не злишься на меня? - спрашиваю я с облегчением.

Она протягивает мне сандвич.

- Как сказать. Почему ты скрывала это от меня?

- Я не хотела, чтобы ты беспокоилась, что я снова грущу.

Она долгую секунду пристально смотрит на меня.

- Мне нужно беспокоиться?
- Нет.
- Тогда я не беспокоюсь. - Она откидывает волосы с моих плеч. - Ешь, - говорит она.

ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ СПУСТЯ

- Может он сможет прийти к нам?

Я удивлена, что спросила, но Карла совсем не удивляется. Она даже не перестает стирать несуществующую пыль с моей книжной полки.

- Все подростки такие одинаковые. Даешь палец - всю руку откусят.

- Это нет? - спрашиваю я.

Она смеется.

ДВА ЧАСА СПУСТЯ

Пробую еще раз.

- Это всего на полчаса. Он продезинфицируется, как мистер Ватерман, а потом...
- Ты с ума сошла?

ЕЩЕ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТЬ МИНУТ

- На пятнадцать минут?
- Нет.

ЕЩЕ ПОЗЖЕ

- Пожалуйста, Карла...

Она прерывает меня.

- А я-то думала, что ты здорова.

- Так и есть. Я здорова. Мне просто хочется увидеть его...

- Не всегда мы можем получить то, чего хотим, - говорит она. Судя по ее решительному тону, я понимаю, что эту фразу она все время использует с Розой. Я могу сказать, она сожалеет, что сказала это мне, но все равно не говорит мне ничего другого.

Ее рабочий день закончился, она выходит из моей спальни и на полпути останавливается.

- Знаешь, мне не нравится тебе отказывать. Ты хорошая девочка.

Я спешу воспользоваться этим удобным случаем.

- Он продезинфицируется и сядет по другую сторону комнаты, далеко-далеко от меня, и только на пятнадцать минут. Полчаса, максимум.

Она качает головой, но не решительно.

- Это слишком рискованно. И твоя мама никогда не разрешит.

- Мы ей не скажем, - говорю я тотчас.

Она смотрит на меня пронзительным, разочарованным взглядом.

- Вам, девочкам, так легко лгать своим мамам?

ТЕМ, КТО ЖДЕТ

Карла не поднимает эту тему до ланча двумя днями позже.

- А теперь послушай меня, - говорит она. - Никаких прикосновений. Ты на своей стороне комнаты, он на своей. Ему я сказала то же самое.

Я понимаю слова, которыми она выражается, но не понимаю, что она говорит.

- Что ты имеешь в виду? Ты имеешь в виду, что он здесь? Он уже здесь?

- Ты на своей стороне комнаты, он на своей. Никаких прикосновений. Поняла?

Я не поняла, но все равно киваю.

- Он ждет тебя на застекленной террасе.

- Он продезинфицировался?

Выражение ее лица говорит мне: "Да за кого ты меня принимаешь?"

Я встаю, сажусь, снова встаю.

- Ох, Боже правый, - говорит она. - Иди и быстро приведи себя в порядок. Даю тебе всего двадцать минут.

Мой желудок не просто переворачивается, он совершает сальто-мортале с натянутой проволоки без страховки.

- Почему ты передумала?

Она подходит, берет мой подбородок в ладонь и смотрит мне в глаза так долго, что я начинаю ёрзать. Вижу, как она обдумывает все, что хочет мне сказать.

В конце концов, она говорит:

- Ты заслуживаешь подарок.

Вот так Роза получает все, что хочет. Она просто просит это у своей мамы, у которой очень широкая душа.

Направляюсь к зеркалу, чтобы "прихорошиться". Я почти забыла, как выгляжу. Обычно я не смотрюсь в зеркало. Нет необходимости, так как никто тебя не видит. Мне нравится думать, что во мне поровну и мамы, и папы. Моя загорелая кожа теплого оттенка - результат смеси ее бледной оливковой кожи с его яркой темно-коричневой. Мои волосы густые, длинные и волнистые, не такие кудрявые, как у него, но и не такие прямые, как у нее. Даже мои глаза являются собой идеальное смещение - не азиатские, но и не африканские, а где-то между.

Я отворачиваюсь, а затем быстро смотрю обратно, пытаясь застать себя врасплох, чтобы получить более точное представление о себе, чтобы попытаться увидеть то, что увидит Олли. Стараюсь посмеяться, а потом улыбаюсь, приоткрыв зубы и скрыв их. Я даже пытаюсь нахмуриться, хотя надеюсь, что причин для этого не будет.

Карла, одновременно улыбаясь и поражаясь, наблюдает за моим кривлянием в зеркале.

- Я почти помню, какой была в твоем возрасте, - говорит она.

Я не поворачиваюсь, а разговариваю с Карлой в зеркале.

- Ты в этом уверена? Ты больше не думаешь, что это рискованно?

- Ты пытаешься меня отговорить? - Она подходит и кладет руку на мое плечо. - Все на свете - риск. Самый большой риск в жизни - не решиться на него. Дело за тобой.

Я осматриваю свою белую комнату, белый диван и полки, белые стены - все такое безопасное, знакомое и неизменное.

Я думаю об Олли, замерзшем от дезинфекции и ждущем меня. Он - прямо противоположное всему этому. Он не безопасный. Он не знакомый. Он в постоянном движении.

Он самый большой риск, на который я решаюсь.

СВЕРШИВШИЕСЯ В БУДУЩЕМ

От: Мадлен Ф. Уиттер

Кому: genericuser033@gmail.com

Тема: Свершившееся в будущем

Отправлено: 10 июля, 12:30

К тому времени, как ты это прочтешь, мы уже встретимся. Это свершившееся в будущем.

ОЛЛИ

Застекленная терраса - мое любимое место в доме. Она почти вся из стекла - стеклянная крыша и окна от пола до потолка, которые выходят на нашу идеально постриженную заднюю лужайку.

Внутренняя отделка комнаты выглядит как декорация к фильму в виде тропического дождевого леса. Она заполнена искусственными тропическими растениями, похожими на настоящие и буйно растущие. Банановые и кокосовые деревья гнутся под тяжестью искусственных фруктов, повсюду гибискусы с искусственными цветками. Есть даже журчащий ручеек, который извивается по комнате, но в нем нет рыб - по крайней мере, настоящих. Мебель, белая и плетеная, состарена, будто стоит на солнце. Так как это должны быть тропики, мама включает вентилятор с подогревом, и комнату наполняет слегка теплый бриз.

Большую часть дней мне здесь нравится, потому что я могу представить, что стекло исчезло, и я нахожусь на улице. В другие дни я кажусь себе рыбой в аквариуме.

К тому времени, как я добираюсь до комнаты, Олли умудрился забраться на середину скалистой задней стены, цепляясь руками и ногами за щелины. Он ощупывает огромный банановый лист, когда я захожу.

- Он не настоящий, - говорит он мне.

- Он не настоящий, - произношу я одновременно с ним.

Он отпускает ветку, но остается на стене. Для него лазание это то же самое, что для нас хождение.

- Ты там и останешься? - спрашиваю я, потому что не знаю, что еще сказать.

- Я подумываю об этом, Мэдди. Карла сказала, я должен держаться от тебя настолько дальше, насколько это возможно, и мне кажется, что ее не стоит злить.

- Можешь спуститься, - говорю я. - Карла не такая страшная, какой кажется.

- Хорошо. - Он без труда соскальзывает на пол. Убирает руки в карманы, скрещивает ноги в лодыжках и прислоняется к стене. Не думаю, чтобы я когда-нибудь видела его таким спокойным. Мне кажется, он пытается не напугать меня.

- Может, тебе стоит зайти, - говорит он, и до меня доходит, что я все еще стою в дверном проеме, держась за ручку. Я закрываю дверь, но не свожу с него взгляда. Он тоже следит за моими движениями.

После всех наших переписок мне казалось, что я его знала, но сейчас, когда он стоит напротив меня, мне совсем так не кажется. Он выше, чем я думала, и более мускулистый, но не крупный. Его руки поджарые и рельефные, а бицепсы заполняют рукава его черной футболки. Кожа его имеет золотисто-коричневый загар. На ощупь она была бы теплой.

- Ты другой, чем я думала, - выпаливаю я.

Он широко улыбается, и под его правым глазом появляется ямочка.

- Знаю. Яексуальнее, верно? Все в порядке, можешь сказать это.

Я хохочу.

- Как ты умудряешься носить с собой этого такого размера и веса?

- Все дело в мышцах, - отвечает он, поигрывая мышцами и иронично приподнимая бровь.

Часть моего нервного напряжения исчезает, но затем возвращается, когда он начинает наблюдать за моим смехом, ничего не говоря в течение нескольких долгих секунд.

- У тебя очень длинные волосы, - говорит он. - И ты никогда не упоминала о веснушках.

- А должна была?

- Веснушки могут быть решающим неблагоприятным фактором. - Он улыбается, и ямочка возвращается. Как мило.

Я подхожу к дивану и присаживаюсь. Он прислоняется к скалистой стене на другом конце комнаты.

- Они - проклятие моей жизни, - говорю я, имея в виду веснушки. Говорить такое глупо, потому что, конечно, проклятием моей жизни является моя болезнь и невозможность покинуть дом. Мы оба одновременно это осознаем и снова вместе смеемся.

- Ты веселая, - говорит он, отсмеявшись.

Я улыбаюсь. Никогда не считала себя веселой, но я рада, что он так думает.

Какое-то мгновение мы проводим в неловкой тишине, не зная, что сказать. Во время общения онлайн тишина была менее заметной. Мы могли списать это на любое количество отвлекающих моментов. Но прямо сейчас, в реальной жизни, кажется, что над нашими головами повисли пустые от мыслей облачка. Вообще-то, мое совсем не пустое, но я же не могу сказать ему, что у него красивые глаза. Они синие, как атлантический океан. Именно такими он их и назвал. Это странно, потому что, конечно, я это знала. Но разница между тем, чтобы знать и видеть это лично, такая же, что и разница между желанием летать и самим полетом.

- Эта комната какая-то чудаковатая, - говорит он, осматриваясь.

- Да. Мама построила ее, чтобы я чувствовала себя так, будто нахожусь на улице.

- Это работает?

- Большую часть дней. У меня потрясающее воображение.

- Ты и правда, как в сказке. *Принцесса Мадлен и Стеклянный Замок*. - Он снова замолкает, будто пытается на что-то решиться.

- Спрашивай меня, - говорю я.

На его запястье надета черная эластичная резинка, и он дергает ее несколько раз, прежде чем продолжить.

- Как долго ты болеешь?

- Всю свою жизнь.

- Что случится, если ты выйдешь на улицу?

- Моя голова взорвется. Или легкие. Или сердце.

- Как ты можешь шутить....?

Я пожимаю плечами.

- А почему не могу? Кроме того, я стараюсь не желать того, чего не могу иметь.

- Ты как Мастер Дзен. Тебе стоит давать уроки.

- Много времени требуется, чтобы научиться. - Улыбаюсь я в ответ.

Он приседает на корточки, а потом садится - спиной к стене, руки на коленях. Хоть он и спокоен, я могу чувствовать необходимость двигаться, исходящую от него. Этот парень - живая сила.

- Куда ты больше всего хочешь попасть? - спрашивает он.

- Не считая космического пространства?

- Да, Мэдди, не считая космического пространства. - Мне нравится, как он произносит Мэдди, будто называл меня так всю мою жизнь.

- На пляж. К океану.

- Хочешь, я тебе опишу его?

Я киваю решительнее, чем должна бы. Мой ритм сердца ускоряется, будто я делаю что-то запрещенное.

- Я видела фотографии и видео, но какого это находится в воде? Это как купаться в огромной ванне?

- Типа того, - произносит он медленно и задумчиво. - Нет, беру свои слова обратно. Находиться в океане страшно. Он мокрый, холодный, соленый и смертельно опасный.

Такого я не ожидала.

- Ты ненавидишь океан?

Теперь он улыбается, почувствовав интерес к своей теме.

- Я его не ненавижу. Я его уважаю. - Он выгибает палец. - Уважаю. Это Матушка Природа во всей ее красе - потрясающая, красивая, беспристрастная, смертоносная. Только подумай: это все вода, но ты можешь умереть от жажды. И весь смысл волн в том, чтобы сбить тебя с ног, чтобы ты утонула быстрее. Океан поглотит тебя целиком, отрыгнет и даже не заметит, что ты была.

- Ох, Господи, ты этого боишься!

- Это мы еще даже не дошли до огромных белых акул, или морских крокодилов, или индонезийской рыбы-иглы, или...

- Хорошо, хорошо, - говорю я, смеясь и поднимая руки, чтобы остановить его.

- Это не шутка, - произносит он с притворной серьезностью. - Океан убьет тебя. -

Он подмигивает мне. - Оказывается, Матушка Природа - дрянная мать.

Я слишком сильно хохочу, чтобы что-нибудь сказать.

- Итак, что еще ты хочешь знать?

- После такого? Ничего!

- Ну же. Я кладезь знаний.

- Хорошо, сделай ради меня какой-нибудь сумасшедший трюк.

Он в мгновение ока оказывается на ногах и начинает критически осматривать комнату.

- Недостаточно места. Пойдем на ули... - Он замолкает посреди предложения. - Дерьмо, Мэдди, извини.

- Прекрати, - говорю я. Встаю и вытягиваю руку. - Не жалей меня. - Я произношу это решительно, но этот вопрос очень важен. Не смогу стерпеть жалость, исходящую от него.

Он подцепляет резинку, кивает раз, и затем отпускает ее.

- Я могу сделать стойку на одной руке.

Он отходит от стены и просто наклоняется вперед, пока не оказывается вверх тормашками, держась на руках. Это движение настолько грациозное и непринужденное, что меня моментально заполняет зависть. Каково это, быть полностью уверенным в своем теле и его возможностях?

- Потрясающе, - шепчу я.

- Мы не в церкви, - восклицает он шепотом, его голос слегка напряжен из-за такого положения тела.

- Не знаю, - говорю я. - Мне кажется, что я должна говорить тихо.

Он не отвечает. Вместо этого закрывает глаза, медленно убирает одну руку с пола и вытягивает ее в сторону. Он практически идеально неподвижен. Тихое журчание ручейка и его слегка тяжелое дыхание - единственные звуки в комнате. Его футболка сползает вниз, и я могу видеть крепкие мышцы его живота. Кожа имеет тот же теплый золотистый загар. Я отвожу взгляд.

- Хорошо, - говорю я, - можешь остановиться.

Он снова стоит на ногах прежде, чем я успеваю моргнуть.

- Что еще ты можешь сделать?

Он потирает руки и улыбается мне.

Сальто назад, и вот он сидит у стены и закрывает глаза.

- Так почему сначала космическое пространство? - спрашивает он.

Я пожимаю плечами.

- Думаю, мне хочется посмотреть на мир.

- Не то, что многие люди имеют под этим в виду, - говорит он, улыбаясь.

Я киваю и тоже закрываю глаза.

- Ты когда-нибудь чувствовал... - Начинаю я, но открывается дверь и врывается Карла.

- Вы же не прикасались, да? - спрашивает она, уперев руки в пояс.

Мы оба открываем глаза и смотрим друг на друга. И вдруг неожиданно я очень сильно ощущаю его тело и свое.

- Прикосновений не было, - подтверждает Олли, его глаза не покидают моего лица. Что-то в тоне его голоса заставляет меня сильно покраснеть, жар медленной волной распространяется по лицу и груди.

Самовозгорание - реальная вещь. Я в этом уверена.

ДИАГНОЗ

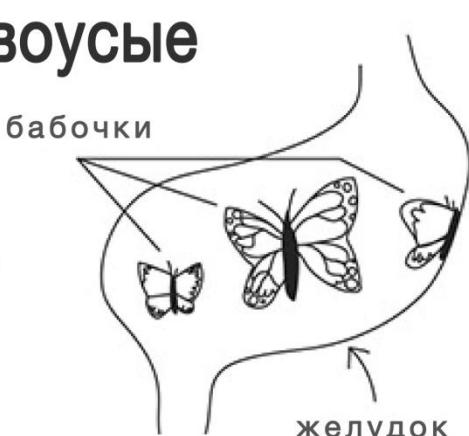
webdoc.com

Взбалмошные булавоусые в животе

Состояние, когда в животе поселяются одна или более одной бабочки монарх.

Кто подвержен ВБЖ?

Этой болезни каждые тридцать секунд подвергается по меньшей мере одна американка.

Симптомы:

Тошнота	Головокружение
«Сальто» желудка	Повышенный сердечный ритм
Неспособность сосредоточиться	

Причины:

Приступы ВБЖ обычно вызваны контактом с возлюбленным. Страдающие от ВБЖ отмечают, что чувствуют симптомы не только во время контакта, но и до, и после. Пациенты с самой острой формой болезни могут дать начало приступу, просто думая о возлюбленном. В сочетании с неспособностью прекратить думать о вышеуказанном возлюбленном, эта болезнь (читать дальше)

ПЕРСПЕКТИВЫ

На следующее утро до приезда Карлы я лежу в кровати ровно тринадцать минут, убеждая себя, что заболеваю. У нее уходит ровно десять минут, чтобы разубедить меня. Она измеряет температуру, давление, сердечный ритм и частоту пульса, а затем объявляет, что я просто больна любовью.

- Классические симптомы, - говорит она.
- Я не влюблена. Я не могу быть влюблена.
- А почему нет?

- А в чем смысл? - говорю я, вскидывая вверх руки. - Я влюбленная это то же самое, что ресторанный критик без вкусовых рецепторов. Это как художник, страдающий дальтонизмом. Это как...

- Как купание нагишом.

Над этим мне приходится посмеяться.

- Точно, - говорю я. - Бессмысленно.

- Не бессмысленно, - говорит она и смотрит на меня серьезно. - То, что ты не можешь пережить все, не значит, что ты не должна пережить хоть что-то. Кроме того, обреченная любовь - часть жизни.

- Я не влюблена, - повторяю я.

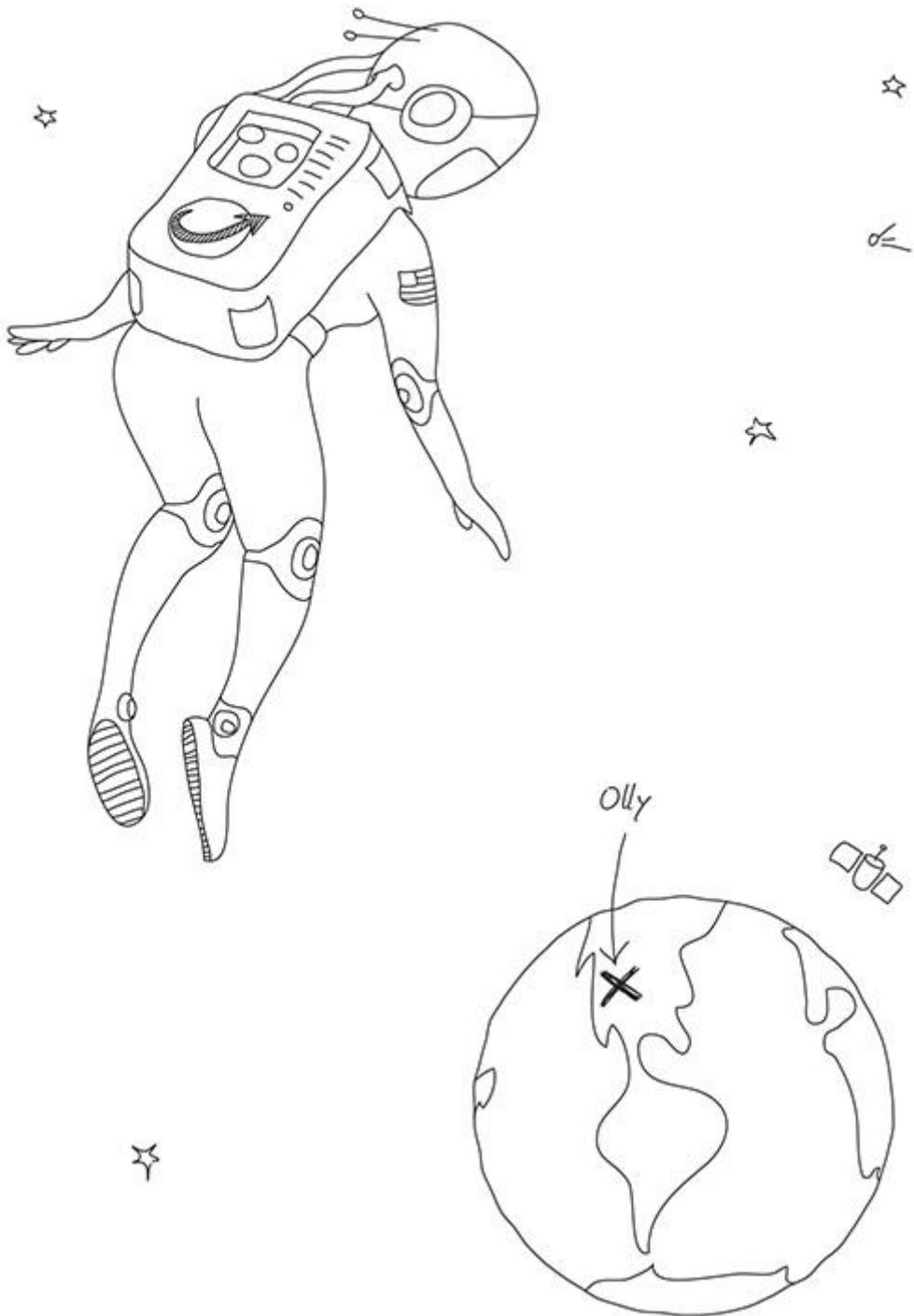
- И ты не больна, - парирует она. - Не о чем беспокоиться.

Остаток дня я слишком сбита с толку, чтобы почтать или сделать домашнюю работу. Несмотря на убеждения Карлы, что я не заболеваю, я обнаруживаю, что слишком много обращаю внимания на свое тело и его ощущения. Кончики моих пальцев покалывает? Обычно бывает с ними такое? Почему мне кажется, что я не могу восстановить дыхание? Сколько кувырков может совершить мой желудок прежде, чем непоправимо запутается? Я прошу Карлу еще раз проверить мои жизненные показатели, и результаты в норме.

К вечеру я понимаю, что Карла в чем-то права. Может я и не влюблена, но симпатизирую. Серьезно симпатизирую. Я бесцельно брожу по дому, везде видя Олли. Я вижу его на кухне, готовящего стопку тостов на ужин. Я вижу его в гостиной, страдающего вместе со мной над "Гордостью и предубеждением". Я вижу его в своей спальне, его облаченное в черное тело спит на моем белом диване.

И я не только вижу Олли. Я продолжаю представлять, что парю над землей. На границе космоса я вижу весь мир целиком и полностью. Моему взгляду не приходится останавливаться на стене или на двери. Я вижу начало и конец времени. Отсюда я могу видеть бесконечность.

И впервые за долгое время, мне хочется больше того, что у меня есть.

СТРАНА ЧУДЕС

Именно желание с силой возвращает меня на землю. Желание пугает меня. Оно как зерно, которое медленно прорастает, не достойное внимания. Прежде чем успеваешь понять, оно вырывается на поверхность и затемняет твои окна.

Отправляю Олли одно сообщение. Я очень занята на этих выходных, пишу я. Мне нужно немного поспать, говорю я. Мне нужно сконцентрироваться, говорю я. Закрываю ноутбук, выдергиваю вилку из розетки и прячу его под стопку книг. Карла вопросительно приподнимает бровь. Я в ответ хмурюсь.

Большую часть субботы наказываю себя высшей математикой. Это мой менее любимый и самый ужасный предмет. Возможно, эти два факта связаны между собой. Вечером я перехожу на повторное чтение снабженной примечаниями и иллюстрированной версии "Алисы в стране Чудес". Я едва замечаю, как Карла начинает собираться, чтобы уйти домой.

- Вы поссорились? - спрашивает она, кивая в сторону ноутбука.

Я отрицательно качаю головой, но больше ничего не говорю.

К воскресенью порыв проверить почту становится невыносимым. Я представляю себе, что мой почтовый ящик переполняется сообщениями без темы от Олли. Просит ли он назвать Быстро Пять? Хочет ли он какой-то компании, убежища от своей семьи?

- Ты в порядке, - говорит тем вечером по пути к выходу Карла. Она целует меня в лоб, и я снова превращаюсь в маленькую девочку.

Беру Алису с собой на белый диван и устраиваюсь поудобнее. Конечно, Карла права. Я в порядке, но, как и Алиса, просто стараюсь не потеряться. Я продолжаю думать о лете, когда мне исполнилось восемь. Много дней я провела, прижавшись лбом к окну и причиняя себе боль бесполезным желаниям. Сначала мне просто хотелось выглянуть в окно. Потом захотелось выйти на улицу. А потом мне захотелось поиграть с соседскими детьми, поиграть с детьми во всех местах, стать нормальной просто на один вечер, день, целую жизнь.

Вот так. Я не проверяю почту. В одном я уверена точно: желание только ведет к еще большему желанию. Нет конца жажде желания.

ЖИЗНЬ КОРОТКА™

Рецензия от Мадлен

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС» ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

Внимание, спойлер: Остерегайтесь Червонной Королевы. Она отрубит вам голову.

ДЕЛАЕТ НАС СИЛЬНЕЕ

Писем от Олли нет. Ни одного. Я даже проверяю папку со спамом. Это не должно меня беспокоить, и не беспокоит. Это меня совсем не беспокоит. Ради интереса обновляю почту еще три раза с перерывом в две секунды. Может оно просто где-то прячется, задержалось.

И как только я снова собираюсь обновить страницу, входит Карла.

- Я не думала, что ты сможешь откопать эту штуку, - говорит она.

- И тебе тоже доброе утро, - говорю я, щурясь на экран.

Она улыбается и начинает свой ежедневный ритуал распаковывания медицинской сумки. Почему она не оставляет ее здесь на ночь - загадка.

- Почему ты хмуришься? Еще одно видео с мертвым котом? - Ее улыбка во весь рот, широкая, как у Чеширского кота. В любую минуту ее тело исчезнет, оставив в воздухе только широко улыбающуюся парящую голову.

- Олли не отправил мне ни одного письма.

Думаю, что выражение ее лица можно передать только словом "ошеломленное".

- Всю неделю, - добавляю я, в качестве разъяснения.

- Понятно. - Она вставляет стетоскоп в уши, засовывает градусник под мой язык.

- Ты ему писала?

- Та. - Отвечаю я из-за градусника.

- Не разговаривай, просто кивай.

- Ифини.

Она закатывает глаза, и мы ждем звукового сигнала.

- 37 и 6, - говорю я, протягивая ей градусник. - Попросту говоря, я сказала ему не писать. Я веду себя глупо?

Она показывает мне повернуться, чтобы прослушать мои легкие, но не отвечает.

- Насколько глупо? - подсказываю ей я. - По шкале от одного до десяти, где один - совершенно разумно и оправданно, а десять - нелепо.

- Около восьмерки, - говорит она, не задумываясь.

Я ждала, что она назовет двенадцать, но и восьмерка кажется победой. Озвучиваю ей это, и она надо мной смеется.

- Так ты сказала ему не писать тебе, и он тебе не писал. Именно это ты мне говоришь?

- Ну, я не написала НЕ ПИШИ МНЕ большими жирными буквами или как-то так. Я просто сказала, что занята. - Думаю, что она засмеет меня, но этого не происходит.

- Почему ты ему не написала?

- Из-за того, о чем мы говорили. Он мне нравится, Карла. Очень. Слишком сильно.

Выражение ее лица говорит мне: "И все?"

- Ты и правда хочешь потерять единственного друга из-за незначительных душевных страданий?

Я прочитала много, много книг, в который описывались душевые страдания. И ни в одной из них они не описывались незначительными. Разбивающими душу и разрушающими мир - да. Незначительными - нет.

Она прислоняется к спинке дивана.

- Ты еще этого не знаешь, но это пройдет. Просто это для тебя в новинку, гормоны.

Может, она права. Мне хочется, чтобы она была права, ведь так я снова смогу с ним говорить.

Она снова наклоняется вперед и подмигивает мне.

- Это, и то, что он симпатичный.

- Он очень симпатичный, да? - хихикаю я.

- Милая, я думала, что таких больше не делают!

Я тоже смеюсь и представляю себе завод, с конвейерной линии которого сходят маленькие Олли. Как они обездвиживают их, чтобы упаковать и отправить по почте?

- Иди! - Она хлопает меня по колену. - Тебе и так есть, чего бояться. Любовь не сможет тебя убить.

НЕТ ДА МОЖЕТ БЫТЬ

Понедельник, 20:09

Мадлен: Привет

Олли: привет

Мадлен: Как у тебя дела? Как выходные?

Олли: хорошо. хорошо

Олли: а твои?

Мадлен: Хорошо, но дел было много. Большую часть времени делала домашнюю работу по высшей математике.

Олли: ааа, высшая математика. величины подверженные изменениям

Мадлен: Ух ты. Ты и правда не шутил насчет того, что тебе нравится математика?

Олли: нет

Мадлен: Прошу прощения за мое письмо.

Олли: за которую часть?

Мадлен: За все письмо. Ты расстроился? Нет, да, может быть?

Олли: нет да может быть

Мадлен: Не думаю, что ты должен выбрать все ответы.

Олли: почему ты его написала?

Мадлен: Я испугалась.

Олли: чего?

Мадлен: Тебя.

Мадлен: Ты тоже мне не писал.

Олли: ты этого не хотела

Мадлен: ...

Олли: это многоточие значит что у нас неловкая тишина или ты думаешь?

Мадлен: И то, и другое.

Мадлен: Почему тебе так нравится математика?

Олли: почему тебе так нравятся книги?

Мадлен: Это не одно и то же!

Олли: почему нет?

Мадлен: В книгах можно найти смысл жизни.

Олли: у жизни есть смысл?

Мадлен: Ты же не серьезно?

Олли: возможно

Олли: в какой книге можно найти смысл жизни?

Мадлен: Хорошо, может и не в каждой книге, но если читаешь достаточно, то найдешь его.

Олли: таков твой план?

Мадлен: Ну, у меня есть время.

Мадлен: ...

Олли: думаешь?

Мадлен: Да. У меня есть решение нашей проблемы.

Олли: слушаю

Мадлен: Давай договоримся быть просто друзьями, хорошо?

Олли: хорошо

Олли: но больше не посматривай на мои мышцы

Мадлен: Друзья, Олли!

Олли: и на мои глаза

Мадлен: Больше никаких разговоров о моих веснушках.

Мадлен: И о моих волосах.

Олли: и о твоих губах

Мадлен: И о твоей ямочке.

Олли: тебе нравится моя ямочка?

Мадлен: Друзья!

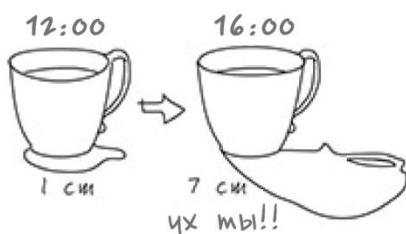
Олли: хорошо

ВРЕМЯ

Карла заставляет нас выждать неделю, прежде чем мы снова можем увидеться. Она хочет быть абсолютно уверенной, что присутствие Олли со мной в одной комнате не послужит спусковым механизмом. Хоть я и соглашаюсь с ней, что нам стоит подождать ради безопасности, эта неделя кажется бесконечной. Я своего рода убеждаюсь, что время буквально, а не метафорически, замедлилось, но вещи такого рода вызвали бы сенсацию.

42 название Ход времени номер 29

Пример А измерение временем

Пример Б засыхающий клевер

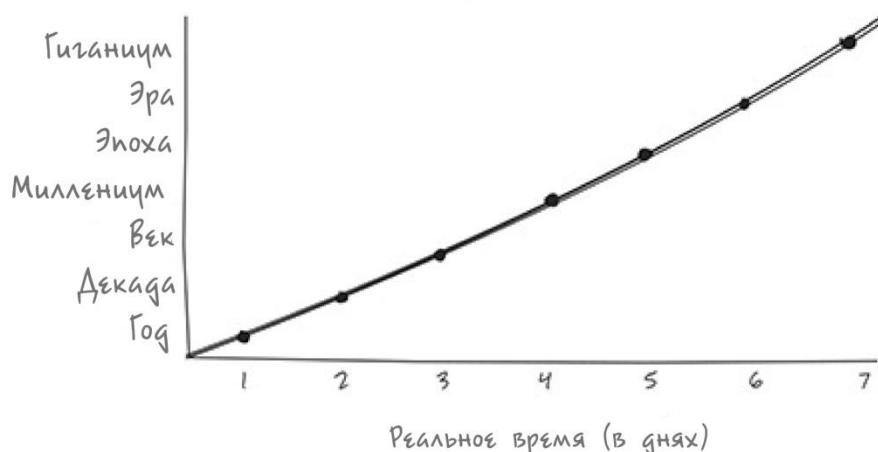
Пример В обновление почты

Пример Г перестановка книг

Схема: Субъективное vs фактическое время

подпись Н
прочитано/согласовано

СВЕТ МОЙ ЗЕРКАЛЬЦЕ

Прошла вечность, и неделя, наконец, закончилась. Голова у меня кружится, хотя я стараюсь сделать так, чтобы она не кружилась. Это сложнее, чем можно представить. Когда стараешься не улыбаться, улыбаешься еще больше.

Карла наблюдает, как я испытываю затруднения с выбором одежды. Обычно я об этом много не раздумывала. Правда, совсем не думала об этом. Мой шкаф полностью состоит из белых футболок и синих джинсов. Джинсы расфасованы по типу - прямые, в обтяжку, под ботинки, прямые, и глупо обозванные "мальчикового края". Моя обувь - кроссовки, все белые - сложена кучей в заднем углу. Я почти никогда не ношу обувь дома, а сейчас не уверена, смогу ли найти пару, которая подойдет. Роясь в куче, нахожу левый и правый одного размера. Они подходят, но едва-едва. Я стою перед зеркалом. Футболка должна совпадать с обувью или с сумочкой? Белый подходит моей цвету моего лица? Мысленно ставлю галочку, чтобы позже заняться покупками. Куплю футболки разных цветов, пока не найду ту, которая подойдет мне лучше всех.

В пятый раз спрашиваю Карлу, ушла ли уже мама.

- Ты же знаешь свою маму, - говорит она. - Она хоть когда-нибудь опаздывала?

Мама верит в пунктуальность, как другие верят в Бога. Время бесценно, говорит она, и невежливо тратить время кого-то другого. Мне даже не разрешают опаздывать на Пятничные Ужины.

Я смотрю на свое отражение в зеркале и безо всяких причин сменяю белую футболку с V-образным вырезом на белую с глубоким круглым декольте. Или не безо всяких причин. Но просто, чтобы чем-то занять себя, пока жду Олли.

Как бы мне хотелось поговорить об этом с мамой. Мне хочется спросить у нее, почему у меня перехватывает дыхание, когда я думаю о нем. Мне хочется поделиться с ней своим головокружением. Мне хочется рассказать ей все веселые шутки, которые рассказывает Олли. Мне хочется сказать ей, как я не могу перестать думать о нем, хотя пытаюсь. Мне хочется спросить у нее, чувствовала ли она в начале то же самое с папой.

Убеждаю себя, что я в порядке. Когда мы в последний раз виделись, я не заболела, и он знает правила - никаких прикосновений, полная дезинфекция, никаких посещений, если он думает, что в следующие несколько дней может заболеть.

Убеждаю себя, что нет ничего плохого в том, что лгу маме. Убеждаю себя, что не заболею. Убеждаю себя, что нет вреда в дружбе.

Что Карла права - любовь не сможет меня убить.

ПРОГНОЗ

Олли снова на стене, когда я вхожу в комнату. В этот раз он забрался на самый верх.

- Кончики твоих пальцев когда-нибудь устают? - спрашиваю я.

- Они у меня на строгом режиме тренировок, - говорит он, улыбаясь мне. Мой желудок делает небольшое сальто, к которому мне придется привыкнуть, потому что кажется, такова побочная реакция встреч с ним.

Вчера в этой комнате я делала домашнее задание. Я знаю, что все в ней осталось таким же, как когда я ушла, но выглядит и ощущается она по-другому. Комната оживает намного больше, когда в ней Олли. Если все искусственные растения и деревья прямо сейчас качнутся, то я не удивлюсь.

Иду к дивану и устраиваюсь в самом дальнем от него углу.

Спустившись со стены, он присаживается, скрестив ноги и прислонившись к ней спиной.

Я подгибаю под себя ноги, поправляю копну волос, обнимаю себя за талию. Почему из-за нахождения с ним в одной комнате я настолько ощущаю свое тело и части его? Из-за него я даже ощущаю свою кожу.

- Сегодня ты в обуви, - говорит он. Он определенно все подмечает - такой тип парней знает, когда ты перевесила картину или добавила новую вазочку в комнату.

Я смотрю на обувь.

- У меня таких девять одинаковых пар.

- И ты жалуешься на мой выбор одежды?

- Ты носишь только черное! Из-за этого выглядишь погребально.

- Мне нужен словарь, чтобы говорить с тобой.

- Характерный или свойственный погребению.

- Не настолько полезное определение.

- Проще говоря, ты ангел смерти.

Он улыбается мне.

- Меня выдала коса, да? Я думал, что хорошо ее припрятал.

Он меняет положение. Теперь он лежит на спине, колени согнуты, руки переплетены под головой.

Я снова безо всяких причин меняю положение, прижимая ноги к груди и обвивая их руками. Наши тела общаются между собой отдельно от нас. В этом разница между дружбой и чем-то другим? В том, как я его ощущаю?

Воздушные фильтры гоняют воздух, воспроизводя тихий гул наряду с шумом вентилятора.

- Как это работает? - Он осматривает потолок.

- Они промышленные. Окна запломбированы, поэтому воздух проходит только через фильтры на крыше. Ничто более 0,3 микрон не проникает внутрь. К тому же, система циркуляции полностью сменяет весь воздух в доме каждые четыре часа.

- Ух ты. - Он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня, и я вижу, что он пытается определить, насколько я больна.

Я отворачиваюсь.

- За это заплатила администрация наследства. - Прежде чем он успевает спросить, я добавляю: - Водитель грузовика, который убил моего папу и брата, уснул за рулем. Он работал три смены подряд. Они уладили вопрос с мамой.

Он снова смотрит на потолок.

- Извини.

- Это странно, потому что я на самом деле их не помню. Я имею в виду, вообще не помню. - Я пытаюсь игнорировать те чувства, которые всплывают, когда я думаю о них.

Это грусть, но не совсем грусть, а потом вина. - Странно скучать по кому-то, кого никогда не было или ты не помнишь об их существовании.

- Не так странно, - говорит он. Мы оба молчим, и он закрывает глаза.

- Ты когда-нибудь задавалась вопросом, на что была бы похожа твоя жизнь, если бы ты могла изменить что-то одно? - спрашивает он.

Как правило нет, но уже начинаю. Что, если бы я не болела? Что, если бы мои папа с братом не умерли? Не интересоваться невозможным - именно так мне удалось стать Мастером Дзен.

- Все думают, что они особенные, - говорит он. - Мы все - снежинки, верно? Мы все уникальны и сложны. Мы никогда не сможем познать человеческое сердце и тому подобное.

Я медленно киваю, потому что уверена, что соглашаюсь со всем, что он сейчас говорит, но я в равной степени уверена, что не соглашусь с тем, что последует дальше.

- Я думаю, это чепуха. Мы не снежинки. Мы просто готовый продукт совокупности ингредиентов.

Я перестаю кивать.

- Это как формула?

- Именно как формула. - Он опирается на локти и смотрит на меня. - Думаю, есть только один или два ингредиента, которые очень важны. Выясни, какие, и разгадаешь человека. Сможешь предсказать в нем все.

- Правда? И что мне теперь сказать?

Он подмигивает мне.

- Ты думаешь, что я жестокий человек, еретик ...

- Безумный, - завершаю я за него. - Ты и правда не веришь, что мы - математические уравнения?

- Возможно.

Он ложится.

- Но откуда ты знаешь, какие ингредиенты изменить?

Он выдыхает, долго и терпеливо.

- Да, это проблема. Даже если выяснишь, какие ингредиенты изменить, то на сколько стоит изменить их? А что, если не сможешь достаточно точно изменить? Тогда не сможешь спрогнозировать новый продукт. Можешь все испортить.

Он снова садится.

- Хотя представь, что изменив верные ингредиенты, можно было бы исправить ситуацию прежде, чем она пойдет не так. - Последнюю часть он произносит тихо, но разочарованно, будто он тот, кто долгое время пытался решить одну и ту же неразрешимую проблему. Наши взгляды встречаются, и он выглядит смущенным, словно раскрыл больше, чем намеревался раскрыть.

Он ложится на спину и закидывает руку на лицо.

- Проблемой является теория хаоса. Слишком много ингредиентов в формуле, и даже самые незначительные могут быть важнее, чем ты думаешь. Никогда не сможешь достаточно точно определить их значимость. Но! Если бы такое было возможно, можно было бы составить формулу, чтобы предсказывать погоду, будущее, людей.

- Но теория хаоса говорит, что это невозможно?

- Ага.

- Тебе понадобился целый раздел математики, чтобы сказать, что люди непредсказуемы?

- Ты же в этом разобралась, да?

- Книги, Олли! Я узнала об этом из книг.

Он смеется, перекатывается на бок и смеется еще больше. Он настолько заразителен, что я тоже смеюсь, все мое тело отвечает ему. Я наблюдаю за его ямочкой, на

которую больше не должна обращать внимания. Мне хочется положить на нее палец, чтобы он все время улыбался.

Может, будущее нам и неизвестно, но кое-что предсказывать мы можем. Например, я точно влюблюсь в Олли. И это почти наверняка будет катастрофой.

Это совершенно точно будет катастрофой.

СЛОВАРЬ МАДЛЕН

Одержанность (о·дер-жí-мость) - сущ. ед.ч. 1. полное и всеобъемлющее подчинение разума человека чему-то, какой-либо мысли или желанию. [2015, Уиттер]

СЕКРЕТЫ

Мое постоянное общение с Олли посредством быстрых сообщений отражается на мне. Я заснула во время не одного, а целых двух вечеров кино с мамой. Она начинает беспокоиться, что что-то не так, что моя иммунная система каким-то образом поставлена под угрозу. Я говорю ей, что все намного проще. Я просто не высыпаюсь. Думаю, я знаю почему, учитывая нашу ситуацию, ее мозг доктора моментально переходит к самому худшему сценарию. Она говорит мне то, что я уже знаю, что недостаток сна неблагоприятен для человека в моем состоянии. Я обещаю ей исправиться. Той ночью я переписываюсь только до двух часов ночи, а не до обычных трех.

Странно не говорить с мамой о чем-то, ком-то, кто становится важным для меня. Мы с мамой отдаляемся все больше и больше, но не потому, что меньше проводим время вместе. И не потому, что Олли ее заменяет. Мы отдаляемся, потому что впервые в жизни у меня появляется секрет.

СПАСИБО ЗА ПОКУПКУ

Email

НАПИСАТЬ

входящие
отправленные
чертновики
удаленные
больше ▾

1 из 2,902

Спасибо за покупки в BlueTag

 BlueTag Customer Service
to me

метод оплаты
Полин Уиттер
Visa **** * 4492
Итоговая сумма: \$236.19

описание	количество	цена
 Классическая (оживленный оранжевый)	1	\$29.99
 Классическая (исступленный синий)	1	\$29.99
 Классическая (восторженный болотный)	1	\$29.99
 Классическая (Невыносимая охра)	1	\$29.99
 Классическая (нетерпеливый черный)	1	\$29.99
 Классическая (неспокойный белый)	1	\$29.99
Парусиновые	1	
туфли (головокружительный белый)		\$54.99

НУМЕРОЛОГИЯ

Количество:

минут, которые требуются отцу Олли, чтобы начать кричать после того, как он приехал домой вчерашним вечером:

8

жалоб на проклятый, снова пережареный ростбиф:

4

извинений мамы Олли:

6

раз, когда отец Олли обозвал Кару проклятым фриком за то, что она красит ногти черным лаком:

2

минут, которые требуются маме Олли, чтобы стереть лак Кары:

3

раз, когда отец Олли упоминает, что знает того, кто пьет его проклятый виски:

5

что он самый умный в этом доме:

2

что никто не должен забывать, что он зарабатывает все деньги:

2

каламбурных шуток, после которых Олли чувствует себя несколько лучше, когда переписывается со мной в 3:00:

5

раз, когда он пишет "это неважно" во время нашей переписки:

7

часов моего сна прошлой ночью:

0

сигарет, которые зарыла этим утром в саду Кара:

4

видимых синяков на маме Олли:

0

невидимых синяков:

Неизвестно

часов до встречи с Олли:

0,5

ОЛЛИ ГОВОРИТ

Его нет на стене, когда я вижу его на следующий день. Вместо этого он в той позе, которую я начинаю воспринимать как положение покоя: слегка покачивается на сводах стоп, засунув руки в карманы.

- Привет, - говорю я от двери, ожидая, когда мой желудок закончит свой сумасшедший танец в честь Олли.

- И тебе привет. - Его голос тихий и слегка грубый, будто он не спал.

- Спасибо за общение прошлой ночью, - говорит он, прослеживая мой путь до самого дивана.

- В любое время. - Мой собственный голос тоже хриплый и тихий. Сегодня он выглядит бледнее обычного и немного сутулится, но все равно двигается.

- Иногда мне хочется просто исчезнуть и уйти от них, - признается он стыдливо.

Мне хочется что-то сказать, не просто что-то, а чтобы успокоить его, заставить его забыть семью на несколько минут, но я не могу придумать. Вот почему люди прикасаются друг к другу. Иногда слов недостаточно.

Наши взгляды встречаются, и так как я не могу обнять его, то обвиваю себя руками за талию, крепко сжимая.

Его взгляд скользит по моему лицу, будто он пытается что-то вспомнить.

- Почему мне кажется, что я всегда тебя знал? - спрашивает он.

Я не знаю, но тоже это чувствую. Он перестает двигаться, придя к тому решению, к которому ему нужно было прийти.

Он говорит, что мой мир может измениться в одно мгновение.

Он говорит, что никто не невинен, кроме, может быть, меня, Мадлен Уиттер.

Он говорит, что его отец не всегда был таким.

ТЕОРИЯ ХАОСА

Десятилетний Олли и его отец сидят за барной стойкой в их старом пентхаусе в Нью-Йорке. Рождественские праздники, поэтому на улице либо идет снег, либо только что перестал идти. Это воспоминание, поэтому детали слегка размытые.

Его отец приготовил свежий горячий шоколад. В этом он эксперт и гордится, что готовит его из простых ингредиентов. Он растворяет имеющиеся в наличии плитки горького шоколада и использует "на сто процентов жирное" молоко. Он берет любимую чашку Олли, наливает слой шоколада и добавляет шесть унций горячего молока, подогретого в духовке почти до кипения - никаких микроволновок. Олли размешивает молоко и шоколад, в то время как его отец достает из холодильника взбитые сливки, тоже свежеприготовленные. Сливки слегка подслащены, благодаря этой сладости хочется еще больше. Он добавляет одну солидную порцию, может и две, в чашку Олли.

Олли поднимает чашку и дует на уже тающие взбитые сливки. Они скользят по поверхности, как миниатюрный айсберг. Он внимательно смотрит на папу через край чашки, пытаясь разгадать, в каком он настроении.

В последнее время его настроение было плохим, хуже, чем обычно.

- Ньютон ошибался, - говорит теперь его отец. - Вселенная не детерминирована.

Олли размахивает ногами. Ему нравится, когда его отец так с ним разговаривает, как мужчина с женщиной, будто он взрослый, хоть и не всегда понимает, о чем он говорит. Таких разговоров стало больше с тех пор, как отца отстранили от работы.

- Что это значит? - спрашивает Олли.

Его отец всегда ждет, когда Олли спросит, прежде чем что-то объяснять.

- Это значит, что одно не всегда ведет к другому, - говорит он и делает глоток горячего шоколада. Почему-то его отец никогда сначала не дует на горячую жидкость. Он просто ее пьет. - Это значит, что можешь делать все *чертовски* верно, а твоя жизнь все равно превратится в дермо.

Олли задерживает глоток шоколада во рту и смотрит на чашку.

Несколько недель назад мама Олли объяснила ему, что его отец побудет немного дома, пока на работе наладится. Он не сказала, что не так, но Олли нечаянно услышал такие слова, как "мошенничество" и "расследование". Он не был точно уверен, что бы это значило, только то, что, казалось, его отец любил Олли, Кару и его маму немного меньше, чем до этого. И чем меньше казалась его любовь к ним, тем больше он пытался стать более милым.

Телефон звонит, и его отец подходит к нему.

Олли слегкаивает горячий шоколад и прислушивается.

Сначала отец говорит серьезным, как на работе, голосом - одновременно злым и расслабленным. В итоге его голос становится сердитым:

- Вы меня увольняете? Вы только что сказали, что эти придурки вычеркнули меня из подозрений.

Олли обнаруживает, что тоже злится, в интересах своего отца. Он отставляет чашку и слезает со стула.

Его отец расхаживает по комнате. Выражение его лица - возмущенное.

- Мне плевать на *треклятые* деньги. Не делайте этого, Фил. Если вы меня уволите, то все подумают...

Он перестает двигаться и отводит телефон от уха. Ничего не говорит долгую минуту.

Олли тоже перестает двигаться, надеясь, что то, что скажет потом Фил, все исправит.

- Господи. Вы, ребята, не можете так поступить со мной. Никто после такого не будет иметь дел со мной.

Олли хочет подойти к отцу и сказать ему, что все будет в порядке, но не может. Он очень боится. Он выскользывает из комнаты, забрав с собой горячий шоколад.

Впервые пополудни отец Олли пьян, агрессивно пьян, пьян так, что кричит на пределе своих легких, пьян так, что не помнит на следующий день, что произошло, что не происходило за несколько месяцев до этого. Он находился дома весь день, спорил с биржевыми новостями по телевизору. Один из ведущих упомянул название его прежней компании, и его отец взорвался от злости. Он налил виски в высокий стакан, а затем добавил водку и джин. Смешал это все длинной ложкой, пока смесь не утратила светлый янтарный цвет виски и не стала выглядеть как вода.

Олли наблюдал, как цвет исчезает в стакане, и вспомнил тот день, когда его отца уволили, и как он боялся успокоить его. Что если бы он успокоил его, было бы сейчас все по-другому? Что если?

Он вспомнил, как его отец сказал, что одно не всегда ведет к другому.

Он вспомнил, как сидел за барной стойкой и смешил молоко и шоколад. Как шоколад стал белым, а молоко стало коричневым. И что иногда нельзя не сочетать вещи, и неважно, насколько ты этого хочешь.

71

название формула Олии

номер 30

Вычислить Z в следующем уравнении:

$$X + Y = Z$$

переменная X неизвестна и не найдена
и переменная Y неизвестна и не найдена.

подпись н

прочитано/согласовано

РАССКАЗ ДВУХ МЭДДИ

- Твоя мама хочет знать, замечала ли я в последнее время, что что-то в тебе изменилось, - говорит Карла с другого конца гостиной.

Я смотрю первый фильм "Миссия невыполнима" с Томом Крузом. Он играет супершпиона, Итана Ханта, который ведет двойную, иногда тройную, а иногда и четвертую игру. Фильм подходит к концу, и Итан только что разоблачил себя, в буквальном смысле, чтобы поймать плохим парней.

Карла повторяется, в этот раз громче.

- А ты замечала? - спрашиваю я, отвлекаясь на том моменте, когда Итан снимает невероятно реалистичную маску, чтобы явить свое настоящее лицо. Я склоняю голову на бок для лучшего ракурса.

Карла выхватывает у меня пульт и нажимает на паузу. Затем кидает пульт в угол дивана.

- В чем дело? - спрашиваю я, чувствуя вину за то, что игнорировала ее.

- В тебе. И в этом парне.

- Что ты имеешь в виду?

Она вздыхает и садится.

- Я знала, что ошиблась, когда позволила вам видеться.

Теперь она завоевала все мое внимание.

- Что сказала моя мама?

- Ты отменила вечер кино с ней?

Я знала, что не стоило этого делать. Она выглядела такой задетой и разочарованной, но мне не хотелось ждать девяти часов, чтобы пообщаться с Олли. Мне не хватает общения с ним. Меня переполняют слова. И никогда не иссякнет то, что я хочу сказать ему.

- И она сказала, что ты все время отвлекаешься. И заказала много одежды. И обуви. И она практически побила тебя в какой-то игре, в которой ты всегда побеждала.

Ой.

- Она подозревает?

- Это все, о чем ты беспокоишься? Послушай, что я тебе говорю. Твоя мама скучает по тебе. Ей одиноко без тебя. Ты бы видела ее лицо, когда она спрашивала меня.

- Я просто...

- Нет, - говорит она, поднимая руку. - Ты больше не можешь его видеть. - Она поднимает отброшенный пульт и сжимает его в руках, смотря куда угодно, но только не на меня.

Мое сердце колотится от паники.

- Карла, пожалуйста. Пожалуйста, не отнимай его у меня.

- Он не твой!

- Я знаю...

- Нет, ты не знаешь. Он не твой. Может сейчас у него есть время на тебя, но скоро он вернется в школу. Он встретит какую-нибудь девушку и станет *ее* Олли. Понимаешь меня?

Я знаю, что она просто пытается защитить меня, как я пыталась защитить себя несколько коротких недель назад, но благодаря ее словам я осознаю, что сердце в моей груди - такая же мышца, как и все остальные. Оно может болеть.

- Я понимаю, - говорю я тихо.

- Проведи какое-то время с мамой. Парни приходят и уходят, а мамы остаются навсегда.

Я уверена, что она говорила те же самые слова своей Розе.

- Ну ладно. - Она возвращает мне пульт. Мы вместе смотрим на неподвижный экран.

Она опирает обеими руками о колени и встает.

- Ты это имела в виду? - спрашиваю я ее, когда она уже на полпути из комнаты.

- Имела в виду что?

- Ты сказала, что любовь не сможет убить меня.

- Да, но она может убить твою маму. - Она выдавливает небольшую улыбку.

Я задерживаю дыхание в ожидании.

- Ладно, хорошо. Ты все еще можешь видеть его, но тебе стоит набраться ума.

Понимаешь?

Я согласно киваю и выключаю телевизор. Итан Хант исчезает.

Остаток дня я провожу на застекленной террасе, подальше от Карлы. Я на нее не злюсь, но и не *ne* злюсь. Все мои сомнения насчет того, чтобы скрыть Олли от мамы, испарились. Не могу поверить, что одна отмененная встреча с ней привела к невозможности снова увидеть Олли. Сначала я волновалась, что у меня есть секреты от нее. Сейчас я волнуюсь, что секретов больше вообще не будет. Знаю, она не расстроена, что я купила новую одежду. Она расстроена, что я не спросила ее мнения и купила те цвета, каких она не ожидала. Она расстроена из-за перемен, которых не предвидела. Я одновременно и негодую, и понимаю ее. Ей приходится многое контролировать, чтобы удержать меня в безопасности моего пузыря.

И она не ошибается. Я *отвлекаюсь*, когда нахожусь с ней, мой разум постоянно настраивается на волну Радио Олли. Я знаю, что она не ошибается. Но все равно негодую. Отдаление друг от друга является частью взросления? Разве я не должна получить хоть кусочек этого соответствия стандартам?

Даже так я чувствую вину. Она посвятила мне всю свою жизнь. Кто я такая, чтобы отказаться от этого при первом признаке любви?

В конце концов, Карла находит меня перед нашей проверкой в 4 часа.

- Есть такая штука, как внезапно появившаяся шизофрения? - спрашиваю я.

- А что? У тебя она есть?

- Возможно.

- Я сейчас разговариваю с хорошей Мэдди или с плохой?

- Это неясно.

Она похлопывает меня по руке.

- Будь хорошей со своей мамой. Ты все, что есть у нее.

КАРТА СВОБОДНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Email

НАПИСАТЬ

входящие (4)
отправленные
черновики
удаленные
больше ▾

1 из 3,557

Мы получили вашу заявку на кредитную карту

Argentis Inc.
to me

Спасибо за заявку на новую серебряную карту свободного пользования. Эта карта предоставляет вам вариативность и покупательную способность, чтобы осуществить свои мечты и спланировать будущее.

Ваша персональная информация
Мадлен Ф.Уиттер
304 Папиллон Уэй

ARGENTIS
FREEDOMCARD
1234 5678 9012 3456
ВАШЕ ИМЯ

ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ

Обычно люди ходят взад и вперед, когда нервничают. Олли же важно шествует.

- Олли! Это просто стойка на руках. У стены. Я буду в порядке. - У меня ушел час, чтобы убедить его показать мне, как это делается.

- В твоих руках и верхней части тела недостаточно сил, - ворчит он.

- Ты это уже говорил. Кроме того, я сильная, - говорю я и напрягаю бицепс. - Я могу отжать от груди свой вес в виде книг.

Он немного улыбается, затем, к счастью, перестает выхаживать. Дергает резинку на руке, осматривая в это время мое тело и мысленно критикуя недостаток у меня физической стойкости.

Я закатываю глаза, настолько драматично, насколько это возможно.

- Хорошо, - вздыхает он с тем же драматизмом. - Присядь на корточки. - Он демонстрирует.

- Я знаю, что...

- Сосредоточься.

Я присаживаюсь.

С другого конца комнаты он проверяет мое положение и дает наказ немного изменить позу - ладони на двенадцать дюймов врозь, руки прямые, локти прижаты к коленям, пальцы расставлены, - пока у меня не получается.

- А теперь, - говорит он, - слегка перенеси тело вперед, пока кончики пальцев не оторвутся от пола.

Я наклоняюсь слишком далеко и перекатываюсь кувырком на спину.

- Ха, - говорит он, а затем сжимает губы. Он пытается не смеяться, но его выдает предательская ямочка. Я возвращаюсь в стойку.

- Переноси, а не наклоняйся, - говорит он.

- Я думала, что переносила.

- Не очень-то. Хорошо, а теперь смотри. - Он присаживается на корточки. - Ладони на двенадцать дюймов врозь, локти прижаты к коленям, пальцы расставлены. Затем медленно, медленно переносишь вес на плечи, отрываешь кончики пальцев ног с пола, а потом поднимаешь себя. - Он встает на руки со своей обычной непринужденной грацией. И я снова поражаюсь, насколько безмятежен он в движении. Это для него как медитация. Его тело это бегство от мира, в то время как я заключена в ловушку своего.

- Хочешь еще посмотреть? - спрашивает он, возвращаясь на ноги.

- Нет. - Я, ощущая беспокойство, переношу вес на плечи в соответствии с указаниями, но ничего не получается. Ничего не получается в течение часа. Нижняя часть моего тела крепко вросла в пол, в то время как предплечья болят от усилий. Умудряюсь изобразить еще несколько непреднамеренных кувыроков. В конце концов, я преуспела только в том, что кувыркалась без криков.

- Передышка? - спрашивает он, все еще стараясь не улыбаться.

Я ворчу на него, опускаю голову и снова вхожу в кувырок. Теперь он определенно смеется.

Я лежу на спине, переводя дыхание, а затем смеюсь вместе с ним. Через несколько секунд снова сажусь на корточки.

Он качает головой.

- Кто знал, что ты такая упрямая?

Не я. Я не знала, что настолько упрямая.

Он хлопает в ладоши.

- Хорошо, давай попробуем что-нибудь новенькое. Закрой глаза.

Закрываю.

- Хорошо. Теперь представь, что ты в космическом пространстве.

Когда глаза у меня закрыты, он ощущается ближе, будто стоит рядом со мной, а не в другом конце комнаты. Его голос скользит по моей шее, шепчет мне в ухо. - Видишь звезды? А это астероидное поле? Пролетающий мимо одинокий спутник? Здесь нет гравитации. Ты невесома. Можешь делать со своим телом все, что хочешь. Просто представь это.

Я наклоняюсь вперед и внезапно оказываюсь вверх тормашками. Сначала я не осознаю, что сделала это. Несколько раз открываю и закрываю глаза, но мир остается перевернутым. Кровь приливает к голове, из-за чего я вдруг чувствую себя тяжелой и испытываю головокружение. Гравитация растягивает мой рот в улыбку и распахивает мои глаза. Я ощущаю себя удивительно чуждой своему телу. Мои предплечья начинают дрожать. Я перевернулась из вертикального положения, и мои ноги касаются стены. Отталкиваюсь, чтобы изменить направление, и опускаюсь на корточки.

- Потрясающе, - говорит, хлопая в ладоши, Олли. - Ты даже продержалась несколько секунд. Очень скоро тебе совсем не понадобится стена.

- Как насчет сейчас? - спрашиваю я, желая большего, желая увидеть мир таким, каким видит его он.

Он мешкает, собирается поспорить, но затем его взгляд встречает мой. Он кивает и присаживается на корточки, чтобы наблюдать.

Я присаживаюсь, переношу вес и поднимаюсь. И практически сразу начинаю падать назад. Олли внезапно оказывается возле меня, его руки оказываются на моих обнаженных лодыжках, поддерживая мое равновесие. Каждый нерв в моем теле устремляется туда, где он касается меня. Кожа под его рукой оживает, каждая клетка светится от ощущений. Я чувствую себя так, будто меня никогда прежде не касались.

- Вниз, - говорю я, и он осторожно опускает мои ноги, пока они не оказываются на полу. Жду, когда он вернется обратно в свой угол, но он не отходит. Прежде чем смогу передумать, встаю и поворачиваюсь к нему лицом. Нас разделяют только три фута. Я могла бы протянуть руку и коснуться его, если бы захотела. Медленно поднимаю глаза к его глазам.

- Ты в порядке? - спрашивает он.

Я хочу сказать да, но вместо этого качаю головой. Я должна отодвинуться. Он должен отодвинуться. Ему нужно вернуться на свою сторону, но он не возвращается, и я вижу по его глазам, что и не вернется. Мое сердце бьется так громко, что, как я уверена, он может слышать его.

- Мэдди? - Мое имя произнесено с вопросительной интонацией, и мой взгляд передвигается на его губы.

Он протягивает правую руку и берет меня за указательный палец левой руки. Его рука грубая, неровная от мозолей и такая теплая. Он потирает большим пальцем мои костяшки, а затем обхватывает мой палец ладонью.

Я смотрю на свою руку.

Друзьям ведь дозволено прикасаться, да?

Я вынимаю свой палец, чтобы переплестились всеми остальными, пока наши ладони не соприкасаются.

Я поднимаю взгляд к его глазам и вижу в них свое отражение.

- Что ты видишь? - спрашиваю я.

- Ну, первое, что я вижу, это веснушки.

- Ты помешан на них.

- Слегка. Они выглядят так, будто кто-то разбрзгал по твоему носу и щекам шоколад. - Его взгляд путешествует до моих губ, а затем обратно к глазам. - Твои губы розовые и становятся более розовыми, когда ты жуешь их. Ты жуешь их чаще, когда собираешься не согласиться со мной. Тебе стоит делать так меньше. Я имею в виду, не соглашаться, а не жевать. Ты жуешь губы, и это прелестно.

Я должна что-то сказать, остановить его, но я не могу говорить.

- Я никогда не видел таких длинных, пушистых и волнистых волос, как у тебя. Они выглядят, как облако.

- Если бы облака были каштановыми, - говорю я, наконец обнаружив свой голос и пытаясь разбить чары.

- Да, волнистые каштановые облака. И твои глаза. Клянусь, они меняют цвет. Иногда они почти черные. Иногда карие. Я пытаюсь выяснить взаимосвязь между цветом и твоим настроением, но еще не получилось. Буду держать тебя в курсе.

- Взаимосвязь это не причинно-следственная связь, - говорю я, просто чтобы хоть что-то сказать.

Он улыбается и сжимает мою руку.

- Что ты видишь?

Мне хочется ответить, но, оказывается, не могу. Я качаю головой и снова смотрю на наши руки.

Мы так и стоим, перемещаясь между определенностью и неопределенностью, потом по второму кругу, пока не слышим приближение Карлы, которое заставляет нас разойтись.

Я уничтожена. Я сокрушена.

КОЖА

Я однажды читала, что в среднем мы заменяем большую часть своих клеток каждые семь лет. Еще поразительнее то, что мы сменяем верхние слои кожи каждые две недели. Если бы *все* клетки в нашем теле могли таким образом сменяться, то мы были бы бессмертными. Но некоторые клетки, например те, что в мозгу, не обновляются. Они стареют, и состариваются нас.

Через две недели у моей кожи не останется воспоминания о руке Олли на моей, но мозг запомнит. У нас может быть либо бессмертие, либо память осязания. Но и того, и другого у нас не может быть.

ДРУЖБА

Позже, 20:16

Олли: ты рано объявились

Мадлен: Я сказала маме, что у меня много домашней работы.

Олли: ты в порядке?

Мадлен: Ты спрашиваешь, болею ли я?

Олли: да

Мадлен: Пока все хорошо.

Олли: ты беспокоишься?

Мадлен: Нет. Я в порядке.

Мадлен: Я уверена, что в порядке.

Олли: ты беспокоишься

Мадлен: Немного.

Олли: мне не стоило так делать. извини

Мадлен: Пожалуйста, не надо. Я не беспокоюсь. Я бы ни на что это не променяла.

Олли: все равно

Олли: ты уверена что в порядке?

Мадлен: Чувствую себя, как новенькая.

Олли: всего лишь подержавшись за руки ага. представь что было бы из-за поцелуя

Мадлен: ...

Мадлен: Друзья не целуются, Олли.

Олли: очень хорошие друзья могут целоваться

ИССЛЕДОВАНИЕ

Прошло двадцать четыре часа, а я все думаю о поцелуе. Как только закрываю глаза, вижу слова "представь что было бы из-за поцелуя". В какой-то момент меня озаряет, что я ничего не знаю о поцелуях. Конечно, я об этом читала. Видела достаточно поцелуев в фильмах, чтобы получить представление. Но я никогда не представляла, что меня поцелуют, и уж точно не представляла, что поцелую я сама.

Карла говорит, что сегодня у нас, возможно, получится увидеть друг друга, но я решаю подождать еще пару дней. Она не знает о прикосновении к моей лодыжке, о том, что мы держались за руки, что практически делили дыхание. Мне стоит рассказать ей, но я молчу. Боюсь, что она прекратит наши встречи. Еще одна ложь добавляется к растущему счету. Олли теперь единственный в моей жизни, кому я не лгала.

Сорок восемь часов после прикосновения, и я все еще чувствую себя хорошо. Поглядываю на свои показатели, пока Карла не смотрит. Кровяное давление, пульс и температура, кажется, в норме. Никаких ранних признаков осложнений.

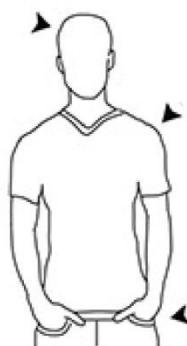
Мое тело слегка слабеет, когда я представляю себе поцелуй с Олли, но я уверена, что это просто влюбленность.

16 название Вводный курс в поцелуи 1 из 3 номер 17

Перечень дел перед поцелуем:

Осмотр положения рук

Упражнения на технику поцелев

подпись Л
прочитано/согласовано _____

17

название *Вводный курс в поцелуи 2 из 3* номер 17

Обеспечение атмосферы для поцелуев

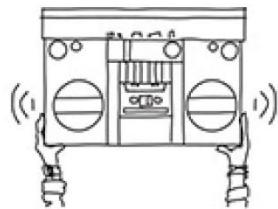
Дождь

Доказано, что увлажняет
 страсть.

Посмотреть: «Дневник памяти»,
 «Четыре свадьбы +
 одни похороны» +

Портативное аудиоустройство

обеспечивает
правильную музыку

Посмотреть:
практически все
романтические комедии

Эпическое стихотворение о любви

Запомни и
продекламируй
прямо перед
актом поцелуя

подпись Лар

прочитано/согласовано

18

название Вводный курс в поцелуи З из 3 номер 17

Техника поцелуев

Убедимся в
возможности поцелуя

излишнее прикосновение

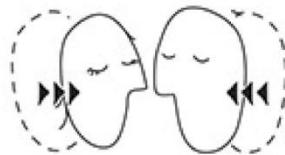
Поджать губы для
верного уровня
остроты

Склонить голову,
чтобы избежать
столкновения носами

Приблизиться

партнер сократит
оставшееся расстояние

Контакт

прижать и задержать
на 3-5 секунд

Медленно отодвинуться

Замечка:
глаза держать
закрытыми!

ПОДПИСЬ Л-а

прочитано/согласовано

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Олли на стене нет. Его даже нет на дальнем конце дивана. Вместо этого он сидит посередине, упираясь локтями в колени и растягивая резинку на руке.

Я задерживаюсь в дверном проеме. Его взгляд не покидает моего лица. Чувствует ли он то же стремление занять то же самое место, дышать тем же воздухом, что и я?

Неуверенно топчуясь у порога комнаты. Я могла бы отправиться к его традиционному месту у стены. Могла бы остаться здесь в дверном проеме. Могла бы сказать ему, что не стоит искушать судьбу, но не могу. Более того, мне этого не хочется.

- Думаю, оранжевый твой цвет, - наконец произносит он.

На мне надета одна из новых футболок. Ворот у нее V-образный, и она обтягивающая, а сейчас еще и входит в категорию моей самой любимой одежды. Может, куплю еще десять таких футболок.

- Спасибо. - Кладу руку на живот. Бабочки вернулись и ведут себя, как неугомонные.

- Мне подвинуться? - Он потирает натянутую резинку между большим и указательным пальцами.

- Не знаю, - говорю я.

Он кивает и начинает подниматься.

- Нет, подожди, - говорю я, прижимая другую руку к животу и подходя к нему. Сажусь, оставив между нами фут свободного пространства.

Резинка снова ударяет по его запястью. Его плечи расслабляются, хотя я не осознавала, что он напряжен.

Сидя рядом с ним, я прижимаю вместе колени и горблюсь. Превращаю себя в маленьющую, насколько это возможно, будто мой размер сможет скрыть нашу близость.

Он поднимает с колена руку, вытягивает ее и шевелит пальцами.

Все мое замешательство исчезает, и я кладу свою руку на его. Наши пальцы переплетаются, будто таким образом мы держались за руки всю нашу жизнь. Я понятия не имею как, но дистанция между нами сокращается.

Он сдвинулся? Или я?

Теперь мы сидим рядом друг с другом, бедра соприкасаются, руки от запястий до локтей греют друг друга, мое плечо прижимается к его предплечью. Он касается своим большим пальцем моего, вычерчивая дорожку от костяшек до запястия. Моя кожа, каждая клеточка, загорается. Обычные, не болеющие люди все время такое чувствуют? Как они переживают такое ощущение? Как воздерживаются от прикосновений друг к другу?

Он слегка тянет меня за руку. Я знаю, что это вопрос, и поднимаю взгляд от наших чудесных рук к его чудесному лицу, глазам и губам, приближающимся ко мне. Я сдвинулась? Или он?

Его дыхание теплое, а затем его губы нежно, как бабочки, касаются моих. Мои глаза закрываются по собственной воле. Романтические комедии правы насчет этой части. Стоит закрывать глаза. Он отодвигается, и моим губам становится холодно. Я делаю это неправильно? Мои глаза распахиваются и сталкиваются с темной синевой его глаз. Он целует меня, будто боится продолжить и боится останавливаться. Хватаю его за перед футболки и крепко держусь.

Мои бабочки поднимают бунт.

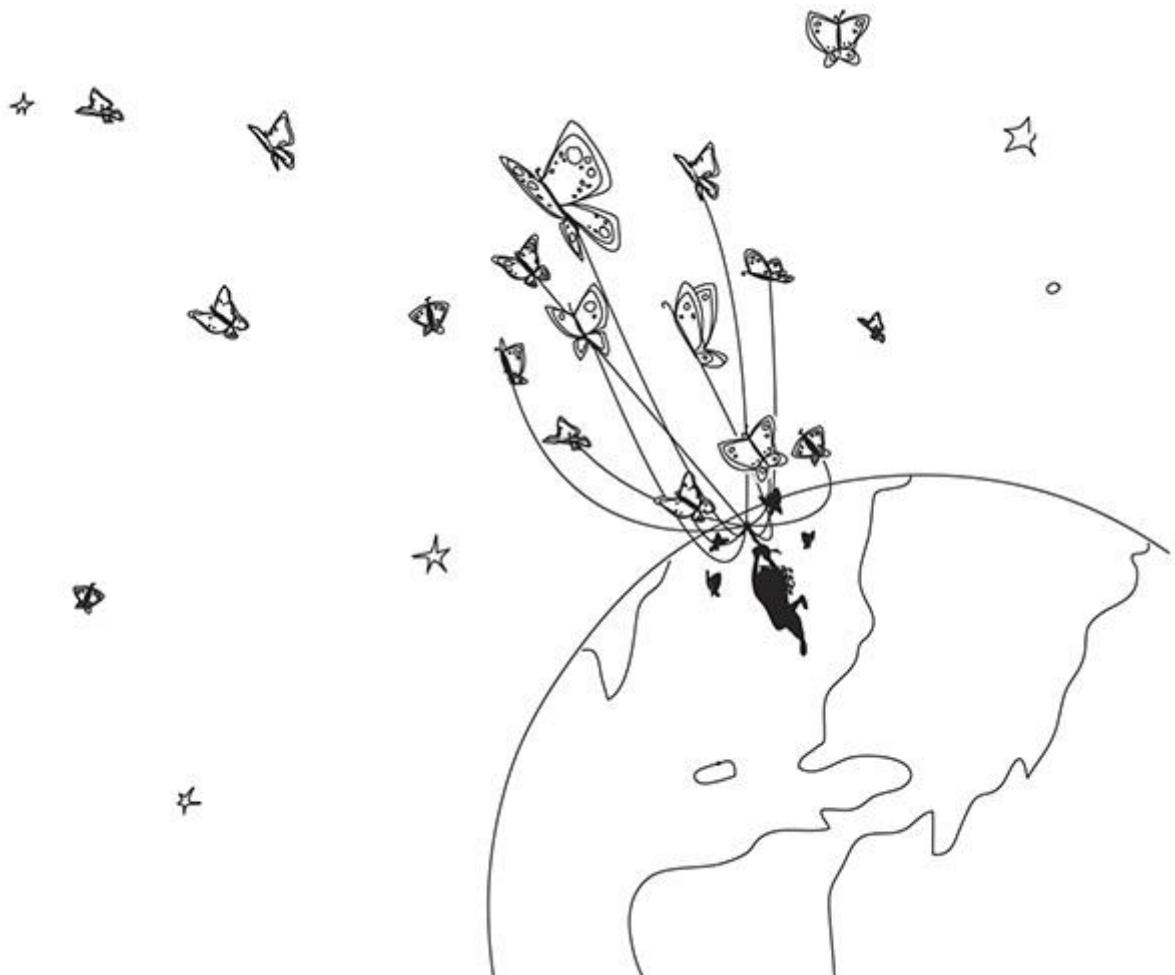
Он сжимает мою руку, мои губы размыкаются, и мы пробуем друг друга. На вкус он как соленая карамель и солнечный свет. Или мне кажется, именно такими должны быть на вкус соленая карамель и солнечный свет. На вкус он такой, чего я никогда не испытывала, как надежда, возможность и будущее.

В этот раз я отодвигаюсь первой, но только потому, что мне нужен воздух. Если бы могла, то целовала бы его каждую секунду каждого дня на протяжении жизни.

Он прислоняется лбом к моему. Его дыхание теплое на моем носу и щеках. И слегка сладкое. Из-за этой сладости хочется больше.

- Всегда так? - спрашиваю я, задыхаясь.

- Нет, - говорит он. - *Совсем* не так. - Я слышу удивление в его голосе. И просто так все меняется.

ЧЕСТНОСТЬ

Позже, 20:03

Олли: никакого вечера кино с мамой?

Мадлен: Отменила его. Карла расстроится.

Олли: почему?

Мадлен: Я обещала ей, что буду проводить больше времени с мамой.

Олли: я навожу беспорядок в твоей жизни

Мадлен: Нет, пожалуйста, не думай так.

Олли: то что мы делали сегодня сумасшествие

Мадлен: Я знаю.

Олли: о чём мы думали?

Мадлен: Я не знаю.

Олли: может стоит сделать перерыв?

Мадлен: ...

Олли: извини, я пытаюсь защитить тебя

Мадлен: Что, если мне не нужна защита?

Олли: что это значит?

Мадлен: Я не знаю.

Олли: мне нужно чтобы ты была в безопасности. не хочу тебя терять

Мадлен: Да я едва есть у тебя!

Мадлен: Ты жалеешь?

Олли: о чём? о поцелуе?

Олли: честно?

Мадлен: Конечно.

Олли: нет

Олли: ты жалеешь?

Мадлен: Нет.

УЛИЦА

Вселенная и мое подсознание, пожалуй, восстают против меня. Мы с мамой в комнате играем в Скрэбл. На данный момент в сегодняшней игре я составила из фишек УЛИЦА, СВАБОДА и СИКРЕТЫ. Благодаря последнему получаю дополнительные очки за то, что использовала все семь букв. Мама хмуро смотрит на доску, и я думаю, она опротестует мое слово, но она молчит. Она подсчитывает счет и, впервые за вечность, я выигрываю. Я впереди нее на семь очков.

Смотрю на счет, а потом на нее.

- Ты уверена, что посчитала правильно? - спрашиваю я. Мне не хочется ко всему прочему выиграть у нее.

Пересчитываю и понимаю, что она права.

Ощущаю ее взгляд на моем лице, но продолжаю смотреть на счетную карточку. Она весь вечер была внимательной, будто я головоломка, которую нужно решить. Или, может, я стала пааноиком. Может, все дело в вине, которую я чувствую за то, что была такой эгоистичной, за то, что даже сейчас мне хотелось быть с Олли. Каждый раз, когда была с ним, я узнавала что-то новое. Я стала кем-то новым.

Она берет из моих рук счетную карточку и приподнимает мой подбородок, чтобы увидеть мои глаза.

- Что происходит, милая?

Я уже собираюсь солгать ей, как снаружи доносится внезапный пронзительный крик. За ним следует еще один, а затем отдаленные вопли и громкий хлопок. Мы обе поворачиваемся, чтобы посмотреть на окно. Я начинаю подниматься, но мама нажимает на мое плечо и качает головой. Я позволяю ей удержать меня, но из-за еще одного крика "ПРЕКРАТИ" мы обе торопимся к окну.

Их трое - Олли, его мама и папа, стоят на крыльце. Их тела образуют треугольник страдания, страха и злости. Олли занимает стойку борца - кулаки сжаты, ноги расставлены широко иочно. Даже отсюда я могу увидеть его вены, вздувшиеся на поверхности его рук и лица. Его мама делает шаг к Олли, но он что-то говорит ей, и она отступает.

Между Олли и его отцом происходит дуэль взглядов. Его папа держит напиток в правой руке. Он не отводит взгляда от Олли, поднимает стакан и допивает глубокими глотками. Протягивает пустой стакан маме Олли, чтобы она его взяла. Она начинает двигаться, но опять же Олли говорит ей что-то, чтобы остановить. Тогда его папа поворачивается к ней, его рука все еще неподвижно удерживает стакан. На мгновение я думаю, что она, может быть, не пойдет к нему.

Но ее неповиновение заканчивается. Она делает к нему шаг. Он хватает ее, злобно и угрожающе. Но Олли сразу оказывается прямо между ними. Он откидывает руку папы и отталкивает маму в сторону.

Его папа, сейчас даже еще злее, снова делает выпад. Олли отталкивает его. Он врезается в стену, но не падает.

Олли начинает слегка танцевать на ногах, потряхивая руками и кулаками, как боксер на ринге. Он пытается отвести внимание отца от мамы. Это срабатывает. Его папа первым наносит удар. Олли уклоняется вправо, а потом влево. Он спрыгивает со ступеней крыльца, как только его папа снова замахивается. Его папа промахивается, и инерция скидывает его по ступеням. Он неуклюже приземляется на бетонную подъездную дорожку и не двигается.

Олли стоит спокойно. Его мама прикрывает рот обеими руками. Моя мама обвивает меня рукой за плечи. Я прижимаюсь лбом к стеклу и хватаюсь за подоконник. Все наши взгляды направлены на его отца. Момент растягивается. Каждая секунда, когда он не двигается - ужасное облегчение.

Его мама ломается первой. Она торопится вниз по ступеням, припадает к земле рядом с ним и проводит рукой по спине. Олли показывает ей отойти, но она его

игнорирует. Она склоняется ближе, а его папа валится назад на спину. Он хватает ее за запястье своими большими, безжалостными руками. С триумфом на лице он поднимает ее руку вверх, будто это трофеи, который он выиграл. Он тянется, чтобы встать, и тянет ее за собой.

И снова Олли бежит, чтобы встать между ними, но в этот раз его папа готов. Быстрее, чем я даже видела его в движении, он отпускает руку мамы Олли, хватает его за воротник футболки и ударяет в живот.

Его мама кричит. И я тоже кричу. Он снова его ударяет.

Я не вижу, что происходит потом, потому что отталкиваюсь от мамы и бегу. Я не думаю - просто двигаюсь. Вылетаю из комнаты и бегу по коридору. Пробегаю тамбур и вмиг оказываюсь на улице.

Я не знаю, куда бегу, но должна до него добраться.

Я не знаю, что делаю, но должна защитить его.

Я бегу на скорости по траве к краю лужайки, находящейся в непосредственной близости с домом Олли. Его папа снова замахивается, когда я кричу: "СТОЙТЕ!"

Они оба моментально замирают на месте и шокировано смотрят на меня. Алкоголь берет свое, и его папа, пошатываясь, поднимается по ступенькам и заходит в дом. Его мама следует за ним.

Олли сгибается, держась за живот.

- Ты в порядке? - спрашиваю я.

Он смотрит на меня, выражение его лица трансформируется из боли в замешательство, а потом в страх.

- Иди. Возвращайся, - говорит он.

Моя мама хватает меня за руку и пытается меня оттащить. Я едва осознаю, что у нее истерика. Она сильнее, чем я думала, но моя нужда увидеть Олли сильнее.

- Ты в порядке? - выкрикиваю я снова, не двигаясь.

Он медленно и осторожно выпрямляется, будто что-то болит, но боль не отражается на его лице.

- Мэдс, я в порядке. Возвращайся. Пожалуйста. - Весь вес наших чувств друг к другу повисает между нами.

- Я обещаю, что в порядке, - снова говорит он, и я позволяю оттащить меня.

Мы возвращаемся в тамбур до того, как я начинаю осознавать, что наделала. Я и правда только что выбежала на улицу? Рука моей мамы как тиски на моем предплечье. Она заставляет меня посмотреть на нее.

- Я не понимаю, - говорит она, ее голос пронзительный и озадаченный. - Почему ты так поступила?

- Я в порядке, - говорю я, отвечая на вопрос, который она не задавала. - Я была там всего минуту. Менее минуты.

Она убирает свою руку и поднимает мой подбородок.

- Зачем рисковать своей жизнью ради совершенного незнакомца?

Я не достаточно искусная лгунья, чтобы прятать свои чувства от нее. Олли пробрался мне под кожу.

Она видит правду.

- Он не незнакомец, верно?

- Мы просто друзья. Друзья в сети, - говорю я. Замолкаю. - Извини. Я не думала. Мне просто хотелось убедиться, что он в порядке.

Я потираю руками предплечья. Мое сердце бьется так быстро, что ему больно. Чудовищность того, что я наделала, захлестывает меня, и я дрожу.

Моя внезапная дрожь устраниет вопросы от мамы, и она включает режим доктора.

- Ты чего-нибудь касалась? - спрашивает она, снова и снова.

Я отвечаю отрицательно, снова и снова.

- Я должна выбросить твою одежду, - говорит она, после того, как я приняла душ, на котором она настаивала. Она не смотрит на меня, когда говорит: - И следующие несколько дней нам стоит быть очень осторожными, чтобы убедиться, что ничто...

Она замолкает, не может произнести слова.

- Я была там менее минуты, - говорю я в наших же интересах.

- Иногда хватает и минуты. - Ее голос звучит так, будто ее здесь нет.

- Мам, мне жаль...

Она поднимает руку и качает головой.

- Как ты могла? - спрашивает он, наконец встречаясь со мной взглядом.

Я не уверена, спрашивает ли она о том, что я вышла на улицу, или что лгала. На эти два вопроса у меня нет ответа.

Как только она уходит, я иду к окну в поисках Олли, но не вижу его. Он, возможно, на крыше. Я иду в кровать.

Я и правда была на улице? Как пах воздух? Был ли ветер? Мои ноги касались земли? Я дотрагиваюсь до кожи на руках, на лице. Она изменилась? А я?

Всю свою жизнь я мечтала оказаться снаружи. И теперь, когда это произошло, я ничего не помню. Только вид Олли, согнувшегося от боли. Только его голос, твердящий мне вернуться.

ТРЕТЬЯ МЭДДИ

Я практически уже сплю, когда открывается моя дверь. Мама застывает в дверном проеме, и я держу глаза закрытыми, притворяясь спящей. Она все равно заходит и садится на кровать возле меня.

Долго время она не двигается. Затем наклоняется, и я уверена, что она собирается поцеловать меня в лоб, потому что делала так, когда я была маленькой, но я откатываюсь от нее, все еще симулируя сон.

Не знаю, почему так делаю. Кто эта новая Мэдди, такая жестокая безо всяких причин? Она встает, и я жду, когда закроется дверь, и только потом открываю глаза.

На моей прикроватном столике лежит черная резинка.

Она знает.

ЖИЗНЬ – ЭТО ПОДАРОК

На следующее утро я просыпаюсь от криков. Сначала думаю, что это снова семья Олли, но крики доносятся очень близко. Это моя мама. Я никогда не слышала прежде, чтобы она повышала голос.

- Как ты могла так поступить? Как ты могла впустить незнакомца?

Не могу услышать ответ Карлы. Тихо открываю дверь спальни и на цыпочках выхожу на лестничный пролет. Карла стоит у основания лестницы. Моя мама всячески меньше ее, но это незаметно из-за того, как Карла уменьшается из-за ее криков.

Я не могу позволить, чтобы Карлу обвиняли в этом. Несусь вниз по лестнице.

- Что-то случилось? Она болеет? - Карла ловит меня за руку, поглаживает по лицу, ее взгляд сканирует мое тело в поисках признаков опасности.

- Она выходила на улицу. Из-за него. Из-за *тебя*. - Мама поворачивается ко мне лицом. - Она поставила свою жизнь под угрозу и неделями лгала мне.

Она поворачивается к Карле.

- Ты уволена.

- Нет, пожалуйста, мама. Это не ее вина.

Она прерывает меня рукой.

- Не только ее вина, ты имеешь в виду. Это и твоя вина.

- Извини, - говорю я, но никакого эффекта.

- И ты меня извини. Карла, собери вещи и уходи.

Теперь я в отчаянии. Не могу представить свою жизнь без Карлы в ней.

- Пожалуйста, мама, пожалуйста. Это не повторится.

- Конечно, не повторится. - Она произносит это с абсолютной уверенностью.

Карла молча начинает подниматься по лестнице.

Следующие полчаса мы с мамой наблюдаем, как Карла собирается. Почти во всех комнатах у нее разбросаны очки для чтения, ручки и планшеты.

Я не утруждаюсь вытереть слезы, потому что они продолжают течь. Мама держится более стойко, чем я когда-либо видела. Когда мы, наконец, добираемся до моей комнаты, я отдаю Карле свою копию "Цветов для Элджернона". Она смотрит на меня и улыбается.

- Разве я не буду плакать из-за этой книги? - спрашивает она.

- Возможно.

Она прижимает книгу к своему животу, держит ее там и не отводит от меня взгляд.

- Теперь ты храбрая, Мадлен. - Я бегу в ее объятия. Она бросает сумку медсестры и книгу и крепко меня обнимает.

- Мне так жаль, - шепчу я.

Она сжимает меня крепче.

- Это не твоя вина. Жизнь это подарок. Не трать ее попусту. - Ее голос резок.

- Ну все, достаточно, - сердито произносит мама со входа в комнату. Ее терпение закончилось. - Я знаю, что вам обеим очень грустно. Верите вы мне или нет, но и мне тоже грустно. Но настало время уходить. Сейчас.

Карла отпускает меня.

- Будь храброй. Помни, жизнь это подарок. - Она поднимает сумку медсестры.

Мы вместе идем вниз. Мама протягивает ей расчет, и она уходит.

СЛОВАРЬ МАДЛЕН

Асимптота (а-с'и-мпто-та) - сущ. ед.ч. 1. Желание, вечно близящееся к исполнению, но никогда не сбывающееся. [2015, Уиттер]

ЗЕРКАЛЬНОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Я откидываю занавески в сторону, как только возвращаюсь в комнату. Олли стоит у окна, его лоб прижат к кулаку, а кулак прижат к стеклу. Как долго он ждет? Через секунду он понимает, что я здесь, но для меня достаточно этой секунды, чтобы увидеть его страх. Очевидно, моя функция в жизни - пронизывать страхом сердца тех, кто любит меня.

Не то чтобы Олли любит меня.

Его взгляд скользит по моему телу, лицу. Он руками показывает, что печатает, но я качаю головой. Он хмурится, снова показывает, но я еще раз качаю головой. Он исчезает и возвращается с маркером.

ТИ В ПОРДКЕ?

Я киваю.

А ты? - губами произношу я.

АД. СИЛШЕМС?

Я качаю головой.

КАЗАНА?

Киваю.

ИНКАКО НИТЕРПЕТА?

Киваю.

ОПЛОДАН

Я пожимаю плечами.

ВЕРПА, АНЕПБР?

Изображаю превосходное здоровье, беспокойство, сожаление и огромное ощущение утраты - все одним кивком.

Мы безмолвно смотрим друг на друга.

ПОСЦН?

Я качаю головой. Этот жест говорит ему: *Нет, не извиняйся. Это не твоя вина. Это не ты. Это жизнь.*

ИЗМЕНЕНИЯ В РАСПИСАНИИ

вск	нч	вт	ср	чт	пт	сб
Мама дома			собесе- дование с медсе- стрии	дование страши	Пятышный умиши, крок-месье	Собесе- дование с медсе- стрии
Собесе- дование с медсе- стрии	Первый день медсе- стрии Приштерт				Пятышный умиши, луковичный сун	☐

заметки

БОЛЬШЕЕ

Мама безмолвно наклоняется, чтобы собрать карточки с рисунками после нашей игры в Почетную Угадайку, и складывает их в аккуратную стопку. Она хранит самые лучшие рисунки (здесь имеются в виду, как и очень хорошие, так и очень плохие) с каждой нашей игры. Иногда мы с ностальгией просматриваем нашу коллекцию - именно так другие семьи просматривают старые фотографии. Ее пальцы задерживаются над практически неудачным рисунком какого-то создания с рогами, парящего над кругом с отверстиями.

Она поднимает рисунок, чтобы я его увидела.

- Как ты придумала для этого стишок? - Она с трудом фыркает, пытаясь сделать первый шаг.

- Я не знаю, - говорю я и смеюсь, желая помочь ей. - Ты ужасно рисуешь.

Предполагалось, что создание это корова, а круг - луна. По правде говоря, я догадалась наобум, учитывая то, насколько ужасным был ее рисунок.

Она на мгновение перестает складывать стопку и присаживается на корточки.

- Я правда очень хорошо провела с тобой время на этой неделе, - говорит она.

Я киваю, но ничего не говорю в ответ. Ее улыбка испаряется. Теперь, когда мы с Олли не можем встречаться или разговаривать, мы с мамой проводим больше времени вместе. Это единственное, что вышло хорошо из этой неразберихи.

Тянусь и беру ее за руку, сжимая.

- Я тоже.

Она снова улыбается, но теперь ее улыбка не такая полноценная.

- Я наняла медсестру.

Я киваю. Она предложила мне собеседовать потенциальную замену Карлы, но я отказалась. Неважно, кого она найдет. Никто не сможет заменить Карлу.

- Завтра я должна вернуться на работу.

- Я знаю.

- Мне не хотелось бы оставлять тебя.

- Я буду в порядке.

Она поправляет и так идеальную стопку рисунков.

- Ты понимаешь, почему мне приходится это делать? - Она не только уволила Карлу, но еще и лишила меня интернета и отменила личный урок архитектуры с мистером Ватерманом.

Большую часть недели мы избегали разговоров. О моей лжи. О Карле. Она взяла недельный отпуск на работе и ухаживала за мной в отсутствие Карлы. Она снимала мои жизненные показатели не каждые два часа, а каждый час, и расслаблялась каждый раз, как показатели были в норме.

К четвертому дню опасность миновала. Нам повезло, как сказала она.

- О чём думаешь? - спрашивает она.

- Я скучаю по Карле.

- Я тоже, но я была бы плохой мамой, если бы позволила ей остаться. Ты понимаешь? Она подвергла твою жизнь опасности.

- Она была моим другом, - говорю я тихо.

Злость, которой я ждала от нее всю неделю, наконец дает вспышку.

- Но она была не только твоим другом. Она была твоей медсестрой. Она должна была беречь тебя. Она не должна была подвергать твою жизнь опасности или знакомить тебя с парнем, который разобьет твое сердце. Друзья не дают ложной надежды.

Должно быть, я выгляжу такой же пораженной, какой чувствую себя, потому что она внезапно замолкает и вытирает ладони о бедра.

- Ох, детка. Мне так жаль.

И вот тут до меня внезапно доходит. Карла правда ушла. Ее не будет здесь завтра, когда мама уйдет на работу. Вместо нее будет кто-то новый. Карла ушла, и это моя вина. И Олли тоже ушел. У меня даже не было шанса на поцелуй номер два. Я ахаю от этой приносящей боль мысли, от конца чего-то, что едва началось.

Уверена, мама, наконец, позволит мне выйти в интернет, и мы сможем снова переписываться, но этого будет недостаточно. Если быть честной, то я признаюсь, что этого никогда не было достаточно.

Я никогда не дойду до конца во всем, чего хотела с ним.

Она прижимает руку к своему сердцу. Я знаю, мы чувствуем одну и ту же боль.

- Расскажи мне о нем, - говорит она.

Я так давно хотела рассказать ей о нем, но сейчас не знаю, с чего начать. Мое сердце заполнено им. Поэтому я начинаю с самого начала. Рассказываю ей о том, как увидела его впервые, о том, как он двигается - легко, плавно и уверенно. Рассказываю о его глазах цвета океана и о мозолистых пальцах. Рассказываю, что он менее циничен, чем думает о себе. О его ужасном папе, о его сомнительном выборе одежды.

Я рассказываю ей, что он думает, будто я веселая, умная и красивая в указанном порядке, и этот порядок имеет значение. Рассказываю все, что хотела ей рассказать неделями. Она слушает, держит меня за руку и плачет вместе со мной.

- Кажется, он потрясающий. Я вижу, почему ты так думаешь.

- Он такой.

- Мне жаль, что ты болеешь.

- Это не твоя вина.

- Я знаю, но мне бы хотелось дать тебе больше.

- Можешь вернуть мне интернет? - Я должна попытаться.

Она качает головой.

- Попроси меня что-нибудь другое, милая.

- Пожалуйста, мама.

- Так лучше всего. Мне не хочется, чтобы тебе разбили сердце.

- Любовь не может меня убить, - говорю я, повторяя слова Карлы.

- Это не правда, - говорит она. - Кто тебе такое сказал?

ЗЛАЯ МЕДСЕСТРА

Моя новая медсестра - неулыбающийся деспот со степенью в медсестринском деле. Ее зовут Джанет Притчет.

- Ты можешь называть меня *медсестра* Джанет, - говорит он. Ее голос неестественно высок, как сигнализация.

Она подчеркивает слово "*медсестра*", и я понимаю, что называть ее просто Джанет не получится. Ее рукопожатие очень крепкое, будто она больше привыкла крутить вещи, чем заботиться о них.

Возможно, мое мнение о ней предвзято.

Все, что я вижу, когда смотрю на нее, так это что она так не похожа на Карлу. Она худая там, где Карла была полной. Ее речь не испещрена испанскими словечками. У нее совсем нет акцента. По сравнению с Карлой она наименеешее.

К вечеру я решаю поменять свое отношение, но именно тогда на моем ноутбуке появляется первая приклеенная записка.

Мама позволила доступ в интернет, но только во время учебы. Она говорит, что я должна пользоваться им только для школьных занятий, но я уверена, что это связано с тем, что Олли начал учиться, и приходит домой после 15 часов.

Проверяю время. 14:30. Решаю не менять свое отношение. Медсестра Джанет могла хотя бы дать мне шанс нарушить правило, прежде чем предполагать, что я нарушитель правил.

Следующий день не лучше:

ежедневные предписания

Медсестры Притчерт

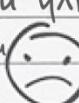
не забывай

Нынче вредно!

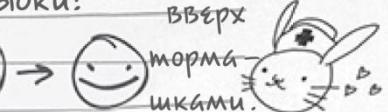
заметки:

Жду от тебя ежедневно
по три улыбки!

Переверни
это

вверх
тормозами.

Прошла неделя, и я бросила всякую надежду на то, что она могла войти в мое положение. Ее миссия ясна - следить, ограничивать и контролировать.

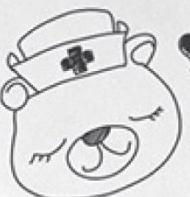
Мы с Олли установили новый ритм. Обмениваемся по скайпу в течение дня между моими уроками короткими сообщениями. В три часа дня Злая Медсестра выключает роутер, и наше общение заканчивается. Вечером, после обеда и совместного времяпрепровождения с мамой, мы с Олли смотрим друг на друга в окно.

Я умоляю маму изменить правило, но она непреклонна. Говорит, что это для моей защиты.

На следующий день Злая Медсестра находит еще одну причину оставить мне записку:

ежедневные предписания

Медсестры Притчерт

не забывай

Жизнь это подарок.
Не трати ее
попусту.

заметки:

Съешь все кусочки яблока!

Я смотрю на записку, вспоминая, что Карла сказала мне то же самое, когда уходила: Жизнь это подарок. Проживаю ли я ее впустую?

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА СОСЕДЯМИ №2

Расписание Олли:

06:55 - Стоит у окна. Пишет **УОБРОЕ ВТРО** на стекле.
07:20 - Ждет, когда Кара докурит.
07:25 - Уезжает в школу.
15:45 - Возвращается домой со школы.

15:50 - Стоит у окна. Стирает **УПНБЕТ** и **ЧТОКОНОН НОН, МЭЛЛИ** на стекле.
21:05 - Стоит у окна. Пишет несколько вопросов.
22:00 - Пишет **ЧТОКОНОН НОН, МЭЛЛИ** на стекле.

Расписание Мэдди:

06:50 - Ждет, когда Олли появится у окна.
06:55 - Испытывает радость.
07:25 - Впадает в отчаяние.
08:00-15:00 - Игнорирует Злую Медсестру. Учится. Делает домашнюю работу.
Читает. Машинально проверяет сообщения. Снова читает.
15:40 - Наблюдает, как подъезжает машина Олли.
15:50 - Испытывает радость.
16:00 - Снова домашняя работа. Снова читает.
16:00-21:00 - Ужин/общение с мамой.
21:01 - Ждет, когда Олли появится у окна.
21:05 - Испытывает радость. Отвечает жестами на вопросы.
22:01 - Впадает в отчаяние, продолжение следует.

СТАРШАЯ ШКОЛА

Олли вернулся в школу, и наше общение стало еще более ограниченным. Он пишет, когда может - между уроками или, иногда, прямо на уроке. В течение первой недели он изо всех сил пытается, чтобы я чувствовала, будто нахожусь там с ним. Он отправляет фотографии своего шкафчика (№23), расписания занятий, библиотеки и библиотекаря, которая выглядит именно так, какой я себе и представляла библиотекаря старшей школы - педантичной и изумительной. Он отправляет мне фотографии контрольных по математике с урока математики, список обязательной литературы для урока английского, фотографии бутылочек со шкалой и чашек Петри с уроков биологии и химии.

Я провожу неделю – кажется то, что я его не вижу, чего-то мне стоит, - занимаясь обычными вещами: читаю, учу, не умираю. Добавляю к его списку литературы названия нескольких книг: "Повесть о двух поцелуях", "Поцеловать пересмешника", "Когда я целовала"⁴. И так далее.

Мы со Злой Медсестрой погружаемся в скучую рутину, в которой я притворяюсь, что ее не существует, а она оставляет еще больше противных записок, чтобы я знала, что она существует.

Но дело не только в том, что я по нему скучаю. Я завидую его жизни, его миру, который простирается за его входной дверью.

Он говорит, что старшая школа - утопия, но меня не убедишь. Как еще назвать место, которое существует исключительно для того, чтобы обучать тебя миру? Как назвать место с друзьями, учителями, библиотекарями, книжным клубом, математическим клубом, клубом дебатов или любым другим клубом, с внеклассной деятельностью и бесконечными возможностями?

К третьей неделе становится труднее удерживать наши отношения в этой новой форме. Я скучаю по разговорам с ним. Можно только изъясняться жестами. Я скучаю по тому времени, когда он находился со мной в одной комнате, по его физическому присутствию. Я скучаю по тому, как мое тело осознавало его. Я скучаю по тому, что хочу познать его. Я скучаю по тому, что хочу познать Мэдди, ту, которая с ним.

Все так и продолжается, пока, наконец, не происходит неизбежное.

Я стою у окна, когда подъезжает его машина. Жду, когда он выйдет, чтобы как обычно помахать, но он вылезает не первым.

С заднего сидения вылезает девушка, и она не Кара.

Может, она подруга Кары.

Но затем Кара вылетает из машины и идет в дом, оставляя наедине Олли и Загадочную Девушку. Загадочная Девушка смеется над тем, что говорит Олли. Она поворачивается, кладет руку на его плечо и улыбается ему так, как улыбалась ему я.

Сначала я в шоке, не верю своим глазам. Она трогает моего Олли? Желудок сжимается. Огромная рука сжала меня вокруг живота. Мои органы изменили место нахождения, и я чувствую себя неправильно внутри своей собственной кожи.

Отпускаю занавеску и уклоняюсь от окна. Чувствую себя Любопытным Томом⁵.

Слова мамы всплывают в голове. *Мне не хочется, чтобы тебе разбили сердце*. Она знала, что случится. Всегда будет кто-то другой. Кто-то, кто не болеет. Кто-то, кто может выйти из дома. Кто-то, с кем он может поговорить, кого может коснуться, поцеловать и все остальное.

Я сдерживаю порыв вернуться к окну и осмотреть свою конкурентку. Но если кто-то не может даже появиться на соревновании, то это не соревнование. И неважно, как она выглядит. Неважно, длинные у нее ноги или короткие. Неважно, бледная она или

⁴ Мадлен переделала названия популярных книг, таких как "Повесть о двух городах", "Убить пересмешника", "Когда я умирала"

⁵ Триллер 1960-го года

загорелая, черные у нее волосы или каштановые, рыжие, светлые. Неважно, симпатичная она или нет.

Важно то, что она чувствует солнце на своей коже. Она дышит неочищенным воздухом. Важно то, что она живет с Олли в одном мире, а я нет. И никогда не буду жить.

Выглядываю еще раз. Ее рука все еще лежит на его плече, и она все еще смеется. Он хмуро смотрит на мое окно, но я уверена, что меня он не видит. Он все равно машет, но я снова уклоняюсь, притворяясь, что меня здесь нет.

АЛОХА ЗНАЧИТ ПРИВЕТ И ПОКА, ЧАСТЬ 1

Я отменила еще один вечер с мамой, поэтому она заглядывает ко мне в комнату.

- Итак, - говорит она.

- Извини, что отменила, мам. Просто чувствую себя не очень.

Она сразу прижимает руку к моему лбу.

- Ментально, а не физически, - объясняю я. Не могу выбросить из головы руку Загадочной Девушки на плече у Олли.

Она кивает, но не убирает ладонь, пока не убеждается, что жара у меня нет.

- Итак, - говорю я, подсказывая ей. Мне очень хочется оставаться одной.

- Когда-то и я была подростком. И единственным ребенком. Я была очень одинокой. Я поняла, что быть подростком больно.

Вот почему она здесь? Потому что думает, что мне одиноко? Потому что думает, что у меня своего рода подростковая *тоска*?

- Я не одинока, мам, - сердито произношу я. - Я одна. Это разные вещи.

Она морщится, но не отступает. Вместо этого, она опускает руку и гладит меня по щеке, пока я не начинаю смотреть ей в глаза.

- Я знаю, детка. - Ее руки снова за ее спиной. - Может, сейчас не хорошее для этого время. Хочешь, чтобы я ушла?

Она всегда такая здравомыслящая и понимающая. Сложно злиться на нее.

- Нет, все в порядке. Извини. Останься. - Я подтягиваю ноги, освобождая ей место.

- Что ты прячешь? - спрашиваю я.

- Я принесла тебе подарок. Думала, так ты будешь чувствовать себя менее одинокой, но теперь я не уверена.

Она вытаскивает из-за спины фотографию в рамочке. Мое сердце сжимается в груди. Это старая фотография нас четырех - меня, моей мамы, папы и брата, - на которой мы стоим на пляже где-то в тропиках. Солнце село позади нас, и тот, кто нас фотографировал, должно быть, включил вспышку, потому что наши лица на темнеющей небе кажутся яркими, практически сияющими.

Мой брат одной рукой держится за папу, а другой подпирает маленького коричневого плюшевого зайку. Большой частью он является собой миниатюрную версию мамы - те же самые прямые черные волосы и темные глаза. Единственным отличием является папина темная кожа. Папа одет в рубашку с принтом Алоха и шорты. Аляповатый, именно так я могу его описать. И все равно он красивый. Его рука лежит на мамином плече, и он, кажется, придвигает ее ближе. Он смотрит прямо в камеру. Если и был кто-то, у кого было все, то это мой папа.

Мама одета в красное платье без лямок с узорами в виде цветов. Ее влажные волосы завиваются вокруг лица. На ней нет макияжа или драгоценностей. Она выглядит альтернативной версией мамы, которая сидит рядом со мной. Кажется, она принадлежит этому пляжу и этим людям больше, чем принадлежит этой комнате, в которой застряла со мной. Она держит меня на руках и единственная не смотрит в камеру. Вместо этого она смеется надо мной. Я улыбаюсь так глупо, такой беззубой улыбкой, которой могут улыбаться только дети.

Я не видела ни одной фотографии с собой на улице. Я даже не знала, что такие есть.

- Где это? - спрашиваю я.

- Гавайи. Мауи был любимым местом твоего папы.

Сейчас ее голос практически стал шепотом.

- Тебе было всего четыре месяца, а потом мы поняли, почему ты всегда болела. Это было за месяц до аварии.

Я прижимаю фотографию к груди. Мамины глаза заполняются слезами, которые не падают.

- Я люблю тебя, - говорит она. - Больше, чем ты знаешь.

Но я знаю. Я всегда чувствовала, как ее сердце тянется защитить меня. Я слышу колыбельную. Все еще могу почувствовать руки, убаюкивающие меня, и ее поцелуй в щеки по утрам. И я люблю ее в ответ. Не могу представить себе мир, который она бросила ради меня.

Не знаю, что сказать, поэтому говорю, что тоже ее люблю. Этого недостаточно, но и так сойдет.

После того, как она уходит, я стою перед зеркалом и прикладываю фотографию к лицу. Смотрю на себя на фотографии, потом на себя в зеркале и обратно.

Эта фотография своего рода машина времени. Моя комната исчезает, и я на пляже, окружена любовью, соленым воздухом, увядающим теплом и удлиняющимися тенями заката.

Я заполняю свои крохотные легкие таким количеством воздуха, которое могу вдохнуть, и задерживаю дыхание. И с тех пор я его задерживала.

ПОЗЖЕ, 21:08

Олли уже ждет меня, когда я подхожу к окну. Большими жирными буквами он пишет:

НДДЕМ ПРОН ЙОНЙОКОПС

Я жестами показываю совершенное отсутствие у себя ревности.

А РОЗА УПАЛА НА ЛАПУ АЗОРА

Иногда я перечитываю свои любимые книги с конца до начала. Начинаю с последней главы и читаю задом наперед, пока не добираюсь до начала. Когда читаешь таким образом, герои переходят от надежды к отчаянию, от самопознания к сомнению. В любовных романах пары начинают, как любовники, и заканчивают, как незнакомцы. Книги о взрослении становятся историями об уклонении от курса. Ваши любимые герои возвращаются к жизни.

Если бы моя жизнь была книгой, и вы читали бы ее задом наперед, ничего не изменилось бы. Завтра будет все то же самое, что и сегодня. В «Книге про Мэдди» все главы одинаковые.

Так было до Олли.

До него моя жизнь была палиндромом⁶ - одно и то же что вперед, что назад, например: "А роза упала на лапу Азора" или "Я иду с мечем судия". Но Олли как случайная буква, большая жирная X, застрявшая посреди слова или фразы, которая разрушает ряд..

А сейчас в моей жизни больше нет смысла. Как бы мне хотелось не встречать его. Как я должна вернуться к своей прошлой жизни, когда дни тянутся с нескончаемым и отвратительным сходством? Как я должна снова стать Девушкой Которая Читает? Не потому, что я искупаю свою неудовлетворенность книгами. Все, что я знаю о мире, я узнала из книг. Но описание дерева это не дерево, а тысяча бумажных поцелуев никогда не сравнятся с ощущением губ Олли на моих.

⁶ Палиндром - число (например, 404), буквосочетание, слово (например, топот, фин. saippuakivikauppias[⇒] = продавец мыла (или торговец щёлоком) — самое длинное употребительное слово-палиндром в мире) или текст (а роза упала на лапу Азора), одинаково читающееся в обоих направлениях. Иногда палиндромом называют любой симметричный относительно своей середины набор символов

СТЕКЛЯННАЯ СТЕНА

Через неделю что-то внезапно меня будит. Я сажусь. Моя голова в тумане ото сна, но сердце проснулось и колотится. Оно знает то, что моя голова еще не знает.

Смотрю на часы. 03:01. Занавески закрыты, но я могу видеть сияние света из комнаты Олли. Тащу себя к окну и откидываю занавески. Весь его дом светится от света. Даже на крыльце включен свет. Мое сердце ускоряется.

Ох, нет. Они снова ссорятся?

Хлопает дверь. Этот звук слабый, но безошибочный. Я собираю занавеску в кулак и жду, желая, чтобы показался Олли. Долго ждать не приходится, потому что он вываливается на крыльцо так, будто его ударили.

Порыв пойти к нему наполняет меня, как и в прошлый раз. Мне хочется к нему выйти. Мне нужно к нему пойти, успокоить его, защитить.

Он восстанавливает равновесие с обычной скоростью и поворачивается лицом к двери, сжав кулаки. Я вместе с ним жду атаки, которой нет. Он долгую минуту остается в стойке борца, стоя лицом к двери. Никогда не видела его таким спокойным.

Проходит еще одна минута, и к нему присоединяется мама. Она пытается дотронуться до его руки, но он отстраняется и даже не смотрит на нее. Наконец она сдается. Как только она уходит, все напряжение покидает его тело. Он прижимает ладони к глазам, плечи начинают трястись. Он смотрит на мое окно. Я машу, но он не отвечает. И тогда я понимаю, что он не может увидеть меня из-за того, что мой свет выключен. Я бегу к выключателю. К тому времени, как возвращаюсь к окну, его уже нет.

Я прижимаюсь лбом, ладонями и предплечьями к стеклу.

Никогда мне так не хотелось выбраться из своей кожи.

НЕВИДИМЫЙ МИР

Иногда мир раскрывает себя. Я сижу одна на темнеющей террасе. Вечернее солнце устремляет трапеции света через стеклянное окно. Поднимаю голову и вижу частички пыли, кристально белые и светящиеся, парящие на свету.

Есть целые миры, которые существуют незамеченными для нас.

ПОЛУЖИЗНЬ

Странно осознавать, что хочешь умереть. Это не происходит внезапно, неожиданно. Это происходит медленно, как сдувающийся шарик, только наоборот.

Картинка того, как Олли плачет на крыльце, не покидает меня.

Я сосредоточенно изучаю фотографии, которые он прислал мне со школы. Представляю себя на каждой. Мэдди в библиотеке. Мэдди стоит рядом со шкафчиком Олли и ждет, когда они пойдут в класс. Мэдди - Самая Подходящая Девушка.

Я запоминаю каждый дюйм фотографии своей семьи, пытаясь угадать ее секреты. Восхищаюсь не болеющей Мэдди, маленькой Мэдди, чья жизнь простиралась перед ней с неограниченными возможностями.

С тех пор, как Олли вошел в мою жизнь, есть две Мэдди. Одна проживает жизнь в книгах и не хочет умирать, а вторая *живет* и предполагает, что смерть окажется маленькой ценой. Первая Мэдди удивляется направлению ее мыслей. А вторая Мэдди, та, которая с фотографии на Гавайях? Она как Бог - невосприимчива к холоду, голоду, болезни, природным и созданным руками человека бедствиям. Она невосприимчива к жестокому разочарованию.

Вторая Мэдди знает, что эта серая полужизнь не жизнь вовсе.

ПРОЩАЙ

Дорогая мама,

Первым делом хочу сказать, что я тебя люблю. Ты уже это знаешь, но, возможно, у меня не будет шанса снова сказать тебе это.

Итак. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя.

Ты умная, сильная, добрая и бескорыстная. Лучшей мамы мне не найти.

Ты не поймешь, что я тебе скажу. Я не знаю, понимаю ли сама это.

Благодаря тебе я жива, мам, и я очень, очень благодарна тебе за это. Благодаря тебе я жила так долго и получила шанс узнать малую часть мира. Но этого недостаточно. Это не твоя вина. Это вина невозможной жизни.

Я поступаю так не из-за Олли. Или, может, из-за него. Я не знаю, как это объяснить. Это одновременно из-за Олли и не из-за него. Я будто не могу больше смотреть на мир по-прежнему. Я нашла в себе эту новую сторону, когда встретила его, и эта сторона не знает, как оставаться тихой и спокойной и просто наблюдать.

Помнишь, когда мы вместе впервые читали "Маленького принца"? Я так расстроилась, что он умер в конце. Я не понимала, как он мог выбрать смерть, просто чтобы вернуться к своей розе.

Думаю, что теперь я понимаю. Он не выбирал смерть. Его роза была всей его жизнью. Без нее он не был живым.

Не знаю, мам. Я не знаю, что делаю, только знаю, что должна так сделать. Иногда мне хочется вернуться к тому, как было раньше, когда я ничего не знала. Но я не могу.

Мне жаль. Прости меня. Я тебя люблю.

- Мэдди.

ПЯТЬ ЧУВСТВ

СЛУХ

Панель сигнализации пытается объявить о моем побеге, издавая громкое *БИП* каждый раз, как я нажимаю цифру. Я могу только надеяться, что этот звук слишком неожиданный, и мамина спальня находится очень далеко от двери, чтобы его услышать.

Дверь со вздохом разгерметизируется.

Я на улице.

Мир такой тихий, что эта тишина гудит.

ОСЯЗАНИЕ

Металлическая ручка входной двери прохладная и гладкая, практически скользкая. Ее легко отпустить, что я и делаю.

ЗРЕНИЕ

Сейчас 4 часа утра, и слишком темно для детального осмотра. Мои глаза постигают только общее очертание предметов - неясные силуэты на фоне ночного неба. Большие деревья, деревья поменьше, ступеньки, сад, каменная дорожка, ведущая к воротам с оградой из штакетника по другую сторону. Ворота, ворота, ворота.

ОБОНИЯНИЕ

Я в саду Олли. Воздух полон запахов - цветы, земля, мой увеличивающийся страх. Я прячу эти запахи в своих легких и кидаю камушки в его окно, желая, чтобы он вышел.

ВКУС

Ошарашенный Олли стоит напротив меня. Я ничего не говорю, а просто прижимаюсь губами к его. Сначала он не двигается, весь такой неуверенный и неподатливый, но потом все меняется. Он внезапно крепко прижимает меня к себе. Одна его рука находится в моих волосах, а другая обвивает меня за талию.

На вкус он такой же, как я помню.

ДРУГИЕ МИРЫ

Мы приходим в себя.

Ну, Олли приходит в себя. Он отодвигается, хватает меня за плечи обеими руками.

- Что ты здесь делаешь? Ты в порядке? Что-то случилось? Твоя мама в порядке?

Я - показная храбрость.

- Я в порядке. Она в порядке. Я сбегаю.

Свет из его комнаты обеспечивает достаточно освещения, чтобы я могла увидеть замешательство в чертах его лица.

- Я не понимаю, - говорит он.

Делаю глубокий вдох, но на полпути замираю.

Ночной воздух холодный, влажный и совершенно непохожий на тот воздух, которым я когда-либо дышала.

Я пытаюсь *выдохнуть*, прогнать его из своих легких. Мои губы покалывает, и я испытываю головокружение. Это просто страх или что-то другое?

- Мэдди, Мэдди, - шепчет он мне в ухо. - Что ты наделала?

Я не могу ответить. Мое горло заблокировано, будто я проглотила камень.

- Страйся не дышать, - говорит он и начинает вести меня обратно к моему дому.

На секунду, а может и на две, я позволяю ему это делать, но затем перестаю двигаться.

- Что такое? Ты можешь идти? Хочешь, я тебя понесу?

Я качаю головой и тяну руку из его руки.

Делаю глоток ночного воздуха.

- Я сказала, что сбегаю.

Он издает звук, похожий на ворчание.

- О чем ты говоришь? Ты хочешь умереть?

- Наоборот, - говорю я. - Ты мне поможешь?

- С чем?

- У меня нет машины. Я не знаю, как водить. Я ничего не знаю о мире.

Он издает еще один звук, что-то среднее между ворчанием и смешком. Как бы мне хотелось рассмотреть в темноте его глаза.

Что-то хлопает. Дверь? Я хватаю его за руки и тяну нас обоих к стене дома.

- Что это было?

- Господи. Дверь. В моем доме.

Прижимаюсь к стене, пытаясь исчезнуть. Выглядываю на дорожку, тянущуюся от моего дома, ожидая увидеть маму, которая идет по ней. Но ее там нет.

Я закрываю глаза.

- Отведи меня на крышу.

- Мэдди...

- Я все объясню.

Весь мой план зависит от его помощи. Я совсем не обдумывала, что случится, если он откажется мне помочь.

Мы молчим в течение одного вздоха. Потом второго. А потом и третьего.

Он берет меня за руку и направляет к части его дома, дальней от моего. На крышу ведет высокая лестница.

- Ты боишься высоты? - спрашивает он.

- Не знаю. - Начинаю забираться.

Я пригибаюсь, как только мы оказываемся на крыше, но Олли говорит, что в этом нет необходимости.

- Многие все равно не смотрят вверх, - говорит он.

Несколько минут уходит на то, чтобы мое сердце вернулось к нормальному ритму.

Олли присаживается с обычной необычной грацией. Я так рада видеть, как он двигается.

- Итак, что теперь? - спрашивает он через какое-то время.

Я осматриваюсь. Мне всегда хотелось знать, чем он занимался здесь. Крыша разделена на остроконечные части, но мы сидим на плоском участке где-то позади. Я рассматриваю очертания предметов: небольшой деревянный столик с кружкой, лампой и какими-то смятыми бумагами. Может, он здесь пишет, сочиняет неудачные стихи. Лимерики.

- Эта лампа работает? - спрашиваю я.

Он молча включает ее, и лампа отбрасывает рассеянный круг света вокруг нас. Я практически боюсь посмотреть на него.

Помятая бумага на его столе - обертка от фастфуда, а не секретное стихотворение. Рядом со столом лежит пыльный серый брезент, скрывающий что-то. Пол устелен инструментами - ключами, кусачками различного размера, молотками и чем-то еще, что я не узнаю. Есть даже паяльная лампа.

Я, наконец, смотрю на него.

Его локти прижаты к коленям, и он смотрит на медленно проясняющееся небо.

- Чем ты занимаешься здесь? - спрашиваю я.

- Сейчас это, возможно, не имеет значения. - Его голос строгий, и он не смотрит на меня. Нет и следа парня, который так отчаянно целовал меня несколько минут назад. Его страх за меня вытеснил все остальное.

Иногда совершаешь действия в здравом смысле, иногда по глупости, а иногда невозможно определить разницу.

- У меня есть таблетки, - говорю я.

Он и без того едва двигался, а теперь совершенно замер.

- Какие таблетки?

- Они экспериментальные, еще не одобрены Управлением по контролю за продуктами и лекарствами. Я заказала их по интернету. Из Канады. - Лгать легко.

- По интернету? Откуда ты знаешь, что они безопасны?

- Я провела исследование.

- Но все равно, ты не можешь быть уверена...

- Я не безрассудная. - Удерживаю его взгляд. Это ложь ради нашей собственной защиты. Он уже выглядит расслабленным.

Я продолжаю.

- Они позволяют мне находиться несколько дней на улице. Я не сказала маме, потому что она не захотела бы рискнуть, но я...

- Потому что это рискованно. Ты только что сказала, что они не одобрены Управлением...

- Они достаточно безопасны на несколько дней. - Мой тон не выражает сомнений. Я жду, надеясь, что он проглотит ложь.

- Господи. - Он склоняет лицо к рукам и так и сидит. Когда он поднимает голову, на меня смотрит менее упретый Олли. Даже его голос смягчается. - Ты могла бы сказать мне это пять минут назад.

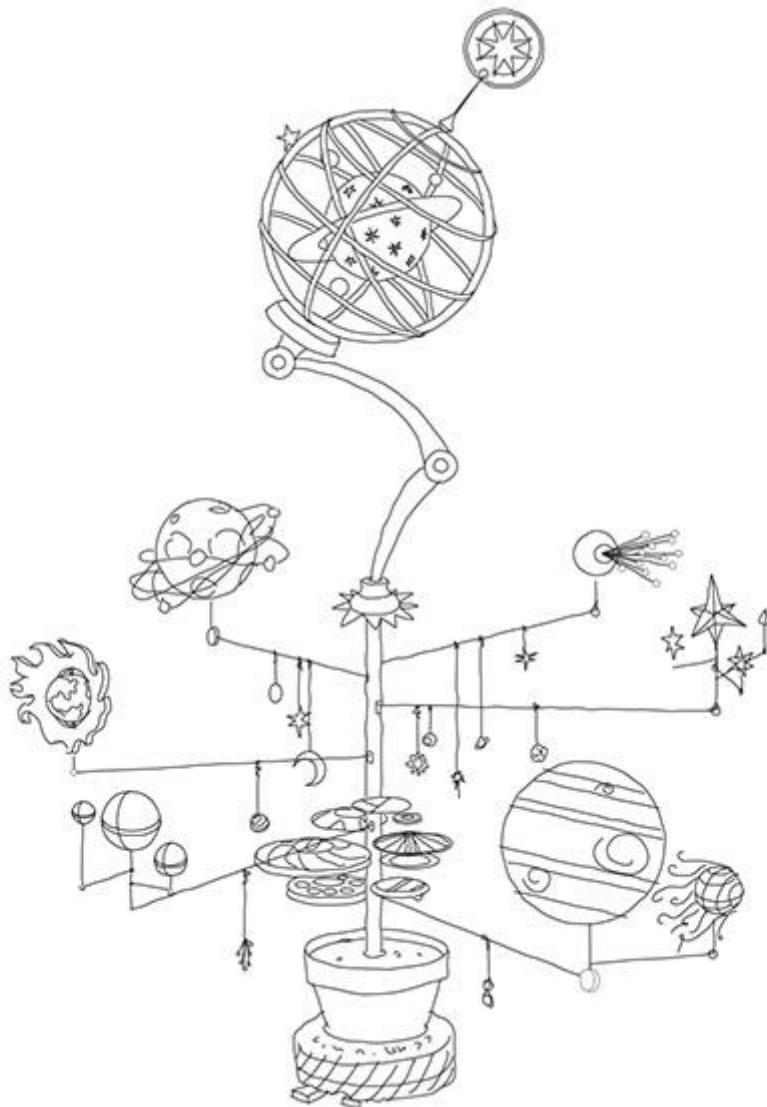
Я изо всех сил пытаюсь улучшить настроение.

- Мы целовались! А потом ты разозлился на меня. - Я вспыхиваю из-за разговора о поцелуях и из-за своей легкой лжи. - Я собиралась тебе это сказать. Говорю же тебе. Я просто взяла и сделала.

Он слишком умен, чтобы попасться на это, но ему хочется, чтобы это было правдой. Ему хочется, чтобы это было правдой больше, чем ему хочется правды. Улыбка, которая возникает на его лице, осторожная, но такая красивая, что я не могу отвести взгляд. Ради такой улыбки я солгу ему еще раз.

- А теперь, - говорю я. - Что под этой штукой?

Он протягивает мне уголок брезента, и я тяну его в сторону.

Сначала я не уверена, на что смотрю. Это как читать вроде бы случайный набор слов, прежде чем предложение станет понятным.

- Красиво, - говорю я.

- Это модель планетной системы.

- Этим ты здесь занимаешься? Создаешь вселенные?

Он пожимает плечами.

Дует небольшой ветерок, и планеты медленно кружатся. Мы оба молча наблюдаем за их движением.

- Ты в этом уверена? - Сомнение снова вернулось в его голос.

- Пожалуйста, помоги мне, Олли. Пожалуйста. - Я показываю на модель. - Мне тоже нужно сбежать, ненадолго.

Он кивает.

- Куда хочешь поехать?

АЛОХА ЗНАЧИТ ПРИВЕТ И ПОКА, ЧАСТЬ 2

Email

НАПИСАТЬ

входящие (2)
отправленные
черновики
удаленные
больше ▾

1 из 2,778 ⏪ ⏩ ⚙

Спасибо за то, что выбрали Plumeria Airlines! ⏪ ⏩

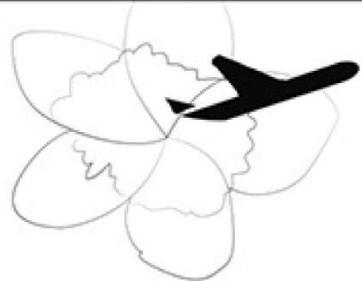
Plumeria Airlines <custserv@plumeriaair.com>
to me

Plumeria Airlines

Готовьтесь сказать Алоха!

Сведения о вашем рейсе ниже.

НОМЕР ПОДТВЕРЖДЕНИЯ: AFTOOQ

ОТПРАВЛЕНИЕ	ОТКУДА	КУДА	ПАССАЖИР(Ы)	КЛАСС	МЕСТА
10 октября, 2014	Лос-Анджелес	Кахулуи	Мадлен Уиттер	Эконом	21F ☒

Оливер Брайт 21E

УЖЕ СЧАСТЛИВА

- Мэдс, серьезно. Мы не можем полететь на Гавайи.

- Почему? Я достала нам билеты на самолет. Забронировала отель.

Мы сидим в машине Олли на подъездной дорожке. Он вставляет ключ в зажигание, но не проворачивает его.

- Ты шутишь? - спрашивает он, отыскивая на моем лице доказательство того, что я шучу. Не находит ничего и начинает медленно качать головой. - Гавайи в трех тысячах миль отсюда.

- Поэтому самолетом.

Он игнорирует мою неуместную веселость.

- Ты серьезно? Когда ты это сделала? Как? Почему?

- Еще один вопрос, и ты в игре Быстро Пять, - говорю я.

Он наклоняется вперед и прижимается лбом к рулю.

- Прошлой ночью с помощью кредитки, потому что мне хотелось увидеть мир.

- У тебя есть кредитка?

- Получила несколько недель назад. Есть свои плюсы в том, что проводишь время с женщиной в возрасте.

Он убирает лоб с руля, но все равно смотрит прямо, не встречаясь со мной взглядом.

- Что если с тобой что-то случится?

- Ничего не случится.

- Но все таки?

- У меня есть таблетки, Олли. Они сработают.

Он крепко сжимает глаза и кладет руку на ключ.

- Ты знаешь, что здесь у нас, в Южной Калифорнии, достаточно мира.

- Но нет углахвостого спинорога.

Небольшая полуулыбка формируется в уголках его губ. Мне нужно растянуть ее на все лицо.

Он поворачивается ко мне лицом.

- О чем ты говоришь?

- Об углахвостом спинороге.

- Что за углахвостое что-то там?

- Государственная рыба Гавайев.

Его улыбка расширяется.

- Ну конечно. - Он поворачивает ключ в зажигании. Его взгляд задерживается на его доме, и улыбка пропадает, но только слегка. - Надолго?

- На две ночи.

- Хорошо. - Он берет меня за руку и быстро ее целует. - Поехали посмотрим на эту рыбку.

Чем дальше от его дома мы уезжаем, тем, каким-то образом, лучше и легче становится его настроение. Это путешествие дарует ему идеальное оправдание ненадолго уйти от ноши под названием "его семья". К тому же, его друг из Нью-Йорка, Зак, живет на Мауи.

- Ты его полюбишь, - говорит он мне.

- Я люблю все, - отвечаю я.

Наш рейс отправляется не раньше 7 часов, и мне хочется кое-куда заехать.

Поездка в его машине напоминает нахождение в очень громком, быстро двигающемся пузыре. Олли отказывается открывать окна. Вместо этого он нажимает на кнопочку на приборной панели, которая обеспечивает циркуляцию воздуха. Звук колес по

асфальту чем-то напоминает постоянное и тихое шипение. Я сдерживаю порыв прикрыть уши.

Олли говорит, что мы едем не быстро, но мне кажется, что мы мчимся. Я читала рассказы пассажиров скоростных поездов, что мир снаружи поезда расплывается на скорости. Знаю, что мы нисколько не приближаемся к такой скорости. Но все равно пейзаж движется очень быстро для моих, привыкших к медленному движению, глаз. Я едва улавливаю мельканье домов на коричневых холмах в отдалении. Высокие знаки с загадочными символами и надписями появляются и исчезают до того, как я могу их разобрать. Наклейки на бамперах и номерные знаки проносятся в мгновение ока.

И хотя я понимаю физику всего этого, мне кажется странным, что мое тело может двигаться, в то время как я сижу спокойно. Ну, не совсем спокойно. Я вжимаюсь в сидение, когда Олли газует, и наклоняюсь вперед, когда он тормозит.

Время от времени мы замедляемся, и я могу увидеть других людей в их машинах.

Мы проезжаем мимо женщины, которая качает головой и хлопает по рулю руками. Только после того, как мы проехали ее, я понимаю, что она, возможно, танцевала под музыку. Двое детишек на заднем сидении следующей машины высовывают языки и смеются. Я ничего не делаю, потому что не знаю, каков для этого этикет.

К счастью мы замедляемся до более человеческой скорости и выезжаем с автомагистрали.

- Где мы? - спрашиваю я.

- Она живет в корейском квартале.

Моя голова гудит от того, что я пытаюсь одновременно все рассмотреть. Вижу ярко освещенные знаки и билборды, написанные на корейском. Так как на нем я читать не умею, то знаки кажутся мне произведением искусства в красивой, загадочной форме. Конечно, на них, возможно, просто написаны такие приземленные вещи, как "Ресторан", "Аптека" или "Работает круглосуточно".

Еще рано, но люди уже занимаются разными делами - гуляют, разговаривают, сидят, стоят, бегут или едут на велосипедах. Я на самом деле не верю, что они настоящие. Они похожи на мини фигуры, которые я расставляю в своих моделях по архитектуре, находящиеся здесь для того, чтобы подарить *расцвет жизни* корейскому кварталу.

Или, может, это я не совсем настоящая и на самом деле не нахожусь здесь.

Мы едем еще несколько минут. Наконец подъезжаем к двухэтажному комплексу с фонтаном во внутреннем дворике.

Олли отстегивает ремень безопасности, но не выходит из машины.

- С тобой ничего не может случиться, - говорит он.

Я тянусь и беру его за руку.

- Спасибо, - это все, что я придумала в ответ. Мне хочется сказать ему, что это не его вина, что я нахожусь здесь. Что любовь открывает нам мир.

Я была счастлива до того, как встретила его. Но теперь я жива, а это не одно и то же.

ЭТО ЗАРАЗНО

Карла кричит и прикрывает лицо руками, когда видит меня.

- Ты привидение? - Она хватает меня за плечи, прижимает меня, сжимая, к груди, покачивает из стороны в сторону, а потом снова сжимает. К тому времени, как она заканчивает, воздуха в моих легких не остается.

- Что ты здесь делаешь? Ты не можешь быть здесь, - говорит она, все еще сжимая меня.

- Я тоже рада тебя видеть, - пищу я.

Она отодвигается, качает головой, будто я какое-то диво дивное, а потом снова меня прижимает.

- Ох, моя девочка, - говорит она. - Ох, как я по тебе скучала. - Она держит мое лицо в своих руках.

- Я тоже по тебе скучала. Извини за...

- Стой. Тебе не за что извиняться.

- Ты из-за меня потеряла работу.

Она пожимает плечами.

- Я нашла другую. Кроме того, я скучаю именно по тебе.

- Я тоже по тебе скучаю.

- Твоя мама поступила так, как должна была.

Мне не хочется думать о маме. Поэтому я осматриваюсь в поисках Олли, который стоит на расстоянии от нас.

- Ты помнишь Олли, - говорю я.

- Как я могла забыть это лицо? И это тело, - говорит она достаточно громко, чтобы он услышал. Она идет к нему и притягивает его в объятия, которые слегка более сдержанные, чем объятия со мной.

- Ты заботишься об этой девочке? - Она отодвигается и достаточно сильно похлопывает его по щеке.

Олли потирает щеку.

- Я стараюсь изо всех сил. Не знаю, знаете ли вы это, но она может быть немного упрямой.

Карла долгую секунду смотрит то на меня, то на него и замечает напряжение между нами.

Мы все еще стоим в дверном проеме.

- Заходите. Заходите, - говорит она.

- Мы не думали, что ты так рано встаешь, - говорю я, как только мы заходим.

- Чем старше становишься, тем меньше спиши. Вот увидишь.

Мне хочется спросить у нее, *стану ли я старше*. Но вместо этого я спрашиваю:

- Роза здесь?

- Спит наверху. Хочешь, чтобы я разбудила ее?

- У нас нет времени. Мне просто хотелось увидеть тебя.

Она снова берет мое лицо в руки и снова меня рассматривает, в этот раз зорким взглядом медсестры.

- Должно быть, я многое пропустила. Что ты здесь делаешь? Как себя чувствуешь?

Олли подходит ближе, желая услышать мой ответ. Я обвиваю себя руками за талию.

- Замечательно, - отвечаю я слишком уж бодро.

- Расскажи ей о таблетках, - говорит Олли.

- Каких таблетках? - спрашивает Карла, глядя только на меня.

- У нас есть таблетки. Экспериментальные.

- Я знаю, что твоя мама не давала тебе ничего экспериментального.

- Я купила их сама. Мама не знает.

Она кивает.

- Где купила?

Рассказываю ей то же самое, что рассказала Олли, но она не верит мне. Ни на секунду. Она прикрывает рот рукой, а глаза становятся огромными, как в мультиках.

Я вкладываю всю душу в свой взгляд и молча умоляю ее. *Пожалуйста, Карла. Пожалуйста, пойми. Пожалуйста, не выдавай меня. Ты сказала, что жизнь это подарок.*

Она отводит взгляд и потирает круговыми движениями место над грудью.

- Вы, должно быть, хотите есть. Приготовлю вам завтрак.

Она показывает нам присесть на ярко-желтый диван, а потом исчезает на кухне.

- Именно так я представляла себе ее дом, - говорю я Олли, как только она уходит.

Не хочу, чтобы он задавал вопросы о таблетках.

Никто из нас не садится. Я отступаю от него на шаг или на два. Стены квартиры выкрашены в основные цвета. Практически все поверхности скрываются под разными безделушками и фотографиями.

- Кажется, она нормально отреагировала на таблетки, - наконец говорит Олли. Он придвигается ближе, но я напрягаюсь. Боюсь, что он почувствует ложь на моей коже.

Я брошу по гостиной, рассматривая фотографии поколений женщин, которые похожи на Карлу. Огромная фотография с ней, держащей на руках маленькую Розу, висит над двухместным диванчиком. Что-то в этой фотографии напоминает мне о моей маме. Все дело в том, что она смотрит на Розу не только с любовью, но и со свирепостью, будто сделает все, чтобы защитить ее. Я никогда не смогу расплатиться с ней за все, что она сделала для меня.

Карла готовит нам на завтрак *чилакилес* - это кукурузная тортилья с сальсой, сыром и *мексиканскими сливками*, которые похожи на взбитые сливки. Это блюдо вкусное и новое, но я пробую всего кусочек. Слишком нервничаю, чтобы есть.

- Итак, Карла. По твоему профессиональному мнению, ты права думаешь, что таблетки сработают? - спрашивает Олли. Его голос переполнен оптимизмом.

- Возможно, - говорит она, но качает головой, когда отвечает. - Не хочу давать вам ложную надежду.

- Расскажи мне, - говорю я. Мне нужно спросить у нее, почему я еще не заболела, но я не могу. Я попала в сети своей лжи.

- Может быть такое, что таблетки откладывают твою болезнь. Даже без таблеток могло быть такое, что ты просто еще не столкнулась со спусковым механизмом.

- Или может быть такое, что таблетки работают, - говорит Олли. Он находится на грани надежды. По его мнению, эти таблетки - чудо.

Карла похлопывает Олли по руке.

- Ты славный парень, - говорит она ему.

Она не смотрит на меня, забирает наши тарелки и идет на кухню.

Я следую за ней медленно, потому что стыжусь.

- Спасибо.

Она вытирает руки о полотенце.

- Я тебя понимаю. Я понимаю, почему ты здесь.

- Я могу умереть, Карла.

Карла смачивает тряпку и вытирает уже чистую стойку.

- Я уехала из Мексики посреди ночи без ничего. Я не думала, что выживу. Немногим это удается, но я все равно уехала. Я оставила папу, маму, сестру и брата.

Она ополаскивает тряпку и продолжает:

- Они пытались меня остановить. Сказали, что это не стоит моей жизни, но я сказала, что это *моя* жизнь и мне решать, чего это стоит. Я сказала, что уеду и либо умру, либо проживу жизнь лучше.

Теперь она снова ополаскивает тряпку и крепко ее выжимает.

- Говорю тебе, когда я уехала из дома той ночью, то никогда не ощущала себя такой свободной. Даже сейчас, за все время пока я здесь, я никогда не ощущала себя такой свободной, как в ту ночь.

- И ты об этом не сожалеешь?

- Конечно, я об этом сожалею. Много чего плохого произошло во время этого путешествия. И когда мама с папой умерли, я не смогла приехать на похороны. Роза ничего не знает о том месте, откуда она родом. - Она вздыхает. - Ты не живешь, если не сожалеешь.

О чем мне сожалеть? Мой разум прокручивает видения: мама одна в моей белой комнате задается вопросом, куда пропали все, кого она любила. Мама одна в зеленом поле смотрит на мою могилу, могилу моего папы и моего брата. Мама умирает одна в этом доме.

Карла дотрагивается до моей руки, и я безжалостно выкидываю эти видения из головы. Даже не могу думать о таком. Если буду думать, то не смогу жить.

- Может, я не заболею, - шепчу я.

- Точно, - говорит она, и надежда распространяется по мне, как вирус.

НАПИШУ ТЕБЕ ПОЗЖЕ

ЧАСТО ЗАДАВАЕМЫЕ ВОПРОСЫ ТЕХ, КТО ЛЕТИТ ВПЕРВЫЕ

В (вопрос): Как лучше всего облегчить заложенность в ушах, спровоциированную изменениями в давлении?

О (ответ): Жвачкой. А еще, поцелуями.

В: Какое место лучше: у окна, в центре или у прохода?

О: Определенно у окна. Мир с высоты 32 000 футов такое зрелище. Обратите внимание, что место у окна означает, что ваш компаньон по путешествию застрянет возле исключительно говорливой зануды. Поцелуй (с компаньоном, а не с занудой) тоже эффективны в такой ситуации.

В: Сколько раз в час освежается воздух в салоне?

О: Двадцать.

В: Скольких людей может уютно укрыть одеяло авиакомпании?

О: Двоих. Убедитесь, что подняли ручку между вашими сидениями, и придвиньтесь настолько близко, насколько это возможно, чтобы укрыться полностью.

В: Как возможно такое, что человечество изобрело что-то такое потрясающее, как самолеты, и что-то такое ужасное, как ядерные бомбы?

О: Человечество загадочное и парадоксальное.

В: Столкнусь ли я с турбулентностью?

О: Да. В каждой жизни должно быть хоть немного турбулентности.

КОНВЕЙЕР

- Я решил, что багажный конвейер - прекрасная метафора для жизни, - говорит Олли, находясь на конце недвижущегося конвейера⁷.

У нас нет с собой зарегистрированного багажа. Все, что я несу, это небольшой рюкзак с предметами первой необходимости - зубная щетка, чистое нижнее белье, путеводитель "Уединенные земли Маи" и книга "Маленький Принц". Конечно, я взяла ее с собой. Перечитаю ее еще раз, чтобы посмотреть, изменился ли смысл.

- Когда ты это решил? - спрашиваю я.

- Прямо сейчас. - Олли в настроении для бредовых теорий, ждет, когда я попрошу его объяснить.

- Хочешь подумать еще или сейчас меня развлечешь? - спрашиваю я.

Он качает головой и спрыгивает рядом со мной.

- Хотелось бы сейчас начать с *развлечения*. Пожалуйста.

Я великодушно показываю продолжать.

- Ты рождаешься. И тебя забрасывает в эту сумасшедшую штуковину под названием жизнь, которая кружится и кружится.

- В этой теории люди это багаж?

- Да.

- Продолжай.

- Иногда раньше положенного времени падаешь с нее. Иногда тебя так повреждает другой багаж, падающий тебе на голову, что ты больше не функционируешь. Иногда теряешься или тебя забывают, и ты кружишься до бесконечности.

- Что насчет багажа, который забирают?

- Он переходит к обычной жизни в чьем-то шкафу.

Я открываю и закрываю рот несколько раз, потому что не уверена, с чего начать.

Он воспринимает это за согласие.

- Видишь? Безупречно. - Его глаза смеются надо мной.

- Безупречно, - говорю я, имея в виду его, а не теорию. Переплетаю пальцы с его и осматриваюсь. - Здесь все выглядит так, как ты запомнил? - Олли был здесь однажды, в семейном отпуске, когда ему было десять.

- Я не многое помню. Помню, как мой папа говорил, что нет ничего страшного в том, чтобы потратить немного денег на первые впечатления.

Терминал усеян зазывалами - гавайскими женщинами в длинных цветастых платьях, которые держат приветственные таблички и леи из пурпурных и белых орхидей. В воздухе не пахнет океаном. В нем пахнет чем-то промышленным, похожим на авиатопливо и чистящие средства. Этот запах я могла бы полюбить, потому что он означает, что я путешествую. Вокруг нас уровень шума поднимается и падает, периодически прерываясь приветственными припевами, которые напевали встречающие и семьи. В качестве первых впечатлений неплохо. Интересно, как его папа умудрился жить в мире всю свою жизнь, не осознавая, что в именно ней ценно.

- В твоей теории про багаж твоя мама - одна из сумок, которая повреждена?

Он кивает.

- А сестра? Она одна из тех, которые теряются, а затем кружатся до бесконечности?

Он снова кивает.

- А ты?

- Как и я моя сестра.

- А твой папа?

- Он конвейер.

⁷ На английском багажный конвейер - baggage carousel

Я качаю головой.

- Нет, - говорю я и беру его за руку. - Он не должен получить все, Олли.

Я смутила его. Он вытягивает руку из моей, чуть отодвигается и осматривает терминал.

- Тебе, моя дорогая, нужна лея, - говорит он. Он кивает на зазывалу, которая еще не нашла своих гостей.

- Не нужна, - говорю я.

- Ох, нужна, - настаивает он. - Подожди здесь. - Он идет к ней. Сначала она качает головой, но Олли, как обычно, упорствует. Через несколько секунд они оба смотрят на меня. Я машу, чтобы показать ей, что я милая и дружелюбная, я - тот человек, которому можно отдать лею.

Она уступает. Олли возвращается с триумфом. Я тянусь, чтобы забрать лею, но он продевает ее мне через голову.

- Знаешь, лею издавна дарили только королевским особам, - говорю я, цитируя путеводитель. Олли собирает мои волосы и поглаживает заднюю часть моей шеи, прежде чем опустить лею.

- Кто этого не знает, принцесса?

Я касаюсь гирлянды, и мне кажется, что лея передала мне какую-то часть красоты.

- *Mahalo nui loa*, - говорю я. - Это значит "спасибо".

- Ты прочитала каждое слово в этом путеводителе, да?

Я киваю.

- Если бы у меня был чемодан, - говорю я, - то я бы его любила. Я бы упаковывала его в стрейч-пленку, когда путешествовала. Я бы наклеивала наклейку из каждого места, в котором побывала. И когда увидела бы его на конвейере, то схватила бы его обеими руками и была бы так счастлива, что он есть у меня, потому что тогда мои приключения могли бы поистине начаться.

Он смотрит на меня, в нем противостоят друг другу неверующий и, если не признаки, то, по крайней мере, возможность существования Бога. Он тянет меня к себе, и мы обвиваем друг друга, его лицо спрятано в моих волосах, а мое - прижато к его груди. Между нашими телами нет даже проблеска солнечного света.

- Не умирай, - говорит он.

- Не умру, - отвечаю я.

СЛОВАРЬ МАДЛЕН

Обещание (а-б'и-щ'а-н'и-й'э) - сущ. ед.ч. 1. Ложь, которую хочется исполнить.
[2015, Уиттер]

СЕЙЧАС МЫ ЗДЕСЬ

Согласно путеводителю, форма Мауи напоминает голову. Наше такси повезет нас поперек шеи, вдоль линии подбородка, через подбородок, рот, нос и вверх к широкому лбу. Я забронировала нам место в отеле в городке Каанапали, который расположен в черепе прямо над линией роста волос, если говорить в географическом плане.

Мы заворачивает за угол и внезапно видим океан, простирающийся вдоль дороги слева от нас. Нас разделяют не более тридцати футов.

Его необъятная бесконечность шокирует. Он удаляется за конец мира.

- Не могу поверить, что все это упускала, - говорю я. - Я упускала весь мир.
Он качает головой.

- Не все сразу, Мэдди. Сейчас мы здесь.

Я смотрю в глаза Олли цвета океана и тону в них, окруженная со всех сторон водами. Столько всего стоит посмотреть, что тяжело выбрать, на что же обращать внимание. Мир очень большой, а времени посмотреть его у меня недостаточно.

Он снова читает мои мысли.

- Хочешь остановиться и посмотреть?
- Да, пожалуйста.

Он спрашивает водителя, не против ли тот остановиться, и водитель соглашается. Он знает хорошее местечко поблизости - заповедник с площадкой для стоянки.

Я выбираюсь из машины до того, как глухнет мотор. Вода находится в пешей доступности вниз под гору, а потом по песку.

Олли следует на расстоянии за мной.

Океан.

Он больше, более синий и более неспокойный, чем я себе представляла. Ветер приподнимает мои волосы, растирает песок и соль по моей коже, проникает в мой нос. Я жду, пока спущусь под гору, чтобы снять обувь. Закатываю джинсы, насколько есть возможность. Песок горячий, сухой и рыхлый. Он обволакивает мои ноги и проникает между пальцами.

Чем ближе я подхожу к воде, тем больше меняется песок. Теперь он прилипает к моим ногам, покрывая их, как вторая кожа. У края воды он снова меняется и становится жидким бархатом. Мои ноги оставляют следы в этой мягкости.

Наконец мои ноги оказываются в вздымающейся воде, затем лодыжки, а потом икры. Я не перестаю двигаться, пока вода не доходит до колен, пропитывая мои джинсы.

- Будь осторожна, - кричит где-то позади Олли.

Я не уверена, что он имеет в виду. Быть осторожной, потому что могу утонуть? Быть осторожной, потому что могу заболеть? Быть осторожной, потому что как только становишься частью мира, он становится частью тебя?

Потому что нет смысла сейчас это отрицать. Я нахожусь в мире.

А мир во мне.

СЛОВАРЬ МАДЛЕН

Океан (а-к'и-ан) - сущ. ед.ч. 1. Бесконечная часть тебя, о которой ты не знал, но всегда подозревал ее наличие. [2015, Уиттер]

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ В СЛУЧАЕ НАХОДКИ

Наш отель расположен прямо на пляже, и можно увидеть и почувствовать океан из небольшого открытого вестибюля. Нас приветствуют леями и криками "Алоха". Олли отдает свою лею мне, поэтому вокруг моей шеи болтаются уже три. Посыльный в яркой желто-белой гавайской рубашке предлагает доставить наш несуществующий багаж. Олли что-то бормочет по поводу того, что багаж прибудет позже, и обводит нас вокруг него прежде, чем тот может задать еще вопрос.

Я подталкиваю Олли к стойке регистрации и отдаю ему наши документы.

- Добро пожаловать на Мауи, мистер и миссис Уиттер, - говорит женщина за стойкой. Он не исправляет ее, просто придвигает меня ближе и награждает громким чмоканьем в губы.

- Большое mahalo, - говорит он, широко улыбаясь.

- Вы заселяетесь на... две ночи.

Олли смотрит на меня в поисках подтверждения, и я киваю.

Несколько нажатий кнопок, и женщина говорит нам, что хоть еще рано, но наша комната уже готова. Она отдает нам ключ и карту окрестностей и рассказывает о бесплатном утреннем завтраке.

- Наслаждайтесь медовым месяцем! - Она подмигивает и выпроваживает нас.

Комната маленькая, очень маленькая и украшена, подобно вестибюлю, мебелью из тикового дерева и огромными картинами с яркими тропическими цветами. Наш балкон - его называют *верандой* - выходит на небольшой сад и парковку.

Находясь в центре комнаты, я поворачиваюсь на 360 градусов и вижу то, что считают необходимым во временном доме - телевизор, небольшой холодильник, огромный шкаф, стол и стул. Поворачиваюсь еще на 360 градусов, пытаясь понять, что же отсутствует.

- Олли, где наши кровати? Где нам спать?

Какое-то мгновение он выглядит озадаченным, пока что-то не замечает.

- Ох, ты имеешь в виду это? - Он подходит к тому, что я приняла за огромный шкаф, хватается за две ручки возле верха и тянет, являя взору кровать. - Вуаля, - говорит он. - Та самая модель знаменитой малогабаритной эффективности. Высшая степень стиля и комфорта, удобства и практичности. Представляю вам шкаф-кровать У. Мэрфи⁸.

- Кто такой Мэрфи? - спрашиваю я, все еще удивляясь кровати, появившейся из стены.

- Изобретатель этой кровати, - говорит он, подмигнув мне.

С разобранной кроватью комната кажется даже меньше. Мы оба смотрим на нее дольше, чем явно необходимо. Олли поворачивается ко мне. Я вспыхиваю до того, как он произносит:

- Только одна кровать. - Его голос нейтрален, но не взгляд. Из-за его взгляда я краснею еще больше.

- Итак, - произносим мы одновременно. Неловко смеемся, сначала над застенчивостью, а потом над самими собой за то, что были такими нелепыми и застенчивыми.

- Где путеводитель? - спрашивает он, наконец прерывая гляделки и устраивая целое представление из осмотра комнаты. Он берет мой рюкзак и роется в нем, но вместо путеводителя достает "Маленького принца".

- Вижу, ты привезла с собой все самое необходимое, - дразнится он, размахивая книгой в воздухе. Он забирается на кровать и слегка подпрыгивает посередине. Пружины Мэрфи протестующе скрипят. - Разве это не твоя любимая книга всех времен?

⁸ Названа по имени изобретателя У. Мэрфи (Murphy, William L)

Он поворачивает книгу.

- Мы читали ее в этом году. Уверен, что совсем не понял ее.

- Стоит попробовать еще раз. Смысл меняется каждый раз, как читаешь.

Он смотрит на меня.

- И сколько раз ты...

- Несколько.

- Больше или меньше двадцати?

- Ну ладно, больше чем несколько.

Он улыбается и переворачивает обложку.

- СОБСТВЕННОСТЬ Мадлен Уиттиер. - Он открывает титульный лист и продолжает читать. - Вознаграждение в случае находки. Посещение со мной (Мадлен) магазина подержанных книг. Дайвинг со мной (Мадлен) в кратере Молокини, чтобы выследить национальную рыбу Гавайи - углохвостого спинорога.

Он перестает читать вслух и продолжает читать про себя.

- Когда ты это написала? - спрашивает он.

Я начинаю забираться на кровать, но останавливаюсь, когда комната немного покачивается. Пытаюсь еще раз, и еще одна волна головокружения выводит меня из равновесия.

Я поворачиваюсь и сажусь спиной к нему. Мое сердце так болезненно сжимается в груди, что дыхания не хватает.

Олли сразу оказывается возле меня.

- Мэд, что такое? Что-то не так?

Ох, нет. Еще нет. Я не готова.

- У меня кружится голова, - говорю я. - И мой желудок...

- Нам нужно поехать в больницу?

Мой живот в ответ урчит громко и продолжительно.

Я смотрю на него.

- Думаю, я...

- Голодна, - одновременно произносим мы.

Голод.

Вот, что я чувствую. Я не заболеваю. Я просто голодна.

- Я хочу есть, - говорю я. За последние сутки я съела небольшой кусочек чилакилес и горсть яблочных кусочков Злой Медсестры.

Олли начинает смеяться и падает на спину на кровать.

- Я так волновался, что что-то в этом воздухе убьет тебя. - Он прижимает ладони к глазам. - А вместо этого ты оголодаешь до смерти.

Вообще-то, раньше мне никогда так не хотелось есть. Большей частью, у меня всегда было три полноценных порции еды и два легких перекуса - все в одно и то же время каждый день. Карла всегда была большим сторонником еды. *Пустой желудок, пустая голова*, сказала бы она.

Я ложусь и смеюсь вместе с ним.

Мое сердце снова сжимается, но я игнорирую его.

СУВЕНИР В ПАМЯТЬ О НАСТОЯЩЕМ

Чувствую себя намного лучше после быстрого перекуса. Нам необходимы пляжные принадлежности и, по мнению Олли, сувениры, поэтому мы делаем остановку в магазинчике под названием "Магазин сувениров из Мауи. Широкий ассортимент". Не думаю, что когда-либо видела столько всего. Обнаруживаю, что меня ошеломляет его поразительные масштабы. Стопки, стопки футбольок и шляп с надписями "Мауи", "Алоха" и разными вариациями надписей. Бешалки с цветастыми платьями практически всех цветов. Огромное количество вращающихся стоек с безделушками - брелки, очки, магниты. Одна стойка посвящена только брелкам в форме досок для серфинга, на которых в алфавитном порядке прописаны имена. Ищу Оливера и Мадлен или Олли и Мэдди, но не нахожу.

Олли подходит сзади и приобнимает меня рукой за талию. Я стою напротив стены с календарями, на которых изображены серферы без рубашек. Не очень-то привлекательно.

- Я ревную, - бормочет он мне в ухо, и я смеюсь и потираю руками его руку.
- Само собою. - Тянусь к одному из календарей.
- Ты же не собираешься...
- Для Карлы, - говорю я.
- Конечно, конечно.
- А что ты взял? - Прислоняюсь головой к его груди.
- Бусы из ракушек для мамы. И пепельницу в форме гранаты для Кэри.
- Почему люди покупают все такое?

Он прижимает меня ближе.

- Это не такая уж загадка, - говорит он. - Мы дарим, чтобы помнить.

Я поворачиваюсь в его руках, размышая, как же быстро это место стало моим любимым местом в мире. Оно одновременно знакомое, незнакомое, успокаивающее и щекочущее нервы.

- Возьму это для Карлы, - говорю я, размахивая календарем. - И покрытые шоколадом австралийские орехи. И одно из тех платьев для себя.

- Как насчет твоей мамы?

Какой сувенир взять для мамы, которая любила тебя всю жизнь и бросила мир ради тебя? Которую ты, возможно, никогда не увидишь? Ничего не подойдет.

Вспоминаю старую фотографию с нами на Гавайях, которую она мне показывала. Я этого не помню, не помню, как была на этом пляже с ней, папой и братом, а она помнит. Она помнит меня, жизнь, которой у меня нет.

Отодвигаюсь от Олли и брожу по магазину. К восемнадцати годам другие подростки отделяются от своих родителей. Они уезжают из дома, живут отдельно, отдельно создают воспоминания. Но не я. Мы с мамой делили на двоих одно и то же закрытое пространство и дышали одним и тем же профильтрованным воздухом так долго, что для меня странно находиться здесь без нее. Странно создавать воспоминания, в которых нет ее.

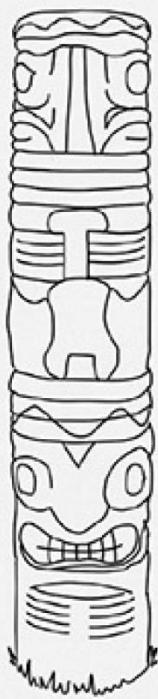
Что с ней будет, если я не доберусь до дома? Соберет ли она свои воспоминания обо мне? Достанет ли их, чтобы рассмотреть и прожить их снова и снова?

Мне хочется подарить ей что-то об этом времени, моем времени без нее. Что-то, благодаря чему она помнила бы меня. Нахожу стойку с винтажными открытками и пишу ей правду.

Как бы мне хотелось,
чтобы ты
была здесь.

По традиции, монстры Тики,
когда-то использовали, для того,
чтобы отгонять злых духов.

Маме

304 Папиллон Уэй

Лос-Анджелес,

Калифорния 90036

КУПАЛЬНИК

Возможно, стоило примерить купальник перед его покупкой. Не то чтобы он не подошел мне. Он подошел и очень хорошо. Я и правда должна появиться на публике в таком малом количестве одежды?

Я стою в ванной и перемещаю взгляд со своего тела на отражение тела в зеркале. Купальник ярко-розовый, сплошной с тонкими лямочками. Цвет такой яркий, что придает оттенок моим щекам. Я выгляжу покрасневшей, как розовощекая летняя девушка в лучах солнца.

Из-за влажности мои волосы стали пышнее, чем обычно. Собираю их и заплетаю в длинную косичку, чтобы не мешали. Смотрю обратно в зеркало. Единственный способ скрыть этот купальник - одеть больше, возможно всю мою одежду за раз. Я снова осматриваю свое тело. Спору нет, в нем моя грудь и ноги выделяются. Все части моего тела, кажется, приобретают верные пропорции и находятся в нужном месте. Слегка изгибаюсь, чтобы убедиться, что мои ягодицы прикрыты - так и есть, но едва. Что увидела бы я в зеркале, если бы была нормальной девушкой? Подумала бы я, что слишком толстая или слишком худая? Понравилось бы мне мои бедра, талия, лицо? Возникли бы у меня проблемы с восприятием своего тела? На данном этапе моей единственной проблемой является то, что я с удовольствием обменяла бы это тело на то, которое исправно функционирует.

Олли стучится в дверь.

- Ты там ушла в подводное плавание?

В конце концов, мне придется выйти из ванной, но я слишком нервничаю. Подумает ли Олли, что все части моего тела находятся в нужном месте?

- Вообще-то, ловлю рыбу в глубоких водах. - Мой голос слегка дрожит.

- Фантастика. У нас будут суши на...

Я быстро открываю дверь, будто сдираю лейкопластырь.

Олли перестает говорить. Его взгляд путешествует от моего лица до кончиков пальцев на ногах и еще медленнее обратно.

- Ты в купальнике, - говорит он. Его взгляд задерживается на коже между шеей и грудью.

- Да. - Я смотрю в его глаза и из-за того, что я в них вижу, мне кажется, что на мне совсем нет одежды. Мое сердце ускоряется, и я делаю глубокий вдох, чтобы замедлить его, но не срабатывает.

Он проводит руками по всей длине моих рук, в то же самое время медленно пододвигая меня к себе. Он касается своим лбом моего, когда мы наконец оказываемся вблизи. Его глаза горят синим огнем.

Он выглядит, как оголодавший, будто может поглотить меня целиком и полностью.

- Этот купальник, - начинает он.

- Маленький, - заканчиваю я.

РУКОВОДСТВО ПО ДАЙВИНГУ С ГАВАЙСКИМИ РИФОМЫМИ РЫБАМИ

ПРЫЖОК

Я удивлю Олли тем, что сразу залезаю в воду. Он говорит, что я как ребенок, который бросается вперед без оглядки, не зная страха. Я веду себя как ребенок, показываю ему язык и пробираюсь дальше в воду, одетая в спасательный жилет и во все прочее.

Мы находимся на пляже Блэк Рок, названного так из-за скалистого утеса, сформированного вулканической породой, который простирается до пляжа и прямо вверх к небу. В воде камни формируют полумесяц, который успокаивает волны и делает коралловый риф идеальным для погружения. Наш гид из "Fun in the Sun" говорит, что пляж востребован дайверами.

Вода холодная, соленая и восхитительная, и я думаю, что, может быть, в прошлой жизни я была русалкой. Космической русалкой-архитектором. Ласты и спасательный жилет удерживают меня на поверхности, и несколько минут уходит на то, чтобы привыкнуть дышать через маску. Когда я слышу звук своего участившегося дыхания, то успокаиваюсь и впадаю в странную эйфорию. С каждым дыханием я убеждаюсь, что более чем просто жива. Я живу.

Мы сразу видим углохвостого спинорога. Вообще-то, их много. Думаю, причиной того, что они считаются государственной рыбой Гавайи, является их огромное количество. Большая часть рыб кучками собралась вокруг кораллового рифа. Никогда не видела таких насыщенных цветов - здесь не только синий, желтый и красный, но и самый глубокий синий и ярко-желтый и самый красочный красный, который я когда-либо видела. Чуть подальше от коралла солнечные лучи образуют в воде треугольные колонны света. Группки серебристых рыб мечутся вперед и назад, думая одним умом.

Держась за руки, мы плывем дальше и видим плавно передвигающихся скатов, которые выглядят как огромные птицы с белыми животами. Видим еще двух больших морских черепах, которые, кажется, летят, а не плывут. Умом я понимаю, что они не навредят нам. Но они такие большие и так очевидно принадлежат этому морскому миру - которому я не принадлежу, - что я перестаю двигаться, не желая привлекать их внимание.

Я могла бы заниматься этим весь день, но Олли в конце концов тянет меня на берег. Он не хочет, чтобы мы, а точнее я, обгорела на полуденном солнце.

На пляже мы обсыхаем под тенистым деревом. Я чувствую взгляд Олли на себе, когда он думает, что я не замечаю. Но мы являем собой общество взаимного восхищения - я тоже незаметно поглядываю на него. На нем одеты только плавки, поэтому я наконец могу рассмотреть поджарые, гладкие мышцы его плеч, груди и живота. Мне хочется запомнить его тело с помощью рук. Я дрожу и оборачиваюсь в полотенце. Олли неверно воспринимает мою дрожь и подходит ко мне, чтобы закинуть на мои плечи свое полотенце. Его кожа пахнет океаном и чем-то еще, чем-то не поддающимся четкому определению, тем, что делает из него Олли. Я поражаюсь тому, что мне хочется коснуться языком его груди, попробовать на вкус солнце и соль на его коже. С силой отвожу взгляд от его груди и смотрю на его лицо. Он избегает моего взгляда и так крепко закутывает меня в полотенце, что не видно ни кусочка моей кожи. А затем он отступает. У меня такое чувство, что он сдерживает себя.

Я уверена, что мне не хочется, чтобы он сдерживался.

Он смотрит на утес, с которого люди, большей частью подростки спрыгивают в океан.

- Хочешь спрыгнуть с большого утеса? - спрашивает он, его глаза сияют.

- Я не умею плавать, - напоминаю я ему.

- Небольшое утопление никому не повредит, - говорит парень, который однажды предупредил меня, что океан беспощаден и безжалостен.

Он хватает меня за руку, и мы вместе бежим к утесу. Вблизи камни выглядят, как твердая черная губка. Они острые под моими ногами, и некоторое время уходит на то, чтобы найти место для каждого шага, но мы наконец-то добираемся до вершины.

Олли не терпится прыгнуть. Он даже не останавливается, чтобы насладиться видом.

- Вместе? - спрашивает он, глядя вниз на пенящуюся воду.

- В следующий раз, - говорю я.

Он кивает.

- Я прыгну первым. Не позволю тебе утонуть. - Он подпрыгивает на месте, а потом ухает вниз и выполняет сальто прежде, чем войти в воду. Через несколько секунд он появляется на поверхности и машет мне. Я машу в ответ, а затем закрываю глаза, чтобы оценить свою ситуацию, потому что прыжки с утеса кажутся поворотным моментом, который стоит немного обдумать. Странно, но я обнаруживаю, что мне не хочется думать слишком много. Мне, как и Олли, просто хочется прыгнуть. Отыскиваю лицо Олли в воде и вижу, что он мне машет. Учитывая то, что может таиться в моем будущем, прыжки с утеса совсем не кажутся страшными.

РУКОВОДСТВО ПО ПРЫЖКАМ С УТЕСА

Уединенные земли Мауи – за пределами Каанапали.

долой

РУТИНУ

ПРЫЖКИ С УТЕСА

Вот что происходит, когда прыгаешь с утеса в тридцать футов в Тихий океан ногами вниз, при этом размахивая руками. Прыжок настолько волнует, что приходится кричать весь путь вниз. Удар воды по ногам сразу причиняет острую боль, а затем холодная соленая вода заливается прямо в нос. Под поверхностью темно, потому что глаза закрыты, тихо, не считая потока воды, наполняющего временный вакуум, который образовало твоё тело, холодно, не считая теплой зоны воздуха, которой обеспечивает тебя океан. Обратно выбираться приходится дольше, чем думал, и ты чувствуешь, будто находишься на другой планете или вообще нигде. Ты выныриваешь, и вода вытекает из носа и глаз, и ты становишься еще одним небольшим существом в этом огромном мире.

ЗАК

Вернувшись в отель, Олли звонит из нашего номера своему другу Заку. Полчаса спустя тот оказывается у нашей двери.

У Зака темная коричневая кожа, невероятные дреды и улыбка, которая слишком большая для его лица. Он сразу начинает играть на воображаемой гитаре и петь песню, которую я не знаю. Олли улыбается от уха до уха. Зак сильно дергает головой, пока "играет", и его волосы отбивают такт вместе с "музыкой".

- Зак! - говорит Олли и притягивает его в объятия. Они громко хлопают друг друга по спине.

- Теперь я Захария.

- С каких это пор? - спрашивает Олли.

- С тех пор, как решил стать богом рока. Захария это как...

- Мессия, - вставляю я, понимая смысл его шутки.

- Точно! Твоя девушка умнее тебя.

Я краснею и вижу, что Олли тоже покраснел.

- Ну, это мило, - говорит Зак, посмеиваясь и перебирая струны воображаемой гитары. Его смех напоминает мне Карлу - естественный, немного громкий и полный веселья. В этот момент я отчаянно по ней скучаю.

Олли поворачивается ко мне.

- Мэдди, это Зак.

- Захария.

- Чувак, я не буду тебя так называть. Зак, это Мэдди.

Зак берет меня за руку и быстро целует ее.

- Потрясающе с тобой познакомиться, Мэдди. Я много о тебе слышал, но не думал, что ты настоящая.

- Все нормально, - говорю я, изучая руку в том месте, где он ее поцеловал. - В некоторые дни так и есть.

Он снова очень громко смеется, и я обнаруживаю, что смеюсь вместе с ним.

- Замечательно, - прерывает Олли. - Давайте двигаться дальше. Здесь есть Локо Моко с именем Мэдди на нем.

Локо Моко это горка риса, поверх которой лежит мясная котлета, потом подливка, а потом два жареных яйца. Зак ведет нас в ресторан гавайской кухни на поздний ланч. Мы садимся за столик снаружи, океан находится всего в нескольких сотнях футов от нас.

- Это место самое лучшее, - говорит Зак. - Здесь едят все местные.

- Ты уже рассказал родителям? - спрашивает Олли между приемом пищи.

- Насчет моего желания стать рок-звездой или насчет того, что я гей?

- О том и о том.

- Неа.

- Почувствуешь себя лучше, когда все откроется.

- Не сомневаюсь, но уровень сложности немного высок.

Зак смотрит на меня.

- Мои родители верят только в три вещи: семья, образование и упорная работа. Под "семьей" я имею в виду одного мужчину, одну женщину, двух детей и собаку. Под "образованием" я имею в виду четыре года в колледже, а под "упорной работой" - никакого искусства. Или надежд. Или мечты стать рок-звездой.

Он снова смотрит на Олли, и сейчас взгляд его карих глаз стал намного серьезнее, чем прежде.

- Как я скажу своим родителям, что их сын-первенец хочет быть афро-американским Фредди Меркьюри?

- Они, должно быть, подозревают, - говорю я. - По крайней мере, насчет желания стать рок-звездой. Твои волосы имеют четыре разных оттенка красного.

- Они думают, что это такая стадия.

- Ты мог бы написать им песню.

Он взрываеться смехом.

- Ты мне нравишься, - говорит он.

- Ты мне тоже, - отвечаю я. - Ты мог бы назвать песню "Это яблоко упало очень, очень, очень далеко от яблони".

- Я даже не уверен, что я яблоко, - говорит, посмеиваясь, Зак.

- Вы ребята веселые, - говорит Олли, практически улыбаясь, но очевидно думая о чем-то своем. - Чувак, дай мне свой телефон, - говорит он Заку.

Зак дает ему телефон, и Олли сразу же начинает печатать.

- Что с тобой происходит? Отец все еще ведет себя, как ублюдок?

- А ты думал, это изменится? - Он не поднимает взгляда с телефона.

- Думаю, нет, - говорит Зак неуверенно. Насколько хорошо он знает семью Олли?

Его отец намного хуже простого ублюдка.

- А что насчет тебя, Мэдди? Что не так с твоими родителями?

- Есть только я и мама.

- Все равно. Должно быть, с ней что-то не так.

Моя мама, мама. Я едва думала о ней. Она, должно быть, с ума сходит от беспокойства.

- Ну, думаю со всеми что-то не так, да? Но моя мама умная и сильная, и всегда ставит меня на первое место.

Знаю, что поразила их, потому что никто не говорит.

Олли поднимает взгляд с телефона Зака.

- Ты должна сказать ей, что с тобой все в порядке, Мэд.

Он протягивает мне телефон и удаляется в уборную.

От: Мадлен Ф.Уиттер

Кому: genericuser033@gmail.com

Тема: (без темы)

Моя дочь у тебя? Она в порядке?

От: Мадлен Ф.Уиттер

Кому: genericuser033@gmail.com

Тема: (без темы)

Я знаю, что она с тобой. Ты не понимаешь, насколько она больна. Верни ее домой.

От: Мадлен Ф.Уиттер

Кому: genericuser033@gmail.com

Тема: (без темы)

Пожалуйста, скажи мне, где вы. Она может серьезно заболеть в любую минуту.

От: Мадлен Ф.Уиттер

Кому: genericuser033@gmail.com

Тема: (без темы)

Я знаю, где вы, и сажусь на следующий рейс. Буду там утром. Пожалуйста, береги ее.

Я перестаю читать, прижимаю телефон к груди и закрываю глаза. Чувствую одновременно вину, обиду и панику. Из-за ее обеспокоенности и боли мне хочется поехать к ней и убедить ее, что я в порядке. Эта часть меня хочет позволить ей уберечь меня.

Но другая часть меня, новая часть, не готова бросить мир, который я начинаю узнавать. Меня возмущает, что она влезла в мою личную переписку. Меня возмущает, что теперь у нас с Олли меньше времени, чем я думала.

Мои глаза так долго закрыты, что Зак наконец спрашивает, в порядке ли я.

Я открываю глаза и делаю глоток ананасового сока, кивая с трубочкой между зубами.

- Нет, правда. Ты хорошо себя чувствуешь? Олли сказал мне...

- Он сказал тебе, что я болею.

- Да.

- Я в порядке, - говорю я, понимая, что и правда это имею в виду. Я чувствую себя хорошо. Даже более, чем хорошо.

Смотрю на телефон. Мне нужно что-то ответить.

От: genericuser033@gmail.com

Кому: Мадлен Ф.Уиттер

Тема: (без темы)

Пожалуйста, мама, не беспокойся. И пожалуйста, не приезжай сюда. У меня правда все хорошо, и в жизни тоже. Люблю тебя. Скоро увидимся.

Нажимаю "Отправить" и отдаю телефон Заку. Он кладет его в карман и смотрит на меня.

- Так ты правда купила таблетки по интернету? - спрашивает он.

Я настолько потрясена сообщениями мамы и беспокоюсь, что у нас с Олли осталось мало времени друг для друга, что не готова услышать ложь, исходящую из моего рта. И поступаю так, как точно не стоит поступать, когда кому-то лжешь: не смотрю ему в глаза. Я ерзаю и краснею.

Открываю рот, чтобы объяснить, но объяснить не получается.

К тому времени, как я смотрю на него, он уже догадался о правде.

- Ты ему расскажешь? - спрашиваю я.

- Нет. Я уже очень долго вру о себе. Знаю, какого это.

Меня накрывает облегчение.

- Спасибо, - говорю я.

Он просто кивает.

- Что случится, если ты расскажешь своим родителям? - спрашиваю я.

Его ответ выходит мгновенно.

- Они попытаются заставить меня сделать выбор. И я не выберу их. Таким образом, все в выигрыше.

Он прислоняется к спинке стула и перебирает воображаемые струны.

- Приношу свои извинения группе The Rolling Stones, но мой первый альбом будет называться "Between Rock and Roll and a Hard Place⁹". Что думаешь?

Я смеюсь.

- Это ужасно.

Он снова становится серьезным.

- Может, взросление подразумевает обман людей, которых мы любим.

Это не вопрос, но все равно у меня нет ответа.

Поворачиваю голову и вижу Олли, который идет к нам.

- Все в порядке? - спрашивает он, а затем целует меня в лоб, потом в нос, а потом в губы.

Я решаю не говорить ему о неизбежном визите мамы. Мы просто используем наилучшим образом то время, которое у нас есть.

- Я никогда в жизни не чувствовала себя так хорошо, - говорю я. И я рада, что, по крайней мере, насчет этого мне не приходится лгать.

⁹ У группы The Rolling Stones есть песня "Rock and a Hard Place"

ШКАФ-КРОВАТЬ

Когда мы возвращаемся в отель, уже далеко за полдень. Олли включает свет и потолочный вентилятор, а затем кувырком запрыгивает на кровать.

Он лежит сначала на одной стороне, потом на другой.

- Эта сторона моя, - говорит он, имея в виду левую сторону ближе к двери. - Я сплю слева, - говорит он. - Ну чтобы ты знала. На будущее. - Он садится и прижимает ладони к матрасу. - Помнишь, я сказал насчет того, что эти кровати - апогей комфорта? Беру свои слова обратно.

- Ты нервничаешь? - выпаливаю я и включаю свет с правой стороны кровати.

- Нет, - отвечает он слишком быстро. Он перекатывается, сваливается с кровати на пол и остается там.

Я присаживаюсь на свой край и в качестве эксперимента подпрыгиваю. Матрас скрипит.

- Почему ты спишь слева, когда спишь один? - спрашиваю я. Забираюсь на кровать и ложусь. Он прав - она до умопомрачения неудобная.

- Может это ожидание, - говорит он.

- Ожидание чего?

Он не отвечает, поэтому я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. Он лежит на спине, его рука закинута поперек глаз.

- Компании, - говорит он.

Я поворачиваю голову, краснея.

- Ты как безнадежный романтик, - говорю я.

- Конечно. Конечно.

Наступает тишина. Вентиляторы над нами разгоняют по всей комнате теплый воздух. Сквозь двери я слышу звон лифтов и тихое бормотание проходящих голосов.

Несколько дней назад мне казалось, что одного дня вне стен дома достаточно, но сейчас, когда один день прошел, мне хочется больше. Я даже не знаю, хватит ли вечности.

- Да, - говорит через какое-то время Олли. - Я нервничаю.

- Почему?

Он делает вдох, и я не слышу, чтобы он выдыхал.

- Никогда ни к кому не чувствовал такого, что чувствую к тебе. - Он не старается говорить тихо. Если уж на то пошло, он произносит это очень громко и быстро, будто эти слова долго время бурлили в нем.

Я присаживаюсь, опираясь на локти, ложусь, снова присаживаюсь. Мы говорим о любви?

- Я тоже никогда такого не чувствовала, - шепчу я.

- Но для тебя это другое. - Я слышу разочарование в его голосе.

- Почему?

- У тебя все в первый раз, Мэдди. А у меня нет.

Я не понимаю. Если это впервые, то не значит, что это все менее настоящее, да? Даже у вселенной есть начало.

Он молчит. Чем больше я думаю о том, что он сказал, тем больше расстраиваюсь. Но затем я понимаю, что он не пытается проигнорировать или преуменьшить мои чувства. Он просто боится. Учитывая отсутствие у меня выбора, что если я просто автоматически его выбрала?

Он делает вдох.

- Умом я понимаю, что когда-то был влюблен, но сейчас по-другому. Эта любовь так не похожа на мою первую влюбленность. Мне кажется, что это в первый и в последний раз и на вечность.

- Олли, - говорю я, - обещаю тебе, что знаю свое сердце. И это совершенно не новое для меня.

Он забирается на кровать и вытягивает руку. Я сворачиваюсь возле него и кладу голову между его шеей и плечом - это место идеально для Мэдди.

- Я люблю тебя, Мэдди.

- Я тоже люблю тебя, Олли. Я влюбилась в тебя до того, как познакомилась с тобой.

Мы погружаемся в сон, свернувшись друг возле друга, и молчим, просто позволив миру вокруг шуметь за нас, потому что все остальные слова сейчас не имеют значения.

ВСЕ СЛОВА

Я медленно и неохотно просыпаюсь, пока не понимаю, что мы наделали. Смотрю на часы. Мы спали больше часа. У нас едва остается времени, часть которого мы проспали. Снова смотрю на часы. Десять минут на душ, еще десять, чтобы найти идеальное местечко на пляже и насладиться нашим первым и последним днем, подходящим к концу.

Бужу Олли и бегу одеваться. В ванной я надеваю безразмерное платье. Оно подходит всем, потому что юбка расширяется, а верх эластичен и может растягиваться и приспосабливаться подо всех. Решаю не убирать волосы резинкой и распускаю их. Они спадают волнами вокруг плеч и вниз по спине. Моя кожа в отражении зеркала светится теплым коричневым оттенком, а глаза сияют.

Я - картина здоровья.

Олли сидит на верхней перекладине перил веранды. Его расположение выглядит ненадежным, хоть он и держится за перила обеими руками. Я напоминаю себе, что он очень хорошо контролирует свое тело.

Он улыбается, даже более, чем улыбается, когда видит меня. Он Олли и снова не Олли - взгляд пронзительный, отслеживает мое приближение. Я ощущаю, как искрится каждый нерв в моем теле. Как он делает это, просто взглянув на меня? Влияю ли я так же на него? Останавливаюсь в стеклянных раздвижных дверях и смотрю на него. Он одет в обтягивающую черную футболку, черные шорты и черные сандалии - ангел смерти на каникулах.

- Иди сюда, - говорит он, и я устраиваюсь между его ног. Он замирает, и его хватка на перилах усиливается. Я вдыхаю его свежий запах и поднимаю голову. Его глаза чисты, как синее летнее озеро, дна которого я не могу разглядеть. Касаюсь своими губами его губ. Он спрыгивает с перил и подталкивает меня к столу. Не успеваю я опомниться, как я крепко прижата к нему, и он со стоном целует меня. Я открываюсь для него, и мы целимся до тех пор, пока у меня не заканчивается воздух, пока мое следующее дыхание не становится его дыханием. Мои руки устремляются к его плечам, задней части шеи, в его волосы. Они просто не знают, где остановиться. Я вся возбуждена. Мне хочется всего и сразу. Он разрывает наш поцелуй, и мы стоим, задыхаясь, соприкасаясь носами и лбами, его руки крепко впиваются в мои бедра, а мои - лежат на его груди.

- Мэдди. - Его глаза задают вопрос, и я отвечаю да. Потому что ответ всегда был положительным.

- А что насчет заката? - спрашивает он.

Я качаю головой.

- Завтра будет еще один.

Он выглядит расслабленным, и я не могу сдержать улыбку. Он ведет меня спиной через двери веранды, пока задняя часть моих колен не сталкивается с кроватью.

Я сажусь. А затем поднимаюсь. Проще прыгнуть с Блэк Рока, чем сделать это.

- Мэдди, необязательно это делать.

- Нет, я хочу. Я хочу этого.

Он кивает, а затем закрывает глаза, будто вспоминая что-то.

- Я должен пойти купить...

Я качаю головой.

- У меня есть.

- У тебя есть что? - спрашивает он, не понимая меня.

- Презервативы, Олли. У меня есть несколько.

- У тебя есть несколько.

- Да, - говорю я, все мое тело краснеет.

- И откуда?

- Из магазина сувениров. За четырнадцать девяносто девять. В этом месте есть все.

Он смотрит на меня, будто я небольшое чудо, а затем его улыбка превращается во что-то большее. Я оказываюсь на спине, а его руки стягивают мое платье.

- Снимай. Снимай, - говорит он.

Я встаю на колени и стягиваю платье через голову. Меня знобит на теплом воздухе.

- У тебя здесь тоже веснушки, - говорит он, скользя рукой по верхней части моей груди.

Я смотрю вниз, чтобы убедиться, и мы оба смеемся.

Он кладет руку на мою обнаженную талию.

- В тебе так много хорошего.

- Эм, в тебе тоже, - произношу я невнятно. Все слова в моей голове сменились одним - *Олли*.

Он стягивает футболку через голову, и мое тело берет верх над мозгом. Я пробегаю кончиками пальцев по гладким твердым мышцам его груди, погружаю их в ложбинку между ними. Мои губы следуют тем же путем, пробуя на вкус, лаская. Он ложится на спину и лежит неподвижно, позволяя мне исследовать его. А я поцелуями прокладываю дорожку до кончиков пальцев ног и обратно. Желание укусить его такое непреодолимое, что я не сопротивляюсь ему. Укус доводит его до грани, и он берет все под свой контроль. Мое тело горит в тех местах, где он не касается меня и где касается.

Мы собираем друг друга. Мы - сплетение губ, руки, ног и тел. Он нависает надо мной, и мы молчим. А потом соединяемся и молча двигаемся. Мы соединены, и я знаю все секреты вселенной.

СЛОВАРЬ МАДЛЕН

Бесконечность (б'и-ска-н'э-ч'нас'т') - сущ. ед.ч. 1. То состояние, когда не знаешь, где заканчивается одно тело и начинается другое: Наша радость бесконечна. [2015, Уиттер]

ПРИМЕЧАТЕЛЬНЫЙ МИР

Согласно теории Большого Взрыва, вселенная образовалась за одно мгновение - космический катаклизм дал начало черным дырам, коричневым карликам, материи и темной материи, энергии и темной энергии. Он породил галактики, звезды, луны, солнца, планеты и океаны. Идеи того, что до нас было время, сложно придерживаться. Время до времени.

Сначала не было ничего. А потом появилось все.

ЭТО ВРЕМЯ

Олли улыбается. Он не перестанет улыбаться. Он улыбается самыми разными улыбками, и мне приходится целовать его улыбающиеся губы. Один поцелуй ведет к десяти, пока поцелуи не прерываются бурчанием живота Олли.

Я разрываю поцелуй.

- Думаю, нам стоит съесть что-нибудь.

- Помимо тебя? - Он целует меня в нижнюю губу, а потом нежно прикусывает ее. - Ты вкусная, но несъедобная.

Я сажусь, придерживая одеяло у груди. Сейчас я не готова снова оголяться, несмотря на нашу близость. В отличие от меня Олли совсем не стесняется. Он одним движением встает с кровати и двигается по комнате, совершенно обнаженный. Я прислоняюсь к изголовью и просто наблюдаю, как он двигается - изящно и легко. Теперь он не темный ангел смерти.

Все сейчас другое и, в то же время, такое же. Я все еще Мэдди. Олли все еще Олли. Но каким-то образом мы оба - нечто большее. Я знаю его по-новому. И я чувствую, что меня тоже так знают.

Ресторан расположен на пляже, и наши столики смотрят на океан. Уже поздно - 9 часов вечера, - поэтому мы не можем рассмотреть синеву воды, только гребешки волн, которые накатывают на пляж. Мы слышим их, несмотря на музыку и разговоры вокруг.

- Думаешь, у них есть в меню спинорог? - поддразнивает Олли. Он шутит, что хочет съесть всю рыбу, которую мы встретили во время погружения.

- Предположу, что они не подают государственную рыбу, - говорю я.

Мы оба оголодали из-за активного дня, поэтому заказываем все закуски в меню: поке (тунец, замаринованный в соевом соусе), крабовые котлетки, креветки в кокосовой стружке, пельмени из омаров и свинина калуа. Мы не перестаем касаться друг друга весь ужин. Мы касаемся друг друга между приемами пищи и глотками ананасового сока. Он касается моей шеи, моей щеки, моих губ. Я касаюсь его пальцев, его рук, его груди. Теперь, соприкоснувшись так тесно, мы не можем остановиться.

Передвигаем стулья, чтобы сидеть рядом друг с другом. Он держит мою руку на своем колене, а я его - на своем. Мы смотрим друг на друга и смеемся безо всяких причин. Или по какой-то причине, потому что мир просто кажется удивительным. То, что мы познакомились, влюбились и сошлись - совсем не похоже на то, что мы оба считали возможным.

Олли заказывает вторую порцию пельменей из омаров.

- Из-за тебя я такой голодный, - мурлычет он, поигрывая бровями. Он касается моей щеки, и я краснею. Это блюдо мы едим медленнее, потому что оно последнее. Может если мы просто будем сидеть здесь, если не будем осознавать, что время проходит, то этому слишком идеальному дню не придется заканчиваться?

Когда мы уходим, официантка говорит нам приходить еще, и Олли обещает, что так и будет.

Мы уходим от огней ресторана и направляемся к потемневшему пляжу. Луна прячется над облаками. Мы снимаем обувь, подходим к кромке воды и погружаем кончики пальцев в холодный песок. Волны в ночное время накатывают на берег сильнее и громче, чем в дневное. Чем дальше мы идем, тем меньше народу встречаем, пока не начинает казаться, что цивилизация осталась позади нас. Олли выводит нас на сухой песок, и мы находим местечко, чтобы присесть.

Он берет меня за руку и целует в ладонь.

- Мой папа извинился перед нами после первого избиения. - Он выпаливает предложение на одном дыхании. Секунда уходит на то, чтобы понять, о чем он говорит.

- Он плакал.

Ночь настолько темная, что я больше чувствую, чем вижу, как он качает головой.

- Они усадили нас, и он сказал, что ему жаль. Он сказал, что такого больше не будет. Помню, Кара так злилась, что даже не смотрела на него. Она знала, что он лжец, но я верил ему. Мама тоже верила. Она сказала нам забыть об этом. Она сказала : "Твой отец через многое прошел". Она сказала, что простила его, и мы тоже должны простить.

Он отпускает мою руку.

- Следующий год он не бил ее. Он слишком много пил. Кричал на нее. Кричал на нас всех. Но долгое время не бил.

Я на мгновение задерживаю дыхание и задаю вопрос, который хотела задать.

- Почему она не ушла от него?

Он фыркает, и его голос становится резким.

- Не думай, что я не спрашивал ее. - Он ложится на песок и сцепляет руки под головой. - Думаю, если бы он бил ее чаще, она бы ушла от него. Если бы он был более ублюдочным, может, мы бы в конце концов ушли от него. Но он всегда извинялся, а она всегда ему верила.

Я кладу руку на его живот, нуждаясь в контакте. Думаю, ему тоже это нужно, но он садится, прижимает колени к груди и упирается в них локтями. Его тело принимает форму клетки, в которую я не могу пробраться.

- Что она говорила, когда ты ее спрашивал?

- Ничего. Она больше не говорит об этом. Обычно она говорила, что мы поймем, когда станем старше, когда будем в отношениях.

Я удивляюсь злости в его голосе. Никогда бы не подумала, что он злится на свою маму. На папу, да, но не на нее.

Он снова фыркает.

- Она говорит, что любовь сводит людей с ума.

- Ты в это веришь?

- Да. Нет. Может быть.

- Ты не должен использовать все эти ответы, - говорю я.

Он улыбается в темноте.

- Да, верю.

- Почему?

- В любом случае, я здесь с тобой в Гавайи. Мне нелегко оставлять их с ним наедине.

Я подавляю вину прежде, чем она вырвется на поверхность.

- А ты в это веришь? - спрашивает он.

- Да. Несомненно.

- Почему?

- В любом случае, я здесь с тобой в Гавайи, - отвечаю я, повторяя его слова. - Если бы не ты, я бы никогда не вышла из своего дома.

- Итак, - говорит он, опускает ноги и берет меня за руку. - Чем займемся?

Я не знаю ответа на этот вопрос. Единственное, в чем я точно уверена - мое пребывание здесь с Олли, способность любить его и быть любимой им, для меня все.

- Тогда ты должен уйти, - говорю я. - Там ты не в безопасности. - Я говорю это не потому, что он этого не знает. Он пойман в ловушку тех же воспоминаний о любви, о лучших временах, что и его мама, и этого недостаточно.

Я кладу руку на его плечо, и мы вместе наблюдаем за почти черным океаном. Мы наблюдаем, как вода отступает, передумывает и врезается в песок, пытаясь стереть землю. И даже несмотря на неудачу, она отступает и снова и снова ударяется о берег, будто нет прошлого и нет будущего - есть только это время, и это время идет в расчет.

СПИРАЛЬ

КОНЕЦ

Кто-то поместил меня в духовку и запер дверцу.

Кто-то облил меня керосином и поджег спичку.

Я медленно просыпаюсь, мое тело горит огнем, исчезая во вспышках пламени.

Простыни холодные и сырье. Я утопаю в поту.

Что со мной происходит? Через какое-то мгновение я понимаю, что многое не так.

Я дрожу. Я даже более, чем дрожу. Я бесконтрольно тряусь, а голова болит. Мой мозг сжимают в тисках. Боль исходит волнами и врезает в нервы за глазами.

Мое тело - свежая рана. Даже кожа болит.

Сначала я думаю, что мне, должно быть, снится сон, но сны никогда не бывают такими четкими. Я пытаюсь сесть, притянуть одеяло поближе, но не получается. Олли все еще спит и лежит поверх одеяла.

Я снова пытаюсь сесть, но боль хоронит себя глубоко внутри моих костей.

Тиски вокруг моего мозга сжимаются, и теперь это похоже на ледоруб, бессистемно вонзающийся в плоть.

Я пытаюсь выкрикнуть, но горло саднит, будто я несколько дней подряд кричала.

Я болею.

Я более, чем болею. Я умираю.

Ох, Господи. Олли.

Это разобьет ему сердце.

Он просыпается, как только эта мысль приходит мне в голову.

- Мэд? - задает он вопрос в темноту.

Он включает прикроватную лампу, и мои глаза обжигает. Я крепко сжимаю их и пытаюсь отвернуться. Мне не хочется, чтобы он видел меня такой, но слишком поздно. Вижу, как выражение его лица из озадаченного становится понимающим, недоверчивым. А затем появляется ужас.

- Извини, - говорю я или пытаюсь сказать, но не думаю, что мои слова проходят через губы.

Он касается моего лица, моей шеи, моего лба.

- Господи, - говорит он снова и снова. - Господи.

Он откидывает одеяло, и мне холоднее, чем я думала.

- Господи, Мэдди, ты горишь.

- Холодно, - хриплю я, и он выглядит еще более напуганным.

Он накрывает меня и берет в ладони мою голову, целует во влажную бровь, губы.

- Ты в порядке, - говорит он. - Ты будешь в порядке.

Я не в порядке, но с его стороны мило говорить такое. Мое тело пульсирует от боли, и кажется, что горло опухает. Мне недостаточно воздуха.

- Мне нужно вызвать скорую, - слышу, как говорит он.

Перекатываю голову вбок. Когда он успел добраться до той части комнаты? Где мы? Он говорит по телефону. Он говорит о ком-то. Что этот кто-то заболел. Кто-то заболел. Умирает. Критическое состояние. Таблетки не работают.

Он говорит обо мне.

Он плачет. Не плачь. Кара будет в порядке. Твоя мама будет в порядке. Ты будешь в порядке.

Кровать прогибается. Меня засасывает в трясину. Кто-то пытается меня вытянуть. Его руки горячие. Почему они такие горячие?

Что-то светится в другой его руке. Это сотовый. Он что-то говорит, но слов не разобрать. Что-то. Мама. Твоя мама.

Да. Мама. Мне нужна моя мама. Она уже в пути. Надеюсь, она близко.

Я закрываю глаза и сжимаю его пальцы.

Мое время истекло.

Moe.

Сердце.

Останавливается.

И снова начинает биться.

ОСВОБОЖДЕНИЕ, ЧАСТЬ 1

Форма выписки

Запись №

Имя пациента: Уиттер, Мэдлен М. нахождения мед. центр Маунт Мемориал

Дата поступления

Дата выписки

Врач Фрэнсис, Мелисса

Демография	В.: <u>18</u> лет или дата рождения: <u>5 / 2 / 1996</u> Пол: ☐ Мж ☒ Ж Раса: ☐ белая ☐ афро-американская ☐ азиатская ☒ испанская ☐ кор. американская ☐ многорасовая ☐ другая ☐ не определена
Сердечная диагностика	☐ боль в груди, инф. иск. ☐ подтвержденный ИМ ☐ ИСН Отек легких ☐ ишемическая болезнь сердца ☐ нестаб. стенокардия ☐ обморок ☐ церебр. сосудистое расстр. ☐ сосудистое заболевание ☒ другие
Процедуры	☐ отс. ☐ зондирование сердца ☐ РТСА ☐ РТСА со стентир. ☐ ЧКА ☒ реовазография ☐ НТ ☐ ЭТТ ☐ шунтирование ☐ сердечный клапан ☐ ☐ РА ☐ стресс-эхокард. ☐ другие
История болезни пациента	☐ пред. инфаркты ☐ стенокардия ☐ серд. недост. ☐ гипертония ☐ диабет ☐ почечная недостат. ☐ курильщик (в течение года) ☐ отсутствие регулярных занятий спортом ☐ БПС ☐ инсульт ☐ ХОП ☐ мерцат. артмия ☒ неизвестна ☐ ничего из вышеперечисленного
Статус выписки	☐ 01 - Выписка домой ☒ 07 - Выписка вопреки мед. рекомендациям ☐ 02 - Выписка в другое мед. учреждение ☐ 10 - Перевод в стационар или в реаб. клинику ☐ 03 - Выписка в учреждение с сестр. уходом ☐ 11 - Выписка с назначением лечения псих. расстройств ☐ 04 - Выписка в учреждение для пациентов, нужд. в уходе ☐ 12 - Другое ☐ 06 - Выписка с учетом мед. помощи на дому ☐ 13 - Смерть

ВОСКРЕШЕНИЕ

Я не помню многоного, только беспорядочный наплыв картинок. Скорая. Один укол в ногу. Второй. Адреналин устремляется завести мое сердце. Сирены воют вдалеке, а затем вблизи. Телевизор мерцает синим и белым в верхнем углу комнаты. Аппараты гудят и моргают весь день и всю ночь, бдя непрерывно. Женщины и мужчины в белыхiformах. Стетоскопы, иголки и антисептики.

А затем этот запах авиатоплива, этот запах, который приветствовал меня прежде, леи и грубое одеяло, дважды обернутое вокруг меня. И почему место у окна имеет значение, когда приближается сумрак?

Я помню лицо мамы, и что ее слезы могли бы образовать море.

Помню, как синие глаза Олли стали черными. Я закрыла свои глаза, увидев в его взгляде сожаление, облегчение и любовь.

Я в пути к дому. И останусь в нем в ловушке навечно.

Я жива, но не хочу жить.

И СНОВА ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ

Мама превратила мою спальню в больничную палату. Подушки подпирают мою спину, ко мне присоединена капельница. Меня окружают мониторы. Я не ем ничего, кроме Джелло.

Каждый раз, как я просыпаюсь, мама у кровати. Она трогает мой лоб и говорит со мной. Иногда я пытаюсь сконцентрироваться, понять, что она говорит, но звук вне моей досягаемости.

Просыпаюсь через какое-то время (часы? дни?) и вижу, что она стоит надо мной, хмуро посматривая на планшет. Я закрываю глаза и исследую свое тело. Ничего не болит, или лучше сказать, ничего не болит так сильно. Проверяю свою голову, горло, ноги. Снова открываю глаза и вижу, что она собирается погрузить меня в сон.

- Нет! - Я сажусь слишком быстро. Голова кружится, меня тошнит. Я собираюсь сказать, что *в порядке*, но ничего не выходит.

Прочищаю горло и снова пытаюсь.

- Пожалуйста, больше не заставляй меня спать. - Мне, по крайней мере, нужно быть в сознании, если хочу быть живой.

- Со мной все *в порядке*? - спрашиваю я.

- Все *в порядке*. Ты будешь *в порядке*, - говорит она. Ее голос дрожит, а потом срывается.

Я принимаю сидячее положение и смотрю на нее. Ее кожа бледная, практически прозрачная, и очень сильно обтягивает ее лицо. Неприятная синяя вена тянется от линии ее волос к веку. Я вижу другие синие вены под кожей ее предплечий и запястий. У нее напуганный, недоверчивый взгляд человека, который стал свидетелем чего-то ужасного и теперь ждет, когда произойдет еще что-то кошмарное.

- Как ты могла сделать это с собой? Ты могла умереть, - шепчет она.

Она делает шаг вперед, прижимает планшет к груди.

- Как ты могла сделать это со мной? После всего?

Мне хочется что-то сказать. Открываю рот, но ничего не выходит.

Моя вина - это океан, в котором я тону.

Остаюсь в кровати после того, как она уходит. Не встаю, чтобы потянуться, а поворачиваюсь к окну. О чем я сожалею? Прежде всего о том, что вышла на улицу. Что увидела и влюбилась в мир. Что влюбилась в Олли. Как теперь мне жить в этом пузыре, когда я знаю, что упускаю?

Закрываю глаза и пытаюсь заснуть. Но меня не покидает образ маминого лица, безрассудная любовь в ее глазах. Я решаю, что любовь - ужасная, ужасная вещь. Такая же отчаянная любовь к кому-то, как мамина ко мне, должно быть, похожа на то, будто ты несешь свое сердце вне тела, и его не защищают ни кожа, ни кости, ничего.

Любовь - ужасная вещь, а ее потеря еще хуже.

Любовь - ужасная вещь, и я не хочу иметь с ней ничего общего.

ОСВОБОЖДЕНИЕ, ЧАСТЬ 2

Среда, 18:56.

Олли: господи где ты была?

Олли: ты в порядке?

Мадлен: Да.

Олли: что говорит твоя мама?

Олли: ты будешь в порядке?

Мадлен: Я в порядке, Олли.

Олли: я пытался пробраться к тебе, но твоя мама не позволила

Мадлен: Она меня защищает.

Олли: я знаю

Мадлен: Спасибо, что спас мне жизнь.

Мадлен: Извини, что заставила тебя пройти через это.

Олли: ты не должна благодарить меня

Мадлен: Все равно спасибо.

Олли: ты уверена что в порядке?

Мадлен: Пожалуйста, не спрашивай меня больше об этом.

Олли: извини

Мадлен: Не надо.

Позже, 21:33.

Олли: приятно снова с тобой переписываться

Олли: ты была ужасным мимом

Олли: скажи что-нибудь

Олли: я знаю что ты расстроена Мэд но по крайней мере ты жива

Олли: мы поговорим с твоей мамой как только тебе станет лучше. может я смогу прийти

Олли: я знаю что это не все Мэд но это лучше чем ничего

Позже, 00:45.

Мадлен: Это не лучше, чем ничего. Это совершенно хуже, чем ничего.

Олли: что?

Мадлен: Думаешь, мы можем вернуться к тому, что было?

Мадлен: Хочешь проходить дезинфекцию, хочешь коротких посещений, никаких прикосновений, поцелуев и будущего?

Мадлен: Ты говоришь, этого достаточно для тебя?

Олли: это лучше чем ничего

Мадлен: Нет, не лучше. Прекрати это говорить.

Позже, 02:33.

Олли: что насчет таблеток?

Мадлен: А что насчет них?

Олли: они действовали пару дней. может в конце концов они их одобрят

Олли: мэдди?

Мадлен: Никаких таблеток не было.

Олли: что ты имеешь в виду?

Мадлен: Не было никаких таблеток. Я сказала тебе это, чтобы ты поехал со мной.

Олли: ты солгала мне?

Олли: но ты могла умереть и это была бы моя вина

Мадлен: Я - не твоя ответственность.

Позже, 03:42.

Мадлен: Я хотела всего, олли. Я хотела тебя и весь мир. Я хотела всего.

Мадлен: Я больше так не могу.

Олли: чего не можешь?

Мадлен: Больше никаких переписок. Больше никаких сообщений. Это слишком сложно. Я не могу вернуться. Мама была права. Моя жизнь прежде была лучше.

Олли: лучше для кого?

Олли: не делай этого Мэдди

Олли: моя жизнь лучше когда в ней ты

Мадлен: А моя нет.

<Мадлен вышла из сети>

ЖИЗНЬ КОРОТКА™

Рецензия от Мадлен

«ЧЕЛОВЕК-НЕВИДИМКА» РАЛЬФ ЭЛЛИСОН

Внимание, спойлер: Ты не существуешь, если никто тебя не видит.

ГЕОГРАФИЯ

Я нахожусь в бескрайнем поле с красными маками. Маки на зеленых стеблях тянутся до талии и имеют такой красный цвет, что кажется, будто это кровь. Вдали вижу одного Олли, а затем двух, а потом ко мне марширует множество Олли. Они одеты в противогазы, держат в руках наручники и сминают маки своими черными ботинками, направляясь ко мне, молча и решительно.

Сон не покидает меня. Мой день проходит в сознании, но как во сне, и я стараюсь не думать об Олли. Я стараюсь не думать о том, как увидела его в первый раз. Как он казался мне кем-то с другой планеты. Я стараюсь не думать о Бундте, стойках на голове, поцелуях и бархатном песке. О том, что второй, третий и четвертый поцелуи были такими же потрясающими, как и первый. Я стараюсь не думать о том, как он двигался внутри меня, и как мы двигались вместе. Я стараюсь не думать о нем, потому что если думаю, то мне приходится думать о том, как несколько дней назад я была привязана к нему и миру.

Мне приходится думать о надежде, которая у меня была. О том, как я дурила себя, думая, что я - чудо. О том, что мир, частью которого я так сильно хотела быть, не хотел моего возвращения.

Я должна отпустить Олли. Я выучила урок. Любовь может убить, а я лучше буду живой, чем жить где-то там.

Как-то я сказала Олли, что знала свое сердце лучше, чем что-либо другое, и это все еще правда. Я знаю места в своем сердце, но названия изменились.

КАРТА ОТЧАЯНИЯ

ЖИЗНЬ КОРОТКА™

Рецензия от Мадлен

«НЕЗНАКОМЕЦ» АЛЬБЕРТ КАМЮ

«В ОЖИДАНИИ ГОГО» СЭМЮЭЛЬ БЕККЕТ

«ТОШНОТА» ЖАН-ПОЛЬ САРТР

Внимание, спойлер: Все это ничего.

ВЫБРАТЬ ВСЕ, УДАЛИТЬ

Email

НАПИСАТЬ

входящие (64)
отправленные
черновики
удаленные
больше ▾

☒	genericuser033	лимерик №1	6:14
☒	genericuser033	пожалуйста мэдди	6:05
☒	genericuser033	у меня тут монолог	5:59
☒	genericuser033	я не отстану	5:50
☒	genericuser033	если ты когла-нибудь появишься	5:41
☒	genericuser033	заархивировать	5:32
☒	genericuser033	переместить	5:22
☒	genericuser033	удалить	5:22
☒	genericuser033	мама готовит (эксклюзивное фото)	5:19
☒	genericuser033	значение мэдди часть четвертая	5:08
☒	genericuser033	свежие новости о страдании	5:01
☒	genericuser033	снова я	

ПРИТВОРСТВО

С каждым днем я становлюсь сильнее. Ничего не болит, кроме сердца, но я стараюсь не следовать ему. Занавески закрыты. Я читаю книги - жизненные или нигилистические. Я не терплю книг, которые ссылаются на то, что жизнь имеет смысл. Я не терплю счастливые развязки.

Я не думаю об Олли. Он посыпает мне сообщения, которые я удаляю, не прочитав.

Через две недели я достаточно сильна, чтобы возобновить некоторые занятия. Еще через две недели я возобновляю все занятия.

Я не думаю об Олли. Удаляю еще больше его сообщений.

Мама все еще пытается восстановить меня. Она ходит вокруг да около. И беспокоится, суетится, распоряжается. Теперь, когда я сильнее, она вовлекает меня в наши вечера мама-дочка. Ей, как и Олли, хочется, чтобы наши жизни стали, как прежде. Мне не нравятся наши совместные вечера - мне вообще ничего не нравится, - но я делаю это ради нее. Она потеряла больше веса. Я тревожусь и не знаю, как это исправить, поэтому играю в Фонетический Скрэбл, Почетную Угадайку, смотрю фильмы и притворяюсь.

Олли перестает писать.

- Я попросила Карлу вернуться, - говорит она однажды после ужина.

- Я думала, ты ей больше не доверяешь.

- Но я доверяю тебе. Ты научилась на собственных ошибках. Кое-что ты просто должна испытать сама.

ВОССОЕДИНЕНИЕ

На следующий день появляется Карла. Ее суeta даже более *суетная*, чем обычно, и она притворяется, что времени прошло совсем ничего.

Она сразу сгребает меня в объятия.

- Извини, - говорит она. - Это все моя вина.

Я крепко прижимаюсь к ней, не желая разваливаться на части. Если заплачу, то все будет взаправду. Мне правда придется жить этой жизнью. Я правда никогда больше не увижу Олли.

Я стараюсь держаться, но не могу. Она - мягкая подушка, в которую можно выплакаться. Как только начинаю плакать, не могу целый час остановиться. Карла вся промокла, а слез у меня не осталось. Разве слезы могут закончиться? задаюсь вопросом я.

И сама же отвечаю себе, плача еще больше.

- Как твоя мама? - спрашивает она, когда я наконец успокаиваюсь.

- Она не ненавидит меня.

- Мамы не знают, как ненавидеть своих детей. Они слишком сильно их любят.

- Но она должна. Я ужасная дочь. Я натворила ужасных дел.

Снова появляются слезы, но Карла вытирает их.

- А твой Олли?

Я качаю головой. Я бы все рассказала Карле, но не это. Мое сердце слишком раздавлено, и мне хочется сохранить боль, как воспоминание. Мне не хочется для него солнечного света. Мне не хочется, чтобы оно излечилось. Потому что если это произойдет, то я испытую соблазн снова им воспользоваться.

Мы погружаемся в обычную рутину. Каждый день похож на предыдущий и ненамного отличается от последующего. *А роза упала на лапу Азора*. Я работаю над моделью библиотеки, лестница которой похожа на лестницу Эшера и уходит в никуда. Снаружи доносится грохот, а потом гудок. В этот раз я сразу понимаю, что это.

Сначала я отказываюсь подходить к окну. Но Карла идет и рассказывает, что видит. Это грузовик для перевозки мебели фирмы "Two Brothers Moving". Братья выбираются из грузовика и разгружают контейнера, пустые коробки и упаковочную ленту. Они говорят с мамой Олли. Кара и Олли стоят рядом. Папы не видно, говорит она.

Любопытство берет верх, и я у окна, выглядываю из-за занавески. Карла права. Отца Олли нигде нет. Олли, Кара и их мама суетятся. Они вбегают и выбегают из дома, выставляя упакованные коробки и вздувшиеся мусорные пакеты на крыльце, чтобы рабочие загрузили их в грузовик. Никто не говорит. Даже отсюда я могу сказать, что его мама нервничает. Каждые несколько минут Олли останавливается и обнимает ее. Она прижимается к нему, и он похлопывает ее по спине. Кара не присоединяется к ним. Теперь она курит в открытую, стряхивая пепел с сигареты прямо на крыльце.

Я стараюсь не концентрироваться только на Олли, но это невозможно. Моему сердцу наплевать, что думает мозг. Я точно вижу, что он чувствует мой взгляд на себе. Он перестает что-то делать и поворачивается. Наши взгляды встречаются. Все не так, как в первый раз. В первый раз дело было в перспективе. Даже тогда какая-то часть меня знала, что я влюблюсь в него.

В этот раз все дело в определенности. Я уже знаю, что люблю его, и знаю, что не перестану любить.

Он поднимает руку, чтобы помахать. Я отпускаю занавеску, отворачиваюсь и прижимаюсь спиной к стене, тяжело дыша.

Как бы мне хотелось стереть последние несколько месяцев, когда я знала его. Я бы осталась в своей комнате. Услышала бы гудок грузовика у соседней двери и осталась бы на своем белом диване в своей белой комнате, читая новенькую книгу. Я бы помнила свое прошлое, а затем запомнила бы никогда не повторять его.

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА СОСЕДЯМИ №3

Расписание ЕГО папы:

- 9:00 - Уходит на работу
- 20:30 - Поднимается, пошатываясь, на крыльце и входит в дом. Уже пьян?
- 21:00 - Снова появляется на крыльце, в руке напиток.
- 22:15 - Засыпает на синем стуле.
- Чуть позже: Входит, пошатываясь, в дом.

Расписание ЕГО мамы:

Неизвестно.

Расписание Кары:

Неизвестно.

Расписание Олли:

Неизвестно.

ПЯТЬ СЛОГОВ

Месяц спустя, как раз после Рождества, уезжает и его папа. Я в окно наблюдаю, как он несет в грузовик несколько коробок. Надеюсь несмотря ни на что, что он не поедет туда, где Олли, Кара и их мама.

Несколько дней подряд я смотрю на их дом, задаваясь вопросом, как он может до сих пор выглядеть таким же - цельным и похожим на дом, - когда нет никого, кто сделал бы его домом.

Проходит еще пара дней прежде, чем я наконец читаю письма, которые отправил мне Олли. Они до сих пор в корзине, где я и ожидала их увидеть.

От: genericuser033

Кому: Мадлен Ф. Уиттер<madeline.whittier@gmail.com>

Тема: лимерик №1

Отправлено: 16 октября, 20:07

однажды жила девушка по имени мадлен
которая пронзила мое сердце копьем
и сказал я когда умирал
(как отступление)
есть ли еще рифма для мадлен?

От: genericuser033

Кому: Мадлен Ф. Уиттер<madeline.whittier@gmail.com>

Тема: лимерик №2

Отправлено: 17 октября, 20:03

однажды жила девушка в пузыре
которая как я подозревал была самой настоящей бедой
и все равно я отдал ей сердце
но она разорвала его в клочья
и не осталось у меня ничего кроме обломков

Я смеюсь до слез. Он, должно быть, действительно был очень расстроен, потому что прислал лимерики вместо хокку.

Остальные его сообщения менее поэтичны. Он говорит, что пытался убедить свою маму принять помощь и старался спасти Кару от себя самой. Он не уверен, какой разговор с мамой наконец убедил ее. Так могло произойти потому, что он сказал ей, что больше не сможет быть частью семьи, если она останется. Иногда приходится уходить от тех, кого любишь больше всего, сказал он. Или, как он говорит, так могло произойти потому, что он наконец рассказал ей обо мне и о моей болезни. И что я хочу делать все только для того, чтобы просто жить. Он говорит, что она считает меня храброй.

ПОСЛЕДНЕЕ ЕГО ПИСЬМО - ХОККУ

От: genericuser033

Кому: Мадлен Ф. Уиттер<madeline.whittier@gmail.com>

Тема: хокку №1

Отправлено: 31 октября, 21:07

здесь четыре слога
а здесь еще семь
я люблю тебя мэдди

ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС

Математика говорит, что нельзя предсказать будущее. Выясняется, что и прошлое тоже нельзя предсказать. Время движется в двух направлениях - вперед и назад, - и то, что происходит здесь и сейчас, меняет эти направления.

ЛИЧНО ДЛЯ МЕНЯ

От: Доктор Мелисса Фрэнсис
Кому: madeline.whittier@gmail.com
Тема: Результаты теста - ЛИЧНО ДЛЯ ВАС
Отправлено: 29 декабря, 08:03

Мисс Уиттер,

Вы, возможно, меня не помните. Меня зовут доктор Мелисса Фрэнсис. Я наблюдала вас в течение двух часов в Мауи Мемориал на Гавайях два месяца назад.

Я решила, что необходимо связаться напрямую с вами. Вам нужно знать, что я очень пристально изучила ваш случай. И я не верю, что у вас есть, или был ТКИД.

Знаю, что это, должно быть, удар для вас. Я прикрепила несколько результатов анализов и рекомендую вам получить второе (и третье) заключение специалиста.

Я считаю, что вам стоит нанять другого врача, кроме вашей мамы, чтобы проверить мои полученные результаты. Врачи никогда не должны практиковаться на своей семье.

С медицинской точки зрения, на Гавайях у вас был миокардит¹⁰, вызванный вирусной инфекцией. Я считаю, что ваша иммунная система очень хрупка, принимая во внимание мои подозрения насчет природы вашего возвращения.

Пожалуйста, задавайте мне все вопросы, которые появятся. Удачи.

С наилучшими пожеланиями,
Доктор Мелисса Фрэнсис.

¹⁰ Миокардит — поражение сердечной мышцы, миокарда. Обычно поражения носят воспалительный характер

ЗАЩИТА

Я перечитываю письмо шесть раз прежде, чем буквы формируются в слова, а слова в предложения, которые я могу понять. Но даже сейчас значение всех этих слов ускользает от меня. Я переключаю внимание на прикрепленный файл с результатами анализов. Все показатели в норме - не слишком высокие и не слишком низкие.

Конечно, это какая-то ошибка. Конечно, это неверно. Доктор Фрэнсис перепутала мою историю болезни с чьей-то другой. Есть еще одна Мадлен Уиттер. Она - врач без опыта. Мир непреднамеренно жесток.

Не исключено, что это правда, но все равно. Распечатываю письмо и результаты анализов. Я не двигаюсь медленно. Время не ускоряется и не замедляется.

Слова на распечатке не отличаются от слов на экране, но кажутся тяжелее, весомее. Но они не могут быть правдой. Невозможно, чтобы они были правдой.

В течение часа я ищу информацию в интернете по каждому анализу, пытаясь понять, что они все значат. Конечно, интернет не может сказать мне, правильные ли результаты, не может сказать, обычный ли я подросток с обычным здоровьем.

А я знаю. Я знаю, что это ошибка. Но все равно мои ноги несут меня вниз по лестнице и через столовую к маминому кабинету. В столовой ее нет, нет и в кабинете. Направляюсь в ее спальню и тихонько стучу, руки трясутся. Она не отвечает. Я слышу звук воды. Возможно, она в ванной, готовится ко сну. Стучу громче.

- Мам, - зову я и поворачиваю ручку.

Она как раз выходит из ванной и выключает свет, когда я захожу.

По ее все еще изнуренному лицу расползается улыбка, когда она видит меня. Ее скулы острые и выступают на узком лице. Темные круги под глазами, которыми я ее наградила, кажется, стали постоянными. На ней нет макияжа, а волосы свободно свисают вокруг плеч. Черная шелковая пижама висит на ее тонкой фигуре.

- Привет, милая, - говорит она. - Ты пришла поспать со мной? - На ее лице отражается надежда, и мне хочется сказать да.

Я захожу в комнату, потряхивая листами.

- Это от доктора из Мауи. - Я снова смотрю на нее имя, хотя знаю его. - Доктор Мелисса Фрэнсис. Ты с ней встречалась?

Если бы я не находилась так близко к ней, то и не заметила бы, как она оцепенела.

- Я многих докторов встречала на Мауи, Мадлен. - Ее голос напряжен.

- Мам, извини...

Она поднимает руку, прерывая меня.

- Что это, Мадлен?

Я делаю еще шаг.

- Это письмо. Она, доктор Фрэнсис, думает, что я не болею.

Она смотрит на меня так, будто я не говорила. Долгое время она молчит, и я начинаю задаваться вопросом, сказала ли я хоть что-то.

- О чём ты говоришь?

- Она говорит, что по ее мнению у меня нет ТКИД. Она не думает, что я когда-то им болела.

Она опускается на край кровати.

- Ох, нет. Поэтому ты пришла ко мне?

Ее голос нежный, сожалеющий.

- Она дала тебе надежду, да?

Она подзывает меня и предлагает присесть. Берет письмо из моих рук и обнимает меня.

- Извини, но это не правда, - говорит она.

Я оседаю в ее руках. Она права. Мне дали надежду. Ее руки так хорошо ощущаются вокруг меня. Я чувствую тепло, защиту и безопасность.

Она гладит мои волосы.

- Мне жаль, что тебе пришлось увидеть это. Это так безответственно.

- Все в порядке, - говорю я ей в плечо. - Я знала, что это ошибка. Мне не дали надежду.

Она отклоняется, чтобы посмотреть мне в глаза.

- Конечно, это ошибка.

Ее глаза заполняются слезами, и она притягивает меня обратно в объятия.

- Синдром ТКИД такой редкий и сложный, милая. Не все понимают это. У него так много форм, и каждый реагирует по-разному.

Она снова отклоняется и смотрит мне в глаза, чтобы убедиться, что я слушаю и понимаю. Ее речь замедляется, а тон становится благожелательным - это голос доктора.

- Ты сама это видела, да? Некоторое время у тебя все было хорошо, а затем ты почти умерла в реанимации. Иммунная система штука сложная.

Она хмуро смотрит на листки в своей руке.

- И эта доктор Фрэнсис не знает полной картины твоей болезни. Она просто увидела крошечную частицу. Она не находилась с тобой все это время.

Выражение ее лица становится более хмурым. Эта ошибка расстраивает ее больше, чем меня.

- Мам, все в порядке, - говорю я. - Я все равно в это не поверила.

Не думаю, что она меня слышит.

- Я должна была защитить тебя, - говорит она.

- Я знаю, мам. - Мне больше не хочется об этом с ней говорить. Придвигаюсь к ней.

- Я должна была защитить тебя, - говорит она в мои волосы.

И это последнее "Я должна была защитить тебя" заставляет часть меня притихнуть.

В ее голосе я слышу неуверенность, которую не ожидаю услышать и не могу объяснить.

Я пытаюсь отодвинуться, чтобы посмотреть на ее лицо, но она крепко держит меня.

- Мам, - говорю я, дергаясь сильнее.

Она отпускает меня и гладит по лицу свободной рукой.

Я хмурюсь.

- Могу забрать? - спрашиваю я, имея в виду бумаги в ее руке.

Она смотрит вниз и кажется озадаченной тем, как они попали к ней.

- Тебе это не нужно, - говорит он, но все равно отдает их мне.

- Хочешь поспать со мной? - снова спрашивает она, похлопывая рукой по кровати.

- Мне будет лучше, если ты останешься.

Но я не уверена, что мне будет лучше.

СЛОВАРЬ МАДЛЕН

Подозрение (па-да-зр'э-н'и-й'э) сущ. ед.ч. 1. Правда, в которую не веришь, не можешь поверить и не поверишь: Из-за подозрения на счет мамы она не спит всю ночь. | Ее подозрение, что мир над ней смеется, крепнет все больше. [2015, Уиттер]

САМОСОЗНАНИЕ

Карла едва заходит, как я набрасываюсь на нее с письмом. Она читает его, и ее глаза округляются с каждым предложением.

Она хватает меня за предплечье.

- Откуда ты это взяла?

- Продолжай читать, - говорю я. Шкала и измерения ей более понятны, чем мне.

Я наблюдаю за ее лицом и пытаюсь понять, что происходит в моем мире. Я ожидала, что она отпустит письмо из рук, как и мама, но ее реакция...другая.

- Ты показывала это маме?

Я молча киваю.

- Что она сказала?

- Это ошибка - Я шепчу, прячась от звука своего собственного голоса.

Она долгое время рассматривает мое лицо.

- Нам нужно выяснить, - говорит она.

- Выяснить что?

- Правда это или нет.

- Как это может быть правдой? Это означало бы...

- Шшш, шшш. Мы еще ничего не знаем.

Мы ничего не знаем? Конечно, знаем. Я знаю, что болею. Что мне под страхом смерти не позволено выходить из дома. Я всегда это знала. Я та, кто я есть.

- Что происходит? - спрашиваю я. - Что ты скрываешь от меня?

- Нет, нет. Я ничего не скрываю.

- Что это значит?

Она вздыхает, и ее вздох длинный, глубокий и изможденный.

- Клянусь, я ничего не знаю. Но иногда у меня возникает подозрение.

- Какое подозрение?

- Иногда я думаю, что твоя мама не совсем права. Может, она так и не отошла от того, что случилось в твоим папой и братом.

Кислород в комнате сменяется чем-то еще, чем-то разреженным и невдыхаемым. Теперь время замедляется, и у меня резко сужается поле зрения. Стены становятся намного ближе, а Карла удаляется от меня и становится маленькой фигурой в конце очень длинного коридора. Туннельное зрение уступает головокружению. Я пошатываюсь и чувствую тошноту.

Бегу в ванную, и меня тошнит в раковину. Карла входит, когда я ополаскиваю лицо водой.

Она кладет руку на мою спину, и я прогибаюсь под ее весом. Я хрупкая. Я снова привидение Олли. Прижимаю руки к керамической раковине. Я не могу посмотреть в зеркало, потому что не узнаю девушку, смотрящую в ответ.

- Я должна знать точно, - рычу я будто чьим-то другим голосом.

- Дай мне день, - говорит она и пытается обнять меня, но я не позволяю. Не хочу, чтобы она успокаивала или защищала меня.

Мне хочется правды.

ЖИЗНЕННОЕ ИСПЫТАНИЕ

Все, чем стоит мне заняться, это пойти спать - утихомирить свой разум, расслабить тело и заснуть. Но неважно, насколько сильно я хочу этого, сон не идет. Мой мозг - неизведанная комната с потайными ходами. Голос Карлы включается в моей голове. *Может, она так и не отошла от того, что случилось с твоим папой и братом.* Что это значит? Смотрю на часы. Час ночи. Семь часов до прихода Карлы. Мы сделаем несколько анализов крови и отправим их специалисту по ТКИД, которого я нашла. Семь часов. Я закрываю глаза. Снова открываю их. 01:01.

Не могу ждать, пока ответы доберутся до меня. Я должна найти их.

Вся энергия уходит на то, что дойти, а не добежать, до кабинета мамы. Я уверена, что она спит, но не могу рисковать и разбудить ее. Хватаюсь за ручку и какое-то ужасное мгновение думаю, что дверь будет заперта. Мне придется ждать, а я не могу ждать. Но ручка проворачивается, и комната впускает меня, будто ждала, будто предполагала, что это я.

Ее кабинет обычный - не слишком чистый и не слишком неопрятный. Нет никаких очевидных признаков больной психики. Сумасшедшие, беспорядочные надписи не покрывают каждый дюйм стены.

Я подхожу к большому столу в центре комнаты. В нем есть встроенный шкафчик-регистратор, с которого я и начинаю. Мои руки трясутся, но это не трепор, а самая настоящая дрожь, как землетрясение, которое могу почувствовать только я.

Мама щепетильна и причудлива в хранении записей. Она сохранила все, и у меня уходит час на то, чтобы просмотреть кучу файлов. Здесь есть квитанции на крупные и мелкие покупки, договоры об аренде, налоги, гарантийные талоны и инструкции по применению. Она даже сохранила корешки от билетов в кино.

Наконец около задней стенки нахожу то, что искала: толстая красная папка с пометкой "Мадлен". Осторожно достаю ее и присаживаюсь на пол.

Записи о моей жизни начинаются с ее беременности. Я нахожу рекомендации о витаминах для беременных, УЗИ и копии всех посещений врача. Нахожу карточку с двумя ячейками - одна для мальчика, вторая для девочки. Ячейка для девочки отмечена галочкой. Здесь же мое свидетельство о рождении.

Через какое-то время поисков понимаю, что я была болезненным ребенком. Нахожу отчеты педиатра о сыпях, аллергиях, экземах, простудах, лихорадках и двух ушных инфекциях - и все за четыре месяца жизни. Нахожу направление к консультантам по кормлению грудью и детскому сну.

Когда мне было шесть месяцев, как раз через месяц после смерти папы и брата, я попала в больницу с респираторно-синцитиальным вирусом (РСВ). Я не знаю, что это такое, и мысленно ставлю заметку прогуглить. Было достаточно тяжело держать меня в больнице три дня.

А затем ее записи становятся менее скрупулезными. Нахожу распечатку из сети о РСВ. Она обвела кружком раздел, который объясняет, что этот вирус тяжело переносится людьми со сниженной иммунной системой. Нахожу копию первой страницы статьи о ТКИД из медицинского журнала. Ее каракули на полях трудны для прочтения. После этого был единственный поход к аллергологу, а затем походы к трем разным иммунологам. Каждый сделал вывод, что болезнь не обнаружена.

И все.

Я снова обыскиваю шкафчик в поисках файлов. И это все, что есть? Где результаты анализов? Должен был быть четвертый иммунолог, да? Где диагноз? Где консультации и вторые мнения? Должна быть еще одна толстая красная папка. Просматриваю файлы в третий раз. И в четвертый. Раскидываю другие папки по полу и роюсь в них. Просматриваю бумаги на ее столе. Пролистываю страницы ее медицинских журналов, выискивая выделенные места.

Мое дыхание ускоряется, когда я подбегаю к книжной полке. Вытаскиваю книги, трясу их за корешки, ожидая, что что-то выпадет - позабытый анализ, официальный диагноз. Ничего.

Но ничего это не доказательство.

Может, доказательство где-то еще. Одна попытка, чтобы угадать пароль - Мадлен. Два часа я просматриваю каждый документ на ее компьютере. Изучаю историю браузера. Заглядываю в корзину.

Ничего.

Ничего.

Где доказательство о жизни, которой я жила?

Медленно поворачиваюсь посреди комнаты. Я не верю тому, что вижу своими собственными глазами. Я не верю тому, чего не вижу. Как ничего не может быть? Моя болезнь будто возникла из ниоткуда.

Это не правда. Этого не может быть.

Возможно ли такое, что я не болею? Мой разум отшатывается от такого направления мыслей.

Может она хранит другие записи в своей спальне? Почему я не подумала об этом раньше? 05:23. Могу ли я ждать, пока она проснется? Нет.

Дверь открывается как раз тогда, когда я иду к ней.

- Вот ты где, - говорит она, в ее глазах отражается облегчение. - Я волновалась. Тебя не было в комнате. - Она проходит дальше, и ее глаза расширяются, как только она видит полные беспорядок, окружающий нас. - Было землетрясение? - спрашивает она. Наконец она понимает, что бардак сделан человеком. Она с озадаченным выражением лица поворачивается ко мне. - Милая, что происходит?

- Я болею? - спрашиваю я. Моя кровь слишком громко стучит в ушах.

- Что ты сказала?

- Я болею? - спрашиваю я в этот раз громче.

Ее зарождающаяся злость рассеивается, сменяясь беспокойством.

- Ты плохо себя чувствуешь?

Она тянется ко мне, но я отстраняюсь.

Из-за боли на ее лице мне становится дурно, но я давлю дальше.

- Нет, это не то, что я имею в виду. У меня есть ТКИД?

Ее беспокойство трансформируется в раздражение и жалость.

- Ты все еще по поводу того письма?

- Да, - говорю я. - И Карла тоже. Она сказала, что, возможно, ты не в порядке.

- Что ты имеешь в виду?

В чем конкретно я ее обвиняю?

- Где все бумаги? - спрашиваю я.

Она глубоко вдыхает, чтобы успокоиться.

- Мадлен Уиттер, о чём ты говоришь?

- У тебя есть записи всего, но нет ничего о ТКИД. Почему я не могу ничего найти?

- Я хватаю с пола красную папку и пишу ей. - Все остальное у тебя есть.

- О чём ты говоришь? - спрашивает она. - Конечно, все здесь.

Я не знаю, что ожидала от нее услышать, но не это. Она и правда верит, что все здесь?

Она прижимает папку к груди, будто пытаясь превратить ее в часть себя.

- Ты тщательно смотрела? Я все храню.

Она подходит к столу и освобождает место. Я наблюдаю, как она просматривает файлы, перекладывая их и приглаживая руками страницы, которые не нуждаются в приглаживании.

Через какое-то время она смотрит на меня.

- Ты их взяла? Я знаю, что они были здесь. - Ее голос наполнен замешательством и, при этом, страхом.

И тогда я точно понимаю.

Я не болею и никогда не болела.

НА УЛИЦЕ

Я выбегаю из кабинета. Коридор тянется передо мной, и он нескончаем. Я оказываюсь в тамбуре, и в нем нет движения воздуха. Я на улице, и мое дыхание беззвучно.

Мое сердце не бьется.

Меня тошнит, но ничего не выходит из желудка. Желчь горит в задней части моего горла.

Я плачу, и прохладный утренний воздух охлаждает слезы на моем лице.

Я смеюсь, и холод проникает в мои легкие.

Я не больна. Никогда не болела.

Все эмоции, которые я последние сутки держала под контролем, обрушаются на меня. Надежда и отчаяние, предвкушение и сожаление, радость и злость. Как возможно одновременно ощущать такие противоположные эмоции? Я барахтаюсь в черном океане, со спасательным жилетом на груди, с якорем на ноге.

Мама догоняет меня. Ее лицо - развалины страха.

- Что ты делаешь? Куда ты идешь? Ты должна зайти внутрь.

Мое зрение сужается, и я удерживаю ее в поле зрения.

- Почему, мам? Почему я должна зайти внутрь?

- Потому что ты больна. На улице с тобой может случиться все что угодно.

Она тянется, чтобы притянуть меня к себе, но я уклоняюсь от нее.

- Нет. Я не вернусь внутрь.

- Пожалуйста, - умоляет она. - Я не могу потерять и тебя. Не после всего.

Она смотрит на меня, но я без сомнений знаю, что она совсем меня не видит.

- Я потеряла их. Я потеряла твоего отца и брата. И я не могла потерять тебя. Просто не могла.

Выражение ее лица меркнет, полностью распадается. Что бы не сдерживало его, не выдержало внезапного и катастрофического отказа.

Она сломлена. Была сломлена долгое время. Карла была права. Она так и не оправилась от их смертей.

Я что-то говорю. Не знаю, что, но она продолжает говорить.

- После их смерти ты так сильно заболела. Ты не могла дышать правильно, и я отвезла тебя в отделение интенсивной терапии, и нам пришлось остаться там на три дня. Они не знали, что не так. Они сказали, что, возможно, это аллергия. Они предоставили мне список вещей, которых следовало остерегаться, но я знала, что дело не только в этом.

Она кивает.

- Я знала, что дело не только в этом. Я должна была *защитить* тебя. На улице с тобой может случиться что угодно.

Она осматривается.

- Здесь с тобой может случиться что угодно. В этом мире.

Я должна бы чувствовать жалость. Но не ее я чувствую. Во мне прорастает злость и вытесняет все остальное.

- Я не больна, - кричу я. - Никогда не болела. Это ты больна. - Я зло машу рукой перед ее лицом. Наблюдаю, как она погружается в себя и исчезает.

- Зайди в дом, - шепчет она. - Я защищу тебя. Останься со мной. Ты все, что есть у меня.

Ее боль бесконечна. Она спадает с краев мира.

Ее боль - мертвое море.

Ей больно из-за меня, но я больше не могу это вынести.

СКАЗКИ

Однажды давным-давно жила девушка, жизнь которой была сплошной ложью.

ПУСТОТА

Вселенная, которая может появиться, может и померкнуть.

НАЧАЛО И КОНЕЦ

Проходят четыре дня. Я ем. Делаю домашнюю работу. Не читаю. Мама бродит вокруг в бессознательном состоянии. Не думаю, что она понимает, что происходит. Кажется она осознает, что должна что-то искупить, но что именно, не понимает. Иногда она пытается поговорить со мной, но я игнорирую ее. Я даже едва на нее смотрю.

Утром после того, как я выяснила правду, Карла берет пробы моей крови и отдает специалисту по ТКИД, доктору Чейзу. Сейчас мы в его офисе, ждем, когда нас позовут. И хотя я знаю, что он скажет, страшно боюсь фактического медицинского подтверждения.

Кем я буду, если не болею?

Медсестра называет мое имя, и я прошу Карлу остаться в комнате ожидания. По какой-то причине мне хочется услышать новости один на один.

Доктор Чейз встает, когда я захожу. Он выглядит, как на фотографии в сети - белый мужчина в возрасте с седыми волосами и яркими черными глазами.

Он смотрит на меня со смесью симпатии и любопытства.

Показывает мне сесть и ждет, когда я сяду, чтобы сесть самому.

- Ваш случай, - начинает он, а затем останавливается.

Он нервничает.

- Все в порядке, - говорю я. - Я уже знаю.

Он открывает папку, лежащую на столе, и качает головой так, будто все еще ошарашен результатами.

- Я раз за разом просматривал результаты. Заставил коллег проверить, чтобы быть совершенно уверенным. Вы не болеете, мисс Уиттер.

Он замолкает и ждет, когда я отреагирую.

Я качаю головой.

- Я уже знаю, - снова повторяю я.

- Карла - медсестра Флорес - коротко рассказала о сути проблемы. - Он усердно пролистывает еще несколько страниц, пытаясь избежать того, что скажет потом. - Как врачу, вашей маме стоило это знать. Это при том, что ТКИД - очень редкое заболевание и выражается во многих формах, но у вас нет никаких, совершенно никаких характерных признаков болезни. Если бы она провела исследования, взяла какие-нибудь анализы, то знала бы это.

Комната исчезает, и я оказываюсь в безликой белой местности, испещренной открытыми дверьми, которые ведут в никуда.

Он выжидающе смотрит на меня, когда я наконец возвращаюсь в свое тело.

- Извините, вы что-то сказали? - спрашиваю я.

- Да. Должно быть, у вас есть вопросы ко мне.

- Почему я заболела на Гавайях?

- Люди заболевают, Мадлен. Обычные здоровые люди все время заболевают.

- Но мое сердце остановилось.

- Да. Я подозреваю миокардит. Я разговаривал с лечащим врачом на Гавайях. Она подозревала то же самое. Попросту говоря, в какой-то момент в прошлом у вас, возможно, была вирусная инфекция, которая ослабила сердце. Вы испытывали на Гавайях боль в груди или недостаток дыхания?

- Да, - говорю я медленно, вспоминая сжимания своего сердца, которые я сознательно проигнорировала.

- Ну, миокардит - вероятный кандидат.

У меня больше нет вопросов, по крайней мере, не к нему. Я встаю.

- Ну, большое спасибо, доктор Чейз.

Он тоже встает, взволнованный и, кажется, более нервный, чем прежде.

- Прежде чем вы уйдете, есть еще кое-что.

Я сажусь обратно.

- Учитывая обстоятельства вашего рождения, мы не уверены в состоянии вашей иммунной системы.

- Что это значит?

- Мы думаем, что она, возможно, недоразвита, как у младенца.

- Младенца?

- Ваша иммунная система все это время не подвергалась обычным вирусам и бактериальным инфекциям. У нее не было времени получить опыт борьбы с этими инфекциями. У нее не было времени стать сильной.

- Так я все еще больна?

Он прислоняется к спинке стула.

- У меня нет для вас хорошего ответа. Здесь мы на неизведанной территории. Я никогда не слышал о таком случае. Это может означать, что вы будете болеть чаще, чем остальные со здоровой иммунной системой. Или это может означать, что когда вы заболеете, то заболеете серьезно.

- Как я узнаю?

- Не думаю, что это можно как-то узнать. Я рекомендую вам быть осторожной.

Мы расписываем еженедельные контрольные посещения. Он говорит, что я должна действовать не спеша, когда начну изучать мир - никаких толп, незнакомой еды, истощающей физической активности.

- Мир никуда не денется, - говорит он, когда я ухожу.

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Следующие несколько дней я провожу в поисках информации, чего-то, что объяснило бы мне, что случилось со мной и моей мамой. Мне хочется, чтобы у меня был дневник с ее мыслями, изложенными легко читаемыми чернилами. Мне хочется, чтобы ее душевное расстройство выражалось ясно, чтобы отследить его историю и мою. Мне хочется деталей и объяснений. Мне хочется знать, почему, почему, почему? Мне нужно знать, что случилось, но она не может рассказать мне. Она слишком сломлена. А если бы могла? Помогло бы это делу? *Поняла бы я?* Поняла бы глубину горя и страха, которые могли привести ее к тому, чтобы она отобрала у меня всю мою жизнь?

Доктор Чейз говорит о том, что, по его мнению, ей нужен психиатр. Он думает, что пройдет много времени прежде, чем она сможет рассказать мне, что случилось, если вообще расскажет. Он предполагает, что она страдала от какого-то расстройства после смерти папы и брата.

Карла всеми силами пытается убедить меня не уходить из дома. Не только для маминой пользы, но и для моей. Мое сердце все еще не изведано для меня.

Я решаю написать Олли, но прошло столько времени. Я лгала ему. Возможно, он живет дальше. Возможно, нашел кого-то еще. Я не знаю, выдержу ли еще одно жестокое разочарование. И что я ему скажу? Что практически не больна?

В конце концов Карла убеждает меня остаться с мамой. Она говорит, что я выше этого. Я не так уверена. Та, которую я знала до того, как выяснила правду, умерла.

ОДНА НЕДЕЛЯ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Первый еженедельный визит к доктору Чейзу. Он призывает к осторожности.
Устанавливаю замок на двери в спальню.

ДВЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Email

НАПИСАТЬ

входящие
отправленные
черновики
удаленные
больше ▾

1-4

☐ Мадлен, Олли (ЧЕРНОВИК)	Извини, скучаю по тебе	Янв 19
☐ Мадлен, Олли (ЧЕРНОВИК)	Как ты?	Янв 20
☐ Мадлен, Олли (ЧЕРНОВИК)	большие новости	Янв 21
☐ Мадлен, Олли (ЧЕРНОВИК)	моя мама	Янв 22

ТРИ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Мама пытается войти в мою комнату, но дверь заперта, я внутри.

Она уходит.

Сохраняю в черновиках письма для Олли, но не отправляю их.

Доктор Чейз продолжает призывать к осторожности.

ЧЕТЫРЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Я крашу каждую стену своей комнаты в разные цвета. Та, которая у окна, теперь бледно-желтого цвета. Полки у переливчато-синей стены теперь оранжевого, как закат, цвета. Стена у изголовья кровати лавандового, а последняя – черного, как школьная доска.

Мама стучит в дверь, но я притворяюсь, что не слышу ее.

Она уходит.

ПЯТЬ НЕДЕЛЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Я заказываю настоящие растения для террасы. Перепрограммирую воздушные фильтры и открываю окна. Покупаю пять золотых рыбок, всем им даю имя Олли и отпускаю их в фонтан.

ШЕСТЬ НЕДЕЛЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Доктор Чейз настаивает на том, что слишком рано записываться в старшую школу. Слишком много детей с разными болезнями. Мы с Карлой уговариваем его позволить некоторым моим преподавателям встречаться со мной очно, при условии что они не болеют. Он сомневается, но соглашается.

МАМА МАДЛЕН

Услуги семейной психиатрии

33 Блафф Авеню, Санта Моника, Калифорния

Маргарет Стивенсон

Американский совет по психиатрии
и неврологии

2/23/15 16:19

Зарегистрировано 2/26/15 20:30

Стр. 1 из 1

ПАЦИЕНТ

Полин Уиттер

РЕЗЮМЕ

Пациентка наконец смогла изложить события ночи, когда умерли ее муж и сын.

Она все еще говорит об этом в настоящем времени.

Ясно, что над этим предстоит поработать.

ПРОТОКОЛ РАБОТЫ

Вы знаете, что сотрудники полиции касаются оружия, когда нервничают? Это нервный тик. Я обратила на это внимание в приемном отделении, когда они доставляют членов преступной группировки или грабителей. Думаю, что прикосновения успокаивают их. Двое офицеров прибыли к нам домой после того, как это произошло. Мужчина и женщина. Они делают это сознательно? Мужчина. Женщина. Женщина-офицер вела разговор и все время касалась оружия. Она обращалась ко мне «мэм». Думаю, она хотела, чтобы я догадалась, и ей не пришлось произносить это вслух. Я врач. Я привыкла озвучивать плохие новости, а она нет. Она продолжала болтать. Она сказала, что произошло, но меня там больше не было. Я была в палате для новорожденных с Мэдди. Гладила ее животик. Она снова болела. Она всегда болела. Воспаление среднего уха. Диарея. Бронхит. Женщина-офицер все говорила, а мне хотелось заткнуть ее. Мне хотелось, чтобы все просто прекратилось. Больше никакого плачущего ребенка, никаких болезней, никаких больниц, никакой смерти. Если бы все в кои-то веки могло прекратиться, просто прекратиться.

ЦВЕТЫ ДЛЯ ЭЛДЖЕРНОНА

Неделю спустя мы с Карлой наблюдаем, как мистер Уотерман идет по лужайке к машине, чтобы уехать. Я обняла его перед тем, как он ушел. Он удивился, но не задал вопрос, просто обнял меня в ответ так, будто это было совершенно естественно.

Я несколько минут после его отъезда стою на улице, Карла ждет со мной. Она пытается найти способ помягче разбить мое уже разбитое сердце.

- Итак.... - начинает она.

Я знаю, что она скажет. Она весь день готовилась сказать это.

- Пожалуйста, не оставляй меня, Карла. Ты все еще нужна мне.

Она смотрит на меня, но я не могу посмотреть на нее.

Она не отрицает того, что я сказала, просто берет мои руки в свои.

- Если я и правда нужна тебе, то я останусь. - Она сжимает мои пальцы. - Но я тебе не нужна.

- Ты всегда будешь мне нужна. - Я не пытаюсь остановить поток слез.

- Но не как прежде, - произносит ласково она.

Конечно, она права. Мне не нужно, чтобы она восемь часов в день находилась со мной. Мне не нужна постоянная забота. Но что я буду делать без нее?

Мои слезы превращаются в чудовищные рыдания, и она держит меня в своих руках и позволяет мне плакать, пока все не прекращается.

- Что ты будешь делать?

Она вытирает мое лицо.

- Возможно, вернусь на работу в больницу.

- Ты уже сказала моей маме?

- Этим утром.

- Что она сказала?

- Поблагодарила меня за то, что я заботилась о тебе.

Я не пытаюсь скрыть нахмуренный взгляд.

Она держит меня за подбородок.

- Когда тебе хватит духу простить ее?

- То, что она сделала, так просто не забывается.

- Она была больна, милая. И все еще больна.

Я качаю головой.

- Она отобрала у меня всю мою жизнь. - Даже сейчас из-за мыслей обо всех годах, которые я потеряла, мне кажется, что я нахожусь на краю огромной бездны, будто я могу упасть и никогда не вернуться.

Карла толчком локтя возвращает меня в настоящее.

- Не всю твою жизнь, - говорит она. - У тебя еще многое осталось.

Мы заходим внутрь. Я всюду следую за ней, наблюдая, как она в последний раз собирает вещи.

- Ты когда-нибудь читала "Цветы для Элджернона"? - спрашиваю я.

- Да.

- Тебе понравилось?

- Нет. Мне не нравятся такие книги. В них недостаточно надежды.

- Ты же плакала из-за нее, да?

Она качает головой, но потом признается:

- Хорошо, да, как ребенок.

Мы обе смеемся.

ПОДАРОК.

Неделей позже мама стучится в дверь. Я остаюсь на своем диване. Она стучит настойчивее, и негодование внутри меня растет. Не уверена, что наши отношения когда-нибудь восстановятся. Мне сложно простить ее, когда она не осознает полностью свой проступок.

Я распахиваю дверь как раз тогда, как она собирается снова постучать.

- Сейчас не самое хорошее для этого время, - говорю я.

Она вздрагивает, но мне все равно. Мне хочется снова и снова делать ей больно. Моя злость никуда не делась. Я думала, что она через какое-то время исчезнет, но она все еще здесь, под поверхностью обстоятельств.

Она вдыхает.

- У меня есть кое-что для тебя. - Ее голос тихий и смушенный.

Я закатываю глаза.

- Думаешь, подарки помогут?

Я знаю, что снова сделала ей больно. Подарок трястется в ее руке. Я беру его потому, что мне хочется закончить этот разговор. Мне хочется запереться подальше от нее и не чувствовать ни жалость, ни сочувствие, ни сострадание, ничего.

Она поворачивается, чтобы уйти, но останавливается.

- Я все еще люблю тебя, Мадлен. И ты все еще любишь меня. У тебя вся жизнь впереди. Не трать ее попусту. Прости меня.

КОНЕЦ - ЭТО НАЧАЛО, А НАЧАЛО – ЭТО КОНЕЦ

Я открываю мамин подарок. Это телефон. На нем открыто приложение с прогнозом погоды на неделю - солнечно каждый день.

Я должна выбраться из дома. Выхожу наружу, не понимая, куда иду, пока не добираюсь до места. К счастью, лестница находится именно там, где Олли ее и оставил. Забираюсь по ней на крышу.

Модель солнечной системы все еще здесь и все еще красива. Покрытые оловянной фольгой солнца, луны и звезды крутятся и отражают лучи солнца в большую вселенную. Локтем задеваю одну из планет, и вся система медленно вращается. Я понимаю, почему Олли смастерил ее. Наблюдать за целым миром за раз - самое что ни на есть утешение. Видеть все его части и знать, как это все сочетается друг с другом.

В последний раз я была здесь пять месяцев назад? Прошла будто вечность, несколько жизней. А та девушка, которая была здесь? Это правда была я? Есть ли у меня что-то общее с той Мэдди, кроме сильного сходства и одного имени?

Когда я была младше, моей любимой игрой было представлять альтернативные версии самой себя. Иногда я была розовощекой активной девочкой, которая ела цветы и ездила в одиночку на велосипеде в горы очень далеко. Или была бесшабашной девчонкой, которая прыгала с парашютом, участвовала в гонках на максимальное ускорение и была буйной. Или драконом-убийцей, одетым в кольчугу и размахивающим мечом. Было весело представлять это все, потому что я уже знала, кто я такая. А сейчас я ничего не знаю. Не знаю, кем я должна быть в моем новом мире.

Продолжаю пытаться выявить момент, когда все изменилось. Момент, который повел мою жизнь по этой дорожке. Это случилось, когда папа с братом умерли или до этого? Это случилось, когда они сели в машину в тот день, когда умерли? Может, когда родился мой брат? Или когда мама с папой познакомились? Или когда родилась мама? А может и ничего из этого. Может это случилось, когда водитель грузовика решил, что не слишком устал для езды. Или когда он решил стать водителем. Или когда родился.

Или в любое несметное количество моментов, которые привели именно к этому.

Поэтому, если бы я могла изменить один момент, который выбрала бы? И получился бы тот результат, которого я хочу? Осталась бы я Мэдди? Жила бы в этом доме? Переехал бы в соседний дом парень по имени Олли? Влюбились бы мы?

Теория хаоса говорит, что даже небольшое изменение в исходных условиях может привести к очень непредсказуемым результатам. Сейчас бабочка машет крыльями, а в будущем формируется ураган.

И все же.

Думаю, если бы я могла просто выяснить этот момент, то разобрала бы его кусок за куском, молекулу за молекулой, пока не добралась бы до атомов, пока не добралась бы до части, нерушимой и основополагающей. Если бы я смогла разобрать его и понять, то, может, сделала бы совершенно верный выбор.

Я бы смогла излечить маму и сделать так, чтобы она никогда не сломалась.

Я бы смогла понять, как оказалась на этой крыше в начале и в конце всего.

СВЕРНУВШИЕСЯ В БУДУЩЕМ №2

Кому: genericuser033@gmail.com

От: madeline.Whitter@gmail.com

Тема: Свершившееся в будущем №2

Отправлено: 10 марта, 19:33

К тому времени, как ты это прочитаешь, ты меня простишь.

ПОЛЕТ

Посадочный Талон	
рейс	рейс
АТ3881	АТ3881
11MAR15630A	11MAR15630A
имя	имя
МАДЛЕН УИТТЕР	МАДЛЕН УИТТЕР
откуда	откуда
ЛОС-АНДЖЕЛЕС	ЛОС-АНДЖЕЛЕС
куда	куда
НЬЮ-ЙОРК	НЬЮ-ЙОРК
ряд	место
33	09F
ALTAIR	

ПРОЩАНИЕ

Я смотрю в окно самолета и вижу мили и мили растительности, разделенной на идеальные квадраты. Внизу лежат десятки загадочных сине-зеленых омутов, сверкающих по краям. С такой высоты мир кажется упорядоченным и размеренным.

Но я знаю, что это далеко не все. Это меньшее из всего. Мир спланирован и хаотичен. Красив и причудлив.

Доктор Чейз был не рад моему решению так быстро полететь. Но всякое может случиться в любой момент. Безопасность это не все. Лучше жить, чем проживать жизнь.

Надо отдать должное, мама не пытала меня остановить, когда я рассказала ей об этом прошлым вечером. Она сглотнула весь свой страх и панику несмотря на то, что не верила полностью, что я не болела. Ее мозг врача никак не мог смириться с тем, во что она годами верила, вопреки доказательствам многих других врачей, многих анализов. Я пытаюсь войти в ее положение, играть не в причину и следствие, а в следствие и причину. Возвращаюсь мыслями назад, назад и назад и всегда прихожу к тому же.

К любви.

Любовь сводит людей с ума.

Потеря любви сводит людей с ума.

Мама любила папу. Он был любовью всей ее жизни. И она любила моего брата. Он был любовью всей ее жизни. И она любит меня. Я - любовь всей ее жизни.

Вселенная забрала моего папу и брата. Для нее это было большим взрывом, только наоборот - все стало ничем.

Я могу это понять.

Почти.

Я пытаюсь.

- Когда ты вернешься домой? - спросила она.

И я сказала ей правду.

- Не знаю, есть ли у меня еще дом.

Тогда она заплакала, но все равно отпустила меня, а это что-то значит.

В конце концов слой облаков становится таким толстым, что многое не разглядишь. Я расслабляюсь на сидении и перечитываю "Маленького принца". Как и всегда, когда я читала его прежде, смысл меняется.

ЖИЗНЬ КОРОТКА™

Рецензия от Мадлен

«МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ» АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ
Внимание, спойлер: Любовь стоит всего. Всего на свете.

ЭТА ЖИЗНЬ

Даже в воскресенье в девять утра Нью Йорк шумный и битком забит людьми. Этим он и известен. Улицы заполнены гудящими и медленно движущимися автомобилями. Тротуары кишат людьми, которые едва уклоняются друг от друга, будто их движения срежиссированы. Сидя на заднем сидении такси, я позволяю шуму и запахам города омывать меня. Широко открываю глаза, чтобы впитать мир, который вижу.

Я не говорила Олли, что собралась сделать, просто в магазине подержанных книг возле его дома его ждал подарок. Практически весь полет я представляла себе наше воссоединение. Каждый сценарий, в котором мы через тридцать секунд уже целуемся.

Водитель высаживает меня у "Старого книжного магазина". Я прохожу в двери. И сразу понимаю, что в конце концов проведу большую часть времени здесь.

Магазинчик маленький, состоит из одного зала с полками от пола до потолка, наполненными книгами. Зал тускло освещен небольшими фонариками, прикрепленными к каждой полке, чтобы видно было только книги. В воздухе пахнет так, как я себе всегда и представляла. Стариной. Будто этот воздух долгое время был только в этом месте.

У меня есть пятнадцать минут до прихода Олли. Я брожу по проходам, рассматривая все книги. Мне хочется одновременно коснуться их всех. Мне хочется добавить свое имя в список людей, которые читали их до меня. Провожу пальцами по корешкам. Некоторые такие потрепанные, такие изношенные, что я едва могу разглядеть названия.

Проверяю время на телефоне. Почти девять. Я иду к концу прохода С-Х и прячусь. Бабочки возвращаются в живот.

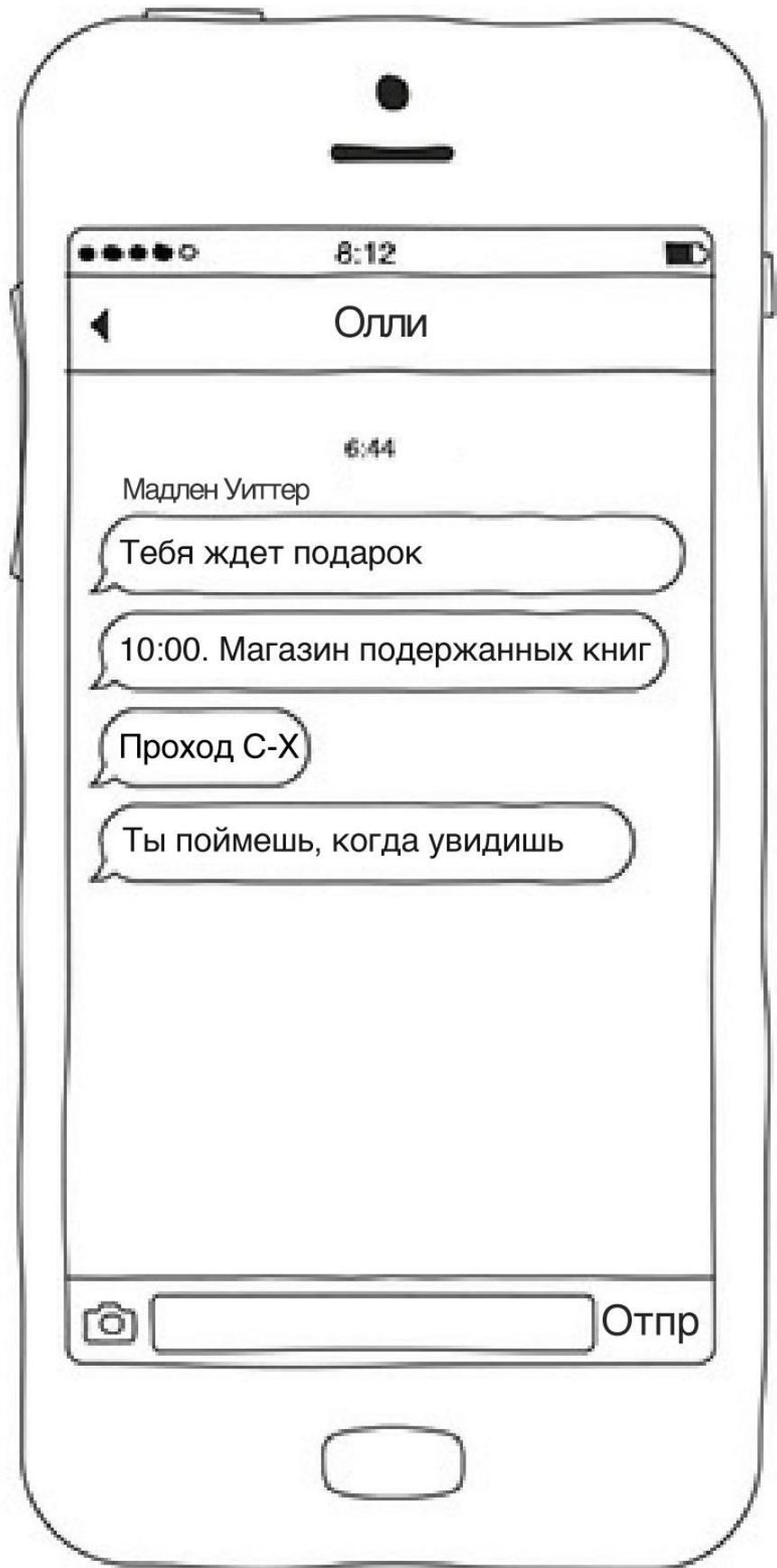
Минутой позже я наблюдаю, как он медленно идет по проходу, рассматривая полки.

Его волосы отросли. Длинные свободно свисающие локоны смягчают угловатость лица. А еще он не одет в черное. Ну, его джинсы и кроссовки черные, а футболка серая. И думаю, он стал выше.

То, что он выглядит так по-другому, заставляет меня паниковать больше всего, что произошло за последние несколько недель - прощание с Карлой, отъезд из дома вопреки совету доктора Чайза, оставление мамы в ее унынии.

Не знаю, почему думала, что он будет тем же. *Я же изменилась.*

Он достает телефон, чтобы снова прочитать мои инструкции.

Засовывает телефон в карман и смотрит на полки. Я поставила книгу обложкой наружу перед всеми остальными, чтобы он точно не упустил ее. И он не упускает. Но вместо того, чтобы взять ее, он засовывает руки в карманы и пристально смотрит.

Несколько недель назад, во время беседы с моделью солнечной системы, я изо всех сил пыталась отыскать единственный ключевой момент, который направил мою жизнь по этой дорожке. Момент, который отвечал на вопрос - *Как я сюда попала?*

Но дело не в одном моменте. Их много. И жизнь может разветвляться от каждого разными путями. Может, есть версия жизни, в которой делаешь выбор или не делаешь.

Может, есть версия моей жизни, в которой я все-таки болею.

Версия, в которой я умираю на Гавайях.

Еще одна, в которой папа с братом все еще живы, а мама не сломлена.

Есть даже версия моей жизни без Олли в ней.

Но не эта.

Олли достает руки из карманов, хватает книгу с полки и читает. Он улыбается и слегка покачивается на сводах стоп.

Я выхожу из укрытия. Иду к нему по проходу.

Улыбка, которой он меня одаривает, стоит жизни.

- Нашел твою книгу, - говорит он.

→ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ В СЛУЧАЕ НАХОДКИ:

- АЙВИНГ СО МНОЙ (МАДЛЕН) В КРАТЕРЕ МОЛОКИНН,
ЧТОБЫ ВЫСЛЕДИТЬ НАЦИОНАЛЬНУЮ РЫБУ ГАВАЙИ – УГЛОХВОСТОГО СТИНОРОГА.
- ПОСЕЩЕНИЕ СО МНОЙ (МАДЛЕН) МАГАЗИНА ПОДДЕРЖАННЫХ КНИГ.
- Я (МАДЛЕН).

Маленький Ориенц

АВТОР И ИЛЛЮСТРАЦИИ

АНТУАН ДЕ СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО РИЧАРД ГОВАРД

A HARVEST BOOK
HARCOURT, INC.

Orlando New York San Diego Toronto London

КОНЕЦ